

РАССТРОЯННАЯ
амфора

АЛАН ХОМ И МАЙКА ЛЯЙДИГ

ИСТОРИЯ НАТАШИ КАМПУШ

- Аллан Холл и Майкл Ляйдиг

- ☐ Предисловие
- ☐ Глава 1
- ☐ Глава 2
- ☐ Глава 3
- ☐ Глава 4
- ☐ Глава 5
- ☐ Глава 6
- ☐ Глава 7
- ☐ Глава 8

- notes

- ☐ 1
- ☐ 2
- ☐ 3
- ☐ 4
- ☐ 5
- ☐ 6
- ☐ 7
- ☐ 8
- ☐ 9
- ☐ 10
- ☐ 11
- ☐ 12
- ☐ 13
- ☐ 14
- ☐ 15
- ☐ 16
- ☐ 17
- ☐ 18
- ☐ 19

Аллан Холл и Майкл Ляйдиг
История Наташи Кампуш

Предисловие

Австрийский городок Штрасхоф-ан-дер-Нордбан совсем невелик. Здесь есть знаменитый железнодорожный музей, несколько гостиниц и темное прошлое, о котором его жители, числом более девяти тысяч, избегают упоминать проезжающим через него туристам. Именно здесь Адольф Эйхман, один из верховных идеологов нацистского холокоста, в конце войны отправил в концентрационный лагерь двадцать одну тысячу венгерских евреев — заложников режима, уже водворившего в польские лагеря смерти миллионы.

Заключенные лагеря Штрасхоф оказались счастливыми: большей части из них удалось пережить войну в качестве рабов-чернорабочих на заводах и мастерских близлежащей Вены. Местные — как и большинство австрийцев, которые после 1945 года испытывали коллективную амнезию относительно нацистского режима и своей роли в нем, — предпочитают поговорить о «Звуках музыки»^[1], пиве и цветах этого города-сада, пригорода столицы, нежели о сравнении себя с жертвами и палачами. «Теперь все это в прошлом», — заявил один почтенный житель Штрасхофа вскоре после того, как солнечным днем 23 августа 2006 года в 12.53 его город вновь вошел в историю.

Именно в этот момент бледная и напутанная девушка — кожа прозрачно-белая после многих лет заточения без дневного света, бесцветные глаза щурятся от солнца, от которого она совсем отвыкла, — бросилась бежать от подъездной дорожки дома номер 60 по Хейнештрассе. Она оставила пылесос «Бош», которым чистила салон BMW, и понеслась прочь.

Не было ни направленных на нее прожекторов, ни вооруженных охранников, ни собак, ни колючей проволоки, ни «полосы смерти», которую она вынуждена была преодолевать. Тем не менее это был великий побег, торжество человеческого духа над невыразимой жестокостью, претерпевавшейся этой хрупкой девушкой предшествующие 3096 дней.

Это был миг, о каком десятилетняя девочка мечтала с тех пор, как была похищена на улице по дороге в школу человеком, о подобных которому родители предупреждают детей, хищником того сорта, что измышляют голливудские сценаристы и романисты, дабы изобразить воплощение зла. Но произошедшее с ней не было выдумкой, и за время своего заточения она множество раз задавалась вопросом, будет ли когда-либо у истории ее жизни счастливый конец.

Человек, лишивший эту девушку детства, приостановив ее

жизнь, дабы насытить понукавших им демонов, на мгновение отвернулся от нее, отвечая на звонок по мобильному телефону. Это отвлечение внимания, это расщепленное мгновение, в кое Бог словно отправил сообщение, что Он не забыл Наташу Кампуш, послужило импульсом для ее побега из плена, своим характером и продолжительностью позже то потрясавшим, то озадачивавшим весь мир.

У нее было мало времени. Ей необходимо было воспользоваться этими первыми секундами, пока пылесос все еще гудел на полу BMW 850i ее похитителя, а домохозяйки по соседству готовили ланчи, чтобы увеличить расстояние между собой и человеком, укравшим ее детство. Последний день, когда она обладала такой свободой, прежде чем сгинуть в доме психопата Вольфганга Приклопиля, был ветреным и сырым утром 2 марта 1998 года.

Мышцы, отвыкшие от физических упражнений, подвижные удвоенной энергией страха и адреналина, толкали ее недокормленное тело, пока она перебиралась через живые изгороди по садикам позади домов на соседнюю улицу. Это был двухсотметровый забег, незафиксированный съемкой. Будь всё иначе, это была бы киносъемка поворотного момента... момента, когда она выбрала лучшую жизнь. Позже она охарактеризует свое решение как спонтанное:

Я просто знала, что если не сейчас, то, быть может, уже никогда. Я посмотрела на него. Он стоял ко мне спиной. Как раз за несколько минут до этого я сказала ему, что больше не могу так жить, что попытаюсь сбежать. Да, подумала я, если не теперь...

Для меня это было вечностью, хотя в действительности все длилось десять — двенадцать минут. Я просто побежала по садам, перепрыгивая через множество изгородей. В панике двигалась по кругу, высматривая, есть ли где-нибудь люди. Сначала позвонила в дверь того дома, но звонок почему-то не сработал, и затем увидела какое-то движение на кухне.

Я должна была ясно и точно дать понять — у меня крайняя необходимость. Та женщина была очень поражена, поэтому никак не могла сообразить, что к чему. Она все твердила: «Я не понимаю, я не понимаю». Она повторяла это снова и снова: «Я ничего не понимаю».

Она не впустила меня. На долю секунды я изумилась. Однако разрешить войти в свой дом совершенно незнакомому человеку — нужно понять ту женщину в маленьком домике, у которой к тому же больной муж. Я не могла позволить себе даже спрятаться за кустами. Я боялась, что преступник убьет хозяйку, или меня, или

нас обещ.

Это-то я и сказала. Что он может нас убить. Но женщина все еще была напугана и не разрешала мне ступить на ее крохотную лужайку. Я была потрясена. Чего я действительно опасалась, так это приезда местной полицейской машины из участка соседнего Гензерндорфа. Я хотела поговорить только с человеком, ответственным за «дело Наташи Кампуш».

Появились двое полицейских. Я сказала, что меня по-хи... нет, что я сбежала и что меня держали в заточении восемь лет. Они спросили, как меня зовут, когда я родилась, мой адрес и так далее. Я отвечала на все вопросы. Естественно, все это было не очень-то здорово. Потом они повторили по рации всю полученную от меня информацию. А затем я все время убеждала их, как можно быстрее отправиться со мной к их машине. Я просто не пойду через сад к машине, твердила я им.

Потом полицейские связались со своим начальством, и ребенок, которого сыщики уже давно причислили к мертвым, переродился в девушку — напуганную и неуверенную, но невредимую, наконец-то освободившуюся из лап человека, который в один день дарил ей подарки, а на следующий грозил убить, если она хоть когда-нибудь попытается сбежать от него.

Несколько часов спустя Приклопиль был мертв: понукаемый нависшим позором и неминуемым наказанием, он бросился под колеса венского поезда. Это лишило мир возможности лицезреть правосудие, осуществляемое праведным судом, также это означало, что вся сложность их взаимоотношений «пленник — похититель» может быть раскрыта лишь ею.

А объяснения требуются до сих пор. В течение нескольких дней этого захватывающего и грандиозного финала, когда каждый приземлявшийся в Венском международном аэропорту лайнер доставлял журналистов и телевизионные бригады, когда факсы ее адвокатов перегревались от заваливавших пол предложений по контрактам на интервью, правам на экранизацию и освещение на телевидении, выяснилось, что сложившиеся в сооруженной для нее тюрьме отношения были весьма далеки от простых «раб — хозяин», «жертва — угнетатель», от саги «добро против зла», в которую так хотел поверить замороженный мир.

То, что это было преступление фантастических масштабов по похищению ребенка у его родителей, отрицать ни в коем случае нельзя. Но за годы ее заточения положение на Хейнештрассе, 60, менялось, и постепенно Наташа как будто стала до некоторой степени манипулировать Приклопилем, искусно подчиняя его эмоции, чтобы заполучить крупницы свободы, новые вещи и даже

чувство привязанности. Некоторые газеты — пожалуй, слишком пристрастно — ухватились за это и изображали ее «чертовой заложницей». В результате менее чем через месяц после побега австрийские газеты и интернет-сайты пестрели письмами с угрозами и оскорблениями от людей, утверждавших, будто она являлась не жертвой, а желанной гостьей, той, чью ДНК, возможно, и нашли в его постели (была обнаружена ДНК, отличная от его собственной, а известно, что у него никогда не было подружки), и спрашивавших, почему она не пыталась сбежать раньше, несмотря на, по-видимому, неоднократные возможности сделать это.

Отношения, как и жизнь, никогда не бывают простыми. Под крышей дома номер 60 по Хейнештрассе происходили вещи, о которых знали лишь двое, и один из них унес тайну в могилу. В этой книге мы попытаемся дать ответы на те вопросы, на которые Наташа пока решила не отвечать. Книга не выносит ей приговора, однако делает попытку разрешить загадку того, что стало самой захватывающей историей десятилетия, — мы спрашиваем, почему он, отчего она и что именно превратило бессердечное похищение в нечто приближенно похожее на любовную историю.

Мы отследили прошлое с самого момента похищения Наташи Кампуш в 1998 году, поскольку обладали исключительным правом доступа к следователям, распутывающим сложные детали этого дела. Ни в коем случае не отрицая ни поразительной мощи собственного рассказа Наташи, ни ее действительно невероятного личного героизма, мы исследовали и продолжаем исследовать те области, что могли бы придать новое видение этой удивительнейшей драме.

Знала ли ее семья похитителя, пускай даже как случайного знакомого? Насколько несчастна была Наташа в детстве? Был ли подвал местом отдохновения, убежищем от дома, раздираемого ссорами и разлуками? Что это была за «нежность», расцветшая между Наташей и ее похитителем? Были ли у нее возможности для побега до того, как она наконец сделала это?

Другими словами, предпочитала ли она остаться?

Заключительные штрихи к этой истории, совершенно непохожей на какую-либо другую, известную миру, все еще предстоит нанести самой Наташе. Но эта книга попытается предоставить читателям достаточно информации, дабы они сами решили, стоит ли рассматривать это дело исключительно в черных и белых тонах или же во множестве оттенков серого, запутывающих чувства, естественным образом вызываемые произошедшим. Вещи редко бывают такими, какими они предстают в этой невероятной истории^[2].

Глава 1

ТРУДНОЕ ДЕТСТВО

Вена. Город романтики, тревог, интриг, истории и славы. Имперское сердце Габсбургов, место действия великолепного послевоенного триллера Грэма Грина «Третий человек», город не такого уж и голубого Дуная, вальсов Штрауса и кремовых пирожных, от которых как будто толстеешь, просто глядя на них. Она притягивает гостей со всего мира в любое время года, здесь располагаются влиятельные мировые организации вроде Международного агентства по атомной энергии и различных структур ООН. Это то, о чем известно ее гостям; величественные здания минувших времен — это то, что они наблюдают; отварная говядина да торты Захера — это то, что они употребляют. Но раньше никогда ни у кого не возникало желания испортить отпуск прогулкой по угнетающему своим видом 22-му району, где Вена предстает перед вами скорее испещренной оспинами старой каргой, нежели благородной дамой.

Теперь район называется Донауштадт (Дунайский город): власти попытались очистить грязные жилые массивы и обветшалые промышленные зоны и изменить их прежнюю репутацию, но одно лишь переименование не может рассеять те миазмы отчаяния, что нависают над большей частью этого района. Высотные дома, где едва ли не четверть жителей являются безработными, места общественного пользования, где собираются наркоманы да скандалят, падают, дерутся и наконец выключаются пьяницы, зловещие сумрачные аллеи меж бедняцких домов, где хищники предлагают наркотики и секс или все вместе, — все это было отнюдь не тем, где желал бы оказаться обычный гость Вены. Но сегодня 22-й район входит в программу обязательных посещений, ему было предопределено судьбой стать магнитом для любителей отвратительного и преступного или просто любопытных. Как и травянистый холм в Далласе, где теоретики заговора разместили второго стрелка, причастного к убийству Джона Кеннеди, или тоннель в Париже, в котором погибла принцесса Диана, он создает свою ауру для мира, очарованного произошедшим с выросшей здесь маленькой девочкой. В округ Реннбанвег регулярно приезжают такси, останавливаясь у дома номер 38, где располагается квартира 18. Водитель опускает стекло и указывает, а пассажиры таращатся, следуя взглядом за его пальцем, пока он описывает дугу в небе к восьмому этажу. Иногда они лишь щелкают фотоаппаратом,

иногда выходят из машины вдохнуть воздух, забираются обратно и уезжают, удовлетворив таким образом свое любопытство. Теперь они могут сказать друзьям, демонстрируя снимки из отпуска: «Вот здесь, значит, она и жила».

Это пробный камень жертвенности, место, где Наташа Кампуш родилась 17 февраля 1988 года и выросла, дабы исполнить свое необычное и в чем-то уникальное назначение в истории.

Ее жилище располагалось в одном из тех огромных домов социального найма, что были воздвигнуты администрацией левого толка в годы послевоенного переустройства Вены. В здании более 2400 квартир и 12 000 жителей. В противоположность этому район, где она оказалась, был спроектирован как пригород-сад для зажиточных горожан.

Историю Наташи можно было бы начать с присказки братьев Гримм «жили-были», ибо жили-были когда-то ее отец да мать, не зная горя. Людвиг Кох, двадцатичетырехлетний пекарь — бережливый, работающий, серьезный и почтенный, — влюбился в привлекательную Бригитту Сирни, двадцати девяти лет, разведенную, мать двух девочек. То был 1980 год, и бизнес Людвига процветал.

Теперь все по-другому. Восемь с половиной лет преодоления ужаснейшей утраты дочери и бизнеса — одно время у него было несколько булочных — наложили на Людвига свой отпечаток.

Он слишком много пьет и, кажется, одновременно смущен и опечален событиями августа 2006 года: он вне себя от радости от исхода событий, о котором и мечтать не мог, и ожесточен тем, что ему представляется настоящей индустрией, возникшей вокруг его любимой Наташи, — нечто неподвластное ему, подобное силам, разлучившим его с дочерью и работой.

Его отношения с матерью Наташи разладились задолго до того, как из их жизни выкрали Наташу, но он испытывает приступы ностальгии, моменты нежности к женщине, которую когда-то любил. В эксклюзивном интервью он рассказал нам:

Я так и не женился на матери Наташи. Наши отношения продолжались почти тринадцать лет, из них вместе мы прожили лет семь-восемь. Точно не помню, но что-то вроде этого. Мы познакомились через общего друга, представившего нас, и с тех пор все и началось. Поначалу мы уживались очень хорошо, и у нас был совместный бизнес — она стала работать в булочной. Завести ребенка мы решили вместе. Наташа была запланированным и желанным малышом. Нашей мечтой было иметь семью, хотя у

матери Наташи и так уже было двое своих детей.

Моя дочь родилась в больнице «Готтлишер Хайланд» на Херналзер-Хауптштрассе. Это был чудесный миг. Я не помню, сколько длились роды, наверное, четыре или пять часов. Помню, что до этого я очень радовался беременности, поскольку был уверен, что у меня будет сын. И я всем говорил, что у меня будет сын, даже заключал пари. Когда же оказалось, что это девочка, я был искренне потрясен, но мое сердце оттаяло, едва я взял ее на руки. Я знал, что не променяю ее и на весь мир. Она была совершенной во всем. Я присутствовал при родах, что, как мне кажется, нехарактерно для парней моего поколения.

Мы нарекли ее Наташей из-за моего отца, которого тоже звали Людвиг. Он провел пять лет в плену у русских, попав туда во время войны, и, когда вернулся, мы частенько шутили по поводу русских женщин, и я назвал ее Наташей ради него. Хотя мне и без того всегда нравилось это имя.

Он умер в 1988 году, но успел поддержать Наташу на руках. Ему было восемьдесят, когда он скончался, так что он прожил долгую жизнь. Он тоже был пекарем, по-этому-то я и занялся этим бизнесом. Он не жаловался на здоровье до самой кончины и умер от сердечного приступа. Я счастлив, что они встретились перед его смертью. К сожалению, моя мать, Анна, умерла два года назад, так и не увидевшись с вернувшейся Наташей. Анна и Наташа были очень близки — она была ее любимой бабушкой.

Наташа — моя единственная дочь. Некоторые говорят, что понимают, как тяжело мне было потерять единственного ребенка, но, будь у меня хоть десять детей, это ничего не изменило бы. Ребенок есть ребенок, и утрата была ужасной. Никому не пожелал бы того, что мне пришлось пережить.

Я в самом деле не знаю, почему после рождения Наташи наши отношения разладились, и я не хочу их анализировать, скажу лишь, что вина лежит на нас обоих. Вероятно, больше, чем что-либо другое, здесь был замешан наш совместный бизнес. Думаю, деньги всегда вызывают слишком много споров. Наши отношения прервались внезапно, когда она поменяла замки в квартире, и я понял, что все кончено. Полагаю, это произошло года за четыре до похищения Наташи. Возникли некоторые споры об опеке, но в конце концов сошлись на том, что я буду проводить с Наташей каждые вторые выходные. Не думаю, что дом, где она жила, был идеальным для нее. В том не было чьей-либо вины — просто это не место для ребенка, и я старался делать для нее все возможное, когда она была со мной. Я хотел, чтобы каждые выходные превращались в праздник, и я привык брать Наташу с собой в Венгрию. У меня был и до сих пор есть дом близ термального

курорта в Сарваре в Западной Венгрии. Деревня, где находится мой дом, располагается примерно в восьми километрах от курорта, она называется Ньёгер, и я думаю, что ей там очень нравилось.

Наташа постоянно была со мной, куда бы я ни ходил. Если я собирался на дискотеку, она шла со мной, если отправлялся к другу, она была рядом. Мы часто плавали, по сути большую часть времени, а в деревне у нее появилось множество друзей. Иногда мы просто гуляли. Когда она пропала, я поначалу был уверен, что дома она была несчастна и убежала туда, в Венгрию, но оказалось, что это не так.

Я узнал Венгрию, потому что часто бывал там по своей пекарской работе. Я консультировал венгерские заводы. Здесь жило множество австрийцев. Наташа, как и всегда, там была очень популярна. Она могла одновременно разговаривать с пятерыми, занимая их всех. Она учила венгерский — дети схватывают иностранные языки очень быстро — и всегда говорила мне, что хочет стать переводчиком. Думаю, у нее дар к общению.

В детстве она любила животных. В Вене у нее было две кошки. Одну из них звали Синди, и она до сих пор живет со мной. Но после похищения дочери моя мама сказала, что я должен назвать кошку Наташей, потому что это принесет ей удачу — девять жизней и всякое такое. Вот мы и назвали ее Таши.

Еще в ее комнате было полно кукол, я знаю это, потому что вся семья надарила ей их целую уйму — она всегда любила кукол. Она обожала музыку, особенно Херберта Гренемайера^[3].

Уже в детстве Наташа казалась очень взрослой; когда другие дети больше интересовались сказками, ее пленял просмотр новостей. Она постоянно читала книги, которые могли предоставить ей сведения об окружающем мире. Она предпочитала те, что расширяли ее кругозор. Я знаю, что ей нравились книги по естествознанию. И еще мне известно, что, когда она была в том подвале, Наташа долгое время проводила в одиночестве и ей пришлось научиться отвлекаться. Ее страстью были документальные романы и книги, державшие ее в курсе происходящего в мире.

Я узнал, что Наташа пропала, потому что в тот же день мне позвонила ее мать. По правде говоря, я не очень-то этим обеспокоился — я был в курсе, что они поссорились, мне рассказала об этом ее мать. Я думал, что Наташа хочет лишь напугать маму, и на самом деле не волновался до следующего дня, когда она так и не нашлась. Тогда начался кошмар.

Я прошел через ад, но теперь моя жизнь действительно наладилась. У меня новая жена, и моя дочь вернулась. Мне пятьдесят один год, и я все еще достаточно молод, чтобы

наслаждаться временем с ними обеими. У Удо Юргенса^[4] есть очень известная песня, в которой поется: «Солнце сияет всегда». Это девиз моей жизни.

Помню, как Наташа была счастлива в Венгрии, когда одна из соседок попросила ее помочь при варке варенья и дала ей целую банку, которую Наташа отвезла домой. Она так гордилась этим.

Людвиг Кох излучает любовь и гордость за своего ребенка, это не подлежит сомнению. Но жизнь Наташи отнюдь не была радужной ни до похищения, ни, естественно, после. Она жила в унылом районе в квартире, которая после развода родителей часто пустовала. Обе ее сестры уже выросли и жили отдельно, а среди соседей царил — и царит до сих пор — атмосфера подавленности. По их мнению, блестящие дары жизни предназначены для других, более счастливых. Не для таких, как она.

Соседи, живущие там и поныне, говорят, что напряжение, возникшее между родителями, не миновало и Наташу, которая выражала его классическим образом, как и все дети, неуверенные в себе или в окружающем мире: ночное недержание, беспокойство, пониженное чувство собственного достоинства и периодически изменяющийся вес. До исчезновения одноклассники безжалостно обзывали ее Порки^[5]. Перед похищением она набрала десять килограммов всего за два месяца.

Как и человек, с которым она проводила годы своего формирования, она отнюдь не блистала в школе, что бы ни говорили ее родители. Ее интеллект был выше среднего, но ученицей она была посредственной: на самом деле она была похищена по дороге в школу, когда шла раньше обычного из-за дополнительных занятий по немецкому. Соседи и матери ее школьных друзей отзывались о ней как о прелестной девочке, но ничего выдающегося в ней не находили. Она была способной к ремеслам, и в детском саду, когда ей было четыре года, она вылепила глиняную статуэтку, которая до сих пор хранится у ее отца.

Детский сад «Альт Вин» (Старая Вена) на Леопольдаурплац, 77, в 21-м районе Вены, куда Наташа ходила после школы, находится всего в двух минутах ходьбы от «Бриошивег ФольксшULE», где она училась. Жозефина Гуттарш, директор этого детского сада, проработала в нем последние тридцать лет. При упоминании имени Наташа она улыбается и говорит о ней с нежностью:

Я помню Наташу очень хорошо, хотя и не видела ее вот уже много лет. Она была очень смысленным ребенком, весьма осведомленным о мире и, в некотором смысле, о себе самой. Она определенно была весьма самоуверенной и самонадеянной, но в хорошем смысле. Она была славной девочкой, и у нас никогда не возникало с ней проблем.

Дети в наш детский сад ходят вплоть до десяти лет, потому что их родители поздно заканчивают работу. Они делают здесь школьные уроки, и Наташа всегда хорошо с ними справлялась. Конечно же, порой она проводила за играми слишком много времени, и потому нее не оставалось достаточно времени для уроков, но это нормально.

Ей очень нравилось заниматься творчеством — рисовать и, насколько я помню, она также любила лепить из пластилина. Она была очень подвижной девочкой, постоянно бегала повсюду и обожала играть на улице в саду.

Думаю, она проводила много времени со взрослыми, с соседями и друзьями родителей и поэтому могла разговаривать как взрослая. По-моему, она развилась довольно рано из-за того, что ее родители не жили вместе, и потому, что она часто общалась со взрослыми.

Наташа была весьма остроумной, любила пошутить и со всеми хорошо ладила. У нее было много друзей. Она была не из тех, кто в одиночестве сидит в углу.

Однако временами Наташа грустила, и я, ей-богу, не знаю, как это объяснить, явных причин не обнаруживалось, просто наступали такие периоды. Быть может, ей было нелегко дома, из-за развода родителей и прочего. Тогда я не особенно задумывалась над этим, потому что многие дети, оказывающиеся в подобных условиях, сталкиваются с такими же проблемами, и это более или менее нормально.

Но Наташа была и очень импульсивной. Иногда у нее возникали яростные перепалки с мамой, когда та забирала ее. Обычно Наташа приходила и уходила сама, ведь ее школа была как раз за углом, но иногда ее мать все-таки являлась за ней днем. Помню, как они спорили на повышенных тонах.

Но это не вызывало у меня беспокойства: подобное случается постоянно. Я полагала, что дома у нее проблемы, но это у нас никак не проявлялось. А открыто она ни о чем не упоминала.

Наташа иногда ругалась и со своим папой — ничего серьезного, — когда ему случалось опоздать. Она была очень упрямой и довольно своенравной, но, конечно же, не в плохом смысле.

Я очень хорошо помню тот последний день, это была пятница.

Она вела себя очень активно, даже более обычного. Ее забирал отец, поскольку они ехали на выходные в Венгрию, и она была слегка расстроена его опозданием. Она не сердилась на него, ничего подобного, ей просто не терпелось его увидеть. Ее папа часто задерживался из-за того, что у него было много работы. А Наташа всегда с нетерпением ожидала поездок в Венгрию.

Наташа была близка со сводными сестрами, Клаудией, 1968 года рождения, и Сабиной, 1970-го, а теперь, будучи тетей, даже еще больше, но едва ли они могли тогда оградить ее от чувства отчуждения, которое она наверняка испытывала. Ссоры между родителями расстраивали чувствительную Наташу. Она любила их обоих, однако соседи склонны считать, что больше она была папиной дочкой. И есть информация, что госпожа Сирни часто предоставляла Наташу самой себе, с каждым днем все обостряя у нее чувство обиды.

Специалисты уже давно предупреждают о возможных негативных последствиях ссор родителей в присутствии детей. В недавнем исследовании, проведенном Рочестерским университетом, штат Нью-Йорк, говорилось, что детям причиняет страдания не только видимое — бросание предметов, крики и ругательства, — но также и неуловимое, сдерживаемое негодование, встречающееся в семьях, гордящихся тем, что они никогда не устраивают публичных драк перед детьми.

Пенни Мансфилд, директор организации супружества и партнерства «Один плюс один», говорит: «Родители, отвлекающиеся на собственные конфликты, как правило, проявляют меньшую заботу о детях». Одна из реакций некоторых детей, по ее словам, заключается в подражании ссорам, свидетелями которых они являются. «Они думают, что так вы относитесь к людям. Однако потенциально более разрушительно, когда ребенок решает: „Раз папа так сердится на маму, он может так же сердиться и на меня“. Появляется угроза их уверенности в себе».

Людвиг признает, что ссоры имели место и возникало напряжение, но он утверждает, что не знает, оказывало ли это пагубное воздействие на Наташу. По его словам, он надеется, что нет. Он обрел счастье со своей новой женой Георгиной, сорока восьми лет, школьной учительницей из Венгрии, и теперь живет в доме в том же районе, где когда-то жил с Наташей и Бригиттой. Людвиг получил его в наследство, но вынужден был продать и теперь платит за аренду — следствие потери бизнеса из-за похищения Наташи.

Что еще я могу рассказать о ней? — спрашивает он, напрягая память. — Наташа была очень умным и творческим ребенком. Помню, в десять лет она уже могла приковывать к себе внимание одновременно шестерых человек. Она просто говорила и говорила, развлекая и веселя каждого. Она была настоящей болтушкой, очень дружелюбной и общительной с самого раннего возраста.

У нее было много друзей по соседству и в школе. Ей нравилось ходить в школу, и, думаю, она успевала и там. Она любила все предметы.

Он рассказал, что очень много радости ей доставлял котенок, которого ей подарили незадолго до похищения.

Наташа часто оставалась дома одна и проводила много времени с котенком, которого по-настоящему любила. Он еще не вырос, когда она пропала. У моей матери была старая кошка, — по-моему, ее звали Муши. Она окотилась, и мы подарили одного из котят Наташе. Она была очень рада и вскармливала его молоком из бутылочки.

В Венгрии у меня был приятель, Ханнес Барч, владелец венской фирмы «Планета Музыка». Он приглашал на гастроли все известные рок-группы. Наташа познакомилась с некоторыми. Ей нравилась рок-музыка. Знаете, когда мои финансовые дела обстояли хорошо, когда жизнь была лучше, мы ездили на Вёртерзее^[6] по пять-шесть раз в год.

Однажды, в наш приезд туда, там снимали знаменитый австрийский телесериал «Замок у озера Вёртер», и Наташа перезнакомилась со всеми исполнителями. Она подружилась со звездами Роем Блэком и Франко Адольфо. Они были постояльцами отеля, где я останавливался. У нее появился опыт общения со звездами, когда она была еще совсем ребенком. Наташа беседовала с ними и никогда не стеснялась. Вот почему сейчас ее не смущают знаменитости и всеобщее внимание, для нее в этом нет ничего особенного.

Назад в настоящее, и Людвиг жаждет кое-чем похвастаться. Поднимаясь из-за стола, словно желая хоть как-то окунуться в те прекрасные моменты, он выходит из маленькой, обшитой деревянными панелями кухни в сад, заслоня глаза от солнечного света, пока ищет ключ от гаража. Затем распахивает ворота и выкатывает на выложенный кирпичом двор электромобиль.

Конечно же, когда Наташа была здесь, этот двор был лужайкой, что-то да меняется, но я всегда хранил для нее эту

машину. Аккумуляторы разрядились, но я всегда держал ее в чистоте, — говорит он и, подчеркивая важность момента, достает из кармана носовой платок и обтирает им капот автомобильчика.

За долгие годы ее заточения, когда кругом царило отчаяние, этот автомобиль превратился в пробный камень веры. После долгих ночей блужданий по грязным районам Вены Людвиг возвращался к этой игрушке, которую так любила его пропавшая дочь. Он как будто мог вызвать ее дух одним лишь прикосновением к этой машине.

Было не важно, сколько она стоила. Иногда мой бизнес шел хорошо, иногда нет. Жизнь — она ведь словно американские горки, но для меня всегда было важно делать для моего ребенка все, что было в моих силах.

Но я не только дарил ей подарки. Я также старался дать ей хороший совет по жизни. Я всегда учил ее держаться подальше от лживых друзей, от людей, которые говорят «да» только потому, что им что-то нужно от тебя. Они демонстрируют дружеское отношение, но только и норовят воткнуть тебе нож в спину. И даже сегодня она помнит этот урок.

Он рассказал, что Наташа не была меркантильным ребенком и предпочитала практичные подарки модным вещам. Он вспомнил, как однажды в поездке по Венгрии пошел вместе с ней покупать ей какие-нибудь «миленькие модные туфельки»:

Но она только скользнула взглядом по полкам и направилась в дальний угол магазина, где выбрала пару высоких сапожек. Ее не волновали модные туфли, она хотела сапожки, чтобы играть в саду, поливать лужайку, цветы и все такое прочее. Она любила играть в саду и вообще на улице.

Наташа очень похожа на мою мать, сходство просто поразительное. У нее такое же выражение лица, характер, интеллект. Когда я смотрел ее интервью по телевидению, то словно видел свою покойную мать, только молодую.

Однако волю к борьбе Наташа переняла у меня, так же как и упрямство. Поэтому-то она и смогла все вынести, поэтому-то теперь она и способна управлять собственной судьбой.

Когда Наташа была на выходных в Венгрии, совсем незадолго до похищения, к ней пришла детская любовь. Мартин Барч, двадцати одного года, сын друга ее отца Ханнеса, рассказал, что думал о ней как о «маленькой подружке», и вспомнил, как он

любил бывать с ней, пускай она и была на три года младше его — в то время разница, несомненно, большая:

Для своего возраста она была необыкновенной девочкой. Обычно такие меня раздражали, но Наташа была воспитанной, с ней было интересно поговорить. Мы объезжали на велосипедах всю округу. Часто останавливались у футбольной площадки — я был без ума от футбола и постоянно хотел погонять мяч, и она всегда присоединялась ко мне, хотя я и не знаю, нравился ли ей футбол. Но именно такой она и была, всегда хотела во всем поучаствовать.

Мы никогда не брали с собой провизию, перекусить ездили домой, как правило ко мне, где всегда была моя мама, которую Наташа очень любила. Ее же маму в Венгрии я не встречал. Здесь она появлялась с папой. Я знаю, что он был отличным поваром, это точно, особенно касательно хлебобулочных изделий, но мне кажется, что на выходных он предпочитал отдохнуть и держался от всего этого подальше. Было заметно, что он очень любит Наташу, у них сложились великолепные отношения, и он по-настоящему был внимателен к ней и заботился о ней. Когда мы устраивали барбекю, собиралось иногда пять человек, иногда пятнадцать.

Когда Наташа не играла, она обнималась с папой. Думаю, он принимал самое деятельное участие в ее поисках. Он так и не сдался. Все остальные, я уверен, считали, что она никогда не найдется, — я сам думал, что больше ее не увижу. А ее папа ни на секунду не сомневался, что однажды найдет свою Наташу.

Свой последний день свободы, перед тем как началось ее испытание, Наташа провела в Венгрии с отцом и семьей Барчей. Они вместе пообедали, собравшись за столом уже поздно, из-за чего с опозданием вернулись в Вену и из-за чего, в свою очередь, вспыхнула ссора, которой было суждено вызвать такие катастрофические последствия.

На этом обеде, как рассказывала Эрика Барч, жена Ханнеса, все «смеялись и болтали». Утро Наташа провела за игрой с домашней овчаркой Барчей, а начало дня — в их саду за сбором слив для варенья. Она запомнилась ей как ребенок, обожающий природу, — Наташа восхищалась бабочками, ей нравилось гулять по тропинкам, во множестве проложенным в том районе. Она любила лазить по деревьям, гладить гривы лошадей на близлежащем лугу, а зимой ей особое удовольствие доставляло катание с горок на санках. Наверняка ей было особенно тяжело переносить изолированность от природы, от времен года, когда

она была узницей в подвале.

Иногда она брала с собой на выходные набор для шитья и мастерила наряды для кукол. Она часто плела из травы браслеты и говорила Барчам: «Я делаю его для мамочки». В основном ее помнят как полную противоположность человеку, который ее похитил: дружелюбная, привлекательная, очаровательная, добрая и общительная. Госпожа Барч вспомнила те счастливые дни:

Как правило, дети вместе играли в футбол на соседней площадке или же бегали и прыгали, лазили по деревьям. Прямо напротив нас проходила тропинка, уводившая в лес, и по ней было здорово кататься на велосипедах. Жизнь для них была замечательной. В известной степени они были вынуждены развлекаться одни, потому что их окружали венгерские дети, а они знали по-венгерски лишь пару слов, так что и поговорить друг с другом не могли.

Когда мы устраивали барбекю, дети обычно играли в саду, а мы, взрослые, сидели и болтали обо всем на свете. Мать Наташи никогда у нас не показывалась, Наташа всегда была только со своим отцом. Было видно, что она счастлива и что у них прекрасные отношения. Иногда, устав, она садилась к нему на колени и обнимала его, они были очень близки.

Венгрия для Наташи была чем-то вроде Нарнии^[7], нескончаемым праздником вдали от угнетающих многоэтажек и разбитых улиц, где она жила. Там никто не обзывал ее Порки и не насмехался над ее недержанием. По словам ее отца, этот недуг даже прекращался, когда она жила там.

Это были счастливые моменты, которые Наташа лелеяла в заточении, и ее отец надеется вскоре снова увезти ее туда, дабы она вспомнила любимые места своего утраченного детства.

Действительно, утраченное детство — и детство, в котором, быть может, была и более темная сторона, нежели часы, проведенные в одиночестве в квартире матери, или запертой в своей комнате, пока ссорились родители. Она обнаружилась, когда в руки полицейских из оперативной группы по делу Наташи попали четыре ее детские цветные фотографии. Это произошло вскоре после ее исчезновения. Они потрясающе отличались от снимков ее первого причастия или же ее улыбающейся со школьных фотографий, что красовались на плакатах «Разыскивается», расклеенных по всему городу.

Почти обнаженная, в сапогах до бедра, с хлыстом для верховой езды в руке и в крошечном топе, смущенная, она

смотрит куда-то налево вниз. На другой — обнаженная на постели, укутанная лишь в накидку из искусственного меха.

Эти фотографии неохотно отдала мать Наташи, после того как их увидел некто, бывший в курсе всех событий с первого же дня, взял некоторые из них и передал полиции и специалисту-психологу по жестокому обращению с детьми. На условиях анонимности обнаруживший снимки человек рассказал авторам:

В коробке с семейными снимками находились фотографии Наташи, и я просматривал их во время разговора с ее матерью.

Увидев их, я поразился и спросил, что это такое, а она пришла в замешательство и отмахнулась, сказав, что это семейные снимки, сделанные Клаудией. До этого она пообещала мне дать какие-нибудь фотографии, и я попросил эти. Она отказала, и тогда я спросил ее: «Так какие они, безобидные или же нет? Если невинные, тогда я могу их взять?»

Она согласилась, но я видел, что ей стало неловко. Я сразу же передал их полиции и специалисту по жестокому обращению с детьми, который немедленно заявил, что они его весьма заинтересовали.

Однако полицейский эксперт, доктор Макс Фридрих, на которого было возложено руководство бригадой медиков по уходу за Наташей в первые недели после ее бегства, заявил, что фото не носят криминального характера.

Доктор Ева Вольфрам-Эртль, другой психиатр, специализирующийся на помощи детям, пострадавшим от сексуального насилия, тоже видела эти снимки. Она четко заявила, что на них изображен ребенок примерно пяти лет и что по характеру они сексуальные. Также доктор Вольфрам-Эртль сообщила, что она и ее коллеги сходятся на том, что данные снимки «не оставляют никаких сомнений для интерпретации». Как она заявила в интервью ведущему австрийскому журналу «Профиль» в 1998 году: «Фотографии наталкивают на серьезные вопросы по поводу сексуального насилия. Эти позы маленький ребенок никогда бы не принял по своему желанию. Они свидетельствуют не о самой девочке, ее здоровье, развитии или потребностях, но именно о запросах взрослых, которые, несомненно, и заставили ее принимать подобные позы».

Согласно мнению доктора Вольфрам-Эртль, у детей в процессе развития проявляется собственный эротизм, а также эксгибиционистские фазы, но акт насилия начинается, когда взрослые с педофильскими наклонностями используют сексуальность детей для удовлетворения личных извращенных

желаний.

Как психоаналитик доктор Вольфрам-Эртль тогда заявила, что она исключила бы какую-либо связь между фотографиями и исчезновением Наташи. Она требовала проведения досконального расследования в отношении всех мужчин, кто мог быть знаком с Наташей, — например, друзей ее матери или отца. Также она упомянула Наташины симптомы отклонений — ночное недержание, плохая успеваемость в школе, изменение веса — в качестве связанных с чересчур сексуальной атмосферой в доме, которую предполагают фотографии.

Когда мы связались с доктором Вольфрам-Эртль по поводу комментариев относительно ее замечаний, приведших к конфликту с одним из известнейших австрийских психиатров, она отказалась от дальнейшего сотрудничества. Тогдашнее интервью остается ее единственным анализом фотографий.

Что касается профессора Фридриха, то именно его мнение как эксперта, заключавшееся в том, что ее исчезновение можно не связывать с педофильской порнографией, остановило полицейское расследование в данном направлении.

На пресс-конференции вскоре после освобождения Наташи ему задали вопросы: «Правда ли то, что в 1998 году вы написали заключение относительно среды в ее семье? Что в 1998-м существовало предположение, будто в обстановке ее семьи могло осуществляться сексуальное насилие? Правда ли то, что вы разбирали данное предположение в своем заключении? И к какому выводу вы пришли?»

Профессор Фридрих заметно сконфузился и ответил: «Я работал с группой криминалистов, снабжавших меня информацией. Также я мог получать ее и сам».

ВОПРОС: К какому же выводу вы пришли?

ОТВЕТ: Я не знаю, засекречен ли до сих пор полицией тот доклад. Я не буду давать каких-либо комментариев. Написанное там было лишь моими соображениями.

Клаудии не предъявили обвинений в каком-либо преступлении из-за фотографий, если их сделала действительно она, как утверждает ее мать. Когда авторы обратились к ним за подтверждением, семья отказалась объясняться. Тех нескольких детективов, что работали по делу Наташи на протяжении нескольких лет, потрясло, что эти снимки были расценены как невинные.

Макс Эдельбахер, шестидесяти двух лет, бывший руководитель созданной для поисков Наташи полицейской

группы, ответил на наши вопросы и классифицировал Наташу как подвергнувшуюся жестокому обращению. Он рассказал:

Девяносто пять процентов дел о пропавших детях разрешаются в течение двадцати четырех часов, когда же в данном случае этого не произошло, мы вызвали ее мать для беседы.

Она была хорошо известна как любительница мужского пола. Подробности ее отношений быстро выяснились в самом начале расследования. Необходимо было должным образом изучить мужчин из ее окружения, особенно тех, кто был знаком с Наташей. Примером недобросовестного ведения дела явился провал в организации поисков местопребывания Наташи. Было ошибкой больше не придерживаться данной версии.

Я знаю и о фотографиях, и о том, что их показывали Максу Фридриху, но я полагаю, что он ввел в заблуждение всех, внушив, будто это не стоит расследовать дальше. Я также считаю, что был допущен промах в назначении его ответственным за уход за ней, когда она нашлась. Я все-таки поговорил с Клаудией, и она подтвердила, что фотографии сделала она.

Когда Наташа оказалась на свободе и ее отвезли в полицейский участок в Донауштадте, ее продержали там, может, час или два, и, по моему мнению, это стало самым неверным шагом из всего допущенного. Это было время, когда можно было раскрыть дело и выяснить всю правду. Вместо этого ее допрашивали женщины-полицейские в участке, где по делу ничего не знали и не имели представления, какие вопросы нужно задавать. Вдобавок те, кто принял следствие в 2002 году, прежде им не записались и поэтому не были информированы так, как первоначальная группа. Если бы в этот ключевой час или два к ней получил доступ кто-нибудь из первоначальной группы, то он смог бы раскрыть загадки, которые до сих пор остались в этом деле. Я не критикую полицейских из Бургенланда, но все-таки у них не было опыта работы с преступлениями столичного уровня, и если бы ее допросил венский полицейский, то положение могло бы оказаться совершенно другим.

В итоге у Наташи теперь собственная история, которой она и придерживается. Я не знаю, что происходило во время бесед между ней и Максом Фридрихом, но мне известно, что полиция так и не получила надлежащего доступа к фактам и что ее семья также отмалчивается. Вместо этого ее проконсультировали, и возможность прояснить все события оказалась упущенной. Ей позволили создать собственную версию, и вряд ли кто теперь разберется с этим на какой-либо стадии. Думаю, самое большее, на что мы можем надеяться, это на то время, когда ей исполнится

по крайней мере лет тридцать или больше, вот тогда и сможет проясниться хоть что-то, похожее на истину, или, возможно, вся истина, сейчас же это нереально.

Нам известно, что тогда с Наташей дурно обращался любовник ее матери, он кричал на нее и был с ней жесток, а она рассказывала об этом другим, с кем мы беседовали, в том числе жаловалась и своему отцу. Моя жена работала учительницей в ее школе и говорила мне, что Наташа определенно была странным ребенком, несомненно умной, но не исполнительницей, как того можно было бы ожидать, и обладала не по годам изкушенным здравым отношением к себе.

Венцель Шриманек, пятидесяти шести лет, и его жена Лотта до сих пор живут на той же лестничной площадке в той же многоэтажке, где и Бригитта Сирни: некогда они сидели с маленькой Наташей, когда Сирни отсутствовала — что, по их утверждению, случалось довольно часто. Господин Шриманек, водитель грузовика, чех по национальности, очень хороший друг Людвига Коха и регулярно встречается с ним, чтобы посидеть за пивом да поболтать о старых денечках. Маленькая Наташа произвела на него впечатление, как он рассказал нам:

Наташа была самым умным ребенком из всех, кого я когда-либо встречал. Она постоянно говорила и развлекала всех вокруг себя. В шесть лет она могла по-настоящему поговорить со взрослым и всегда знала ответы на все вопросы. Когда ей было около пяти, мы играли с ней в карты.

Она была и очень забавным и остроумным ребенком, все время шутила и всех веселила. Она и вправду была очаровательной маленькой девочкой.

Наташа любила животных, играла со всеми соседскими кошками и собаками, у нее у самой была кошка, Таши, которая до сих пор живет у господина Коха. Ей нравилось смотреть телевизор, но она также часто гуляла и играла с другими детьми.

Раньше она много рисовала. Ей нравилось рисование и тому подобное — она любила творческий процесс.

Чета Шриманек вместе с Кохом, Сирни и маленькой Наташей когда-то вместе уезжали из Вены на выходные и часто наведывались в соседнюю Венгрию (но не в дом Коха). Господин Шриманек вспомнил одну из этих поездок:

Однажды, когда мы были в Венгрии, Люки (прозвище Коха) объявил, что у него для нас сюрприз. Он усадил нас в повозку, и мы

поехали по проселочной дороге. Он как раз объяснял, каким интересным будет сюрприз, когда перед нами на дороге оказалась лужа. Одна из лошадей попыталась перепрыгнуть через нее, а другая просто остановилась. Из-за этого ось повозки сломалась и та начала переворачиваться.

Люки быстро среагировал и выбросил маленькую Наташу на траву, но остальные, в том числе и он сам, вместе с повозкой упали в лужу. Мы все вымокли и перепачкались в грязи, а маленькая Наташа начала смеяться и кричать: «Это твой сюрприз, это твой сюрприз, какой смешной сюрприз! Посмотри на себя!» Нам ничего не оставалось, кроме как и самим засмеяться, мокрым и грязным, в этой кошмарной луже.

Затем Шриманек перешел к тому, что за два года до исчезновения Наташи госпожа Сирни без всякой видимой причины просто перестала с ними разговаривать, и до сегодняшнего дня они так и не выяснили почему.

Но в атмосфере «Войны Роузов»^[8], что начала устанавливаться в квартире номер 18, Наташа все чаще и чаще оказывалась в гуще бурных событий. Довольно цинично утверждать, но то, чему она научилась, состязаясь за любовь своих родителей, сослужило ей добрую службу в заточении.

Ни госпожа Сирни, ни Наташа так и не сказали, была ли та пощечина, что она получила в день, когда была похищена, единичным случаем: эксперты полагают, что нет. Сирни признала, что немного жалеет об этом, но в то же время заявила, что от детей требуется «дисциплина». Сама Наташа с тех пор отмахивается от этого как от «затрещины», на которой незачем заострять внимание.

Госпожа Сирни никогда не указывала, что подобное произошло один-единственный раз. Пощечина, конечно же, не систематическая жестокость, однако представляется, что окружающая обстановка отнюдь не благоприятствовала здоровому развитию Наташи: ссорящиеся родители, разлады с матерью, которая часто и подолгу отсутствовала по вечерам, несчастливый для девочки выбор матерью любовников. Наташа возвела внутри себя незримые стены, выработала скрытые защитные механизмы.

Она захватила с собой в тот подвал искусство выживания, которому обучилась дома и которое дало ей возможность не только пройти через тяжкое испытание, но и взять над ним контроль.

«То, как вы ведете себя в экстремальной ситуации, зависит от ваших знаний, полученных до того, как вы в ней оказались», —

писал один из репортеров: короткая фраза из миллиона, что были написаны о ней после обнародования истории. И далее: «Наташа выжила, потому что уже знала, что люди могут быть мерзкими, это не явилось для нее потрясением. У нее не было друзей, она была одинока и несчастна и к моменту похищения уже была сведуща, как позаботиться о себе самой».

«Это были взаимоотношения, которые Наташе пришлось установить со своим похитителем, Вольфгангом Приклопилем. Судя по всему, у нее уже был подобный тип отношений с родителями, так что она умела извлекать максимальную выгоду, когда он был в настроении, и справляться с ним, когда он был озлоблен, — такой вывод сделал из медийных репортажей один британский психиатр. — Было бы намного хуже, будь у нее всецело любящая мать. Ее похититель относился к ней как к чему-то особенному, и это одаривало ее нежным и добрым отношением, которого она не получала от родителей».

Со времени ее освобождения многие эксперты высказывали мнение, что Наташа не является «самостоятельной личностью», и это совпадает с воспоминаниями ее одноклассников. «Сейчас она больше контролирует себя, чем хотела показать еще тогда», — проворчал один из них. Контроль — это тот классический Грааль, что ищут дети, когда ощущают себя одинокими.

Бриджит Вебер — женщина, с которой у Людвига сложились отношения после того, как закончилась его длительная связь с матерью Наташи, — знала Наташу по нескольким совместным поездкам в Венгрию, также девочка гостила у нее дома в Вене. Она рассказала, что Наташа очень подружилась с ее старшей дочерью и, даже когда их отношения с Людвигом прекратились, та частенько звонила им по телефону.

Госпожа Вебер вспомнила, что однажды произошло, когда восьмилетняя Наташа проводила с ней один из выходных, пока Бригитта Сирни была в Париже. Она пожелала остаться с госпожой Вебер навсегда, не хотела возвращаться домой. По ее словам, Наташа всегда искала физического контакта, когда они смотрели телевизор — прижималась к ней, просила ее обнять и часто забиралась к ней на колени и сидела так, пока «они не начинали деревенеть». Она добавила: «Наташа говорила, что ее мать не разрешает ей этого делать из боязни, что та помнет ее одежду».

Более того, Наташа утверждала, будто ее мать запрещает ей отвечать на телефонные звонки, если она дома одна, опасаясь, что звонящий поймет, что девочка находится без присмотра в таком раннем возрасте. Наташа ей призналась, что часто притворялась спящей, когда ее мать уходила из дому. Одной же

ей зачастую становилось страшно, и она «находила утешение в беседе с соседями через щель почтового ящика, потому что госпожа Сирни запрещала ей открывать дверь».

Аннелиз Глезер, соседка, с которой Наташа провела несколько часов последнего вечера своей свободы, также резко отзывается о материнских качествах госпожи Сирни. Быть может, в прошлом эти бывшие подруги сильно поссорились или же подобная оценка вызвана ревностью и ненавистью, но ее критика проникает в суть того, что говорили и другие: Наташа была несчастна. Аннелиз рассказала нам:

Госпожа Сирни постоянно жаловалась на Наташу, она всегда говорила о ней так, словно девочка была трудным ребенком, что было совсем не так. Но Наташа никогда не отзывалась плохо о своей мамочке, хотя мы и знали, что ей было тяжело с ней.

Однажды Наташа ворвалась в магазин, где я работала, бросилась ко мне, крепко обняла, и это продолжалось целую минуту. Затем вошла ее мать, вся красная от гнева. Когда же Наташа подняла голову, я увидела, что ее глаза полны слез, а щека просто пунцовая — на ней алел отпечаток ладони.

Наташа часто говорила о папе и бабушке, она действительно наслаждалась временем, которое проводила с ними, и очень любила к ним ездить. У нее были великолепные отношения с папой и бабушкой, что очень раздражало мать.

Я была так счастлива, когда пришла весть о ее освобождении. Это произошло за день до моего дня рождения, и я отправилась к господину Коху, чтобы отпраздновать с ним, мы были так счастливы.

Но я считаю, что вся правда до сих пор не выяснена.

Профессор Иоганн Запотоцки, заведующий психиатрической клиникой для взрослых и детей в Граце, рассказал:

Наташа была похищена в возрасте десяти лет, и к тому времени ее личность уже сформировалась. Она знала мир. Если она жила в счастливой и любящей семье, как Наташа говорила в интервью, то у девочки была здоровая основа, эмоциональный базис, на котором и развилась сильная личность.

Но и в противоположном случае: если ее предшествующая жизнь была тяжелой, то это означает, что она научилась справляться с трудностями и в этой ситуации правильно воздействовать на взрослых. Другими словами, если ей приходилось сталкиваться с невзгодами до похищения, она была подготовлена к тому, что последовало за ним.

Доктор Рейнхард Халлер, самый известный криминальный психиатр Австрии, поделился с нами своими мыслями:

Судя по тому, что мы слышали и читали, Наташа привыкла к страданиям с раннего возраста и освоила защитные приемы. Повидимому, она подвергалась жестокому обращению и выработала стратегию, как вести себя в подобных случаях. В годы заточения эта стратегия выживания несомненно оказала ей огромную услугу. Личность, которая, так сказать, закалилась, которая знала, как действовать в экстремальных ситуациях, и которая подвергалась насилию в раннем детстве, но научилась противостоять ему, бесспорно более подготовлена к испытаниям различного рода, нежели любая другая.

Такова была жизнь Наташи Кампуш, как ее видели знавшие ее и те, кто узнал впоследствии: семья, соседи, друзья и, наконец, эксперты-психиатры, перед которыми была поставлена задача посредством заживления травмы прошлого построить счастливое будущее. Ее мир не был лучшим из миров, хотя она и испытывала счастливые моменты. Она переедала, мочилась в кровать, над ней насмехались одноклассники, она ощущала неуверенность в себе.

Хотя вполне вероятно, что ее жизненный опыт — пускай и короткий — помог ей перенести нагрянувшее испытание много лучше, нежели это получилось бы у других детей, и она оказалась способна извлекать из случившегося крохотные будничные радости, такие как обычный порядок и внимание, сделавшие ее кошмар более терпимым.

Глава 2

ВОЛЬФГАНГ ПРИКЛОПИЛЬ: ПОРТРЕТ ЧУДОВИЩА?

В царстве подглядывающих из-за занавесок и всюду сующих свой нос соседей, вечно звонящих сборщикам налогов по поводу появления нового автомобиля у безработного через дорогу или пишущих возмущенные анонимные письма властям о реальных и мнимых нарушениях против государства, Вольфганг Приклопиль никогда даже не засекался радарам. Знаменитое язвительное высказывание Черчилля о политическом сопернике^[9] с легкостью можно было бы отнести и к нему: он был скромным человеком, и для скромности у него были все основания.

Полагающийся на собственные силы, мастер на все руки и разборчивый в пристрастиях, он никогда не пил, не курил, не играл в карты и определенно не переносил женщин. Как в некоем современном Нормане Бэйтсе, безумце, обожающем мать, владельце отеля из классического триллера Хичкока «Психо», в нем не было чего-либо значительного — по крайней мере внешне, — что предупредило бы ничего не подозревающий мир о страшных демонах, вцепившихся в него мертвой хваткой. Он всего лишь казался маменькиным сынком, ничтожеством, тем, чьи мечты и фантазии остаются только в мыслях. У многих мужчин есть фантазии, зачастую темные и зловещие. В стране, где родился Фрейд, Приклопиль мог бы удовлетворить их на любом из тысяч сайтов киберпространства или же мог бы заплатить за их постановку в венских кварталах публичных домов, где за деньги можно купить практически любое извращение и где не станут задавать лишних вопросов и удивляться.

У его фамилии чешские корни, она происходит от глагола, неопределенная форма которого, «řoiklorit», означает «укрывать что-нибудь». «Řoikloril» — форма прошедшего времени, означающая, что некто что-то укрывал.

Приклопиль был единственным ребенком, и, возможно, по настоящему его знали лишь два-три человека, одним из которых была его мать. Другие, с кем он общался, видели лишь тот образ, какой он хотел им показать в данный день, в конкретной ситуации. Его описывают по-разному: его мать — «милый мальчик»; человек, работавший с ним, — «надежный партнер по бизнесу»; соседи и коллеги по работе, даже не догадывавшиеся о

его подлинной личности, — «другой», «чудаковатый», «капризный», «странный». Его никогда не называли приятным, и, быть может, это и должно стать эпитафией на его неприметной могиле: «Здесь покоится неприятный тип».

Анахорет, нелюдимый, разделявший жизнь с кошками, не чавявший души в матери, и чье представление о бурной ночи заключалось в чтении журналов по электронике и технических книг, в какой-то момент пересек Рубикон от фантазии к реальности и начал превращать подвал в специализированную подземную тюрьму. Если бы только добропорядочные соседи по Хейнештрассе со своими плавательными бассейнами и чистенькими двориками для барбекю заглянули за кружевные занавески или же заподозрили, а не работает ли он на черном рынке, то навязчивая идея Приклопиля оказалась бы пресеченной еще на корню. Но ничего подобного не произошло, и его видимая нормальность позволила ему совершить это ужасное преступление.

Четырнадцатого мая 1962 года в Афинах состоялось бракосочетание наследника престола Испании Хуана Карлоса и принцессы Софии Греческой. На другой стороне Атлантики защитники гражданских прав в Америке отметили пикетом со свечами первую годовщину поджога автобуса в Алабаме^[10], в то время как в Югославии за публикацию книги о советском вожде Иосифе Сталине бывшему вице-президенту Миловану Джиласу продлили срок заключения.

В Австрии же, в полнейшей безвестности, родился Вольфганг Приклопиль — в том же самом районе, в котором через двадцать шесть лет родится девочка, с которой он разделит судьбу. Джеймс Бонд спасал мир в «Докторе Ноу», а «Битлз» пели песню, которая вполне могла бы быть написана для Приклопиля: «Люби же меня».

Его отец, Карл, работал местным представителем немецкого концерна «Шарлахберг», третьего по величине производителя бренди в стране, продавая его продукцию ресторанам, барам и винным магазинам. Мать, Вальтрауд, была домохозяйкой и работала на неполную ставку продавщицей. Все, кто помнят ее, описывали ее как добрую и тихую женщину, и в бургерском обществе от нее ожидалась лишь приверженность трем «К» австрийской жизни: «Küche, Kinder und Kirche» — кухня, дети и церковь. И похоже, она отнюдь не была несчастна в этой роли.

О Карле известно не так уж и много, однако один человек, с которым его связывала дружба, располагает волнующими сведениями, проливающими свет на возможное происхождение

преступно безумного плана Вольфганга Приклопилей.

Генрих Эхлер, австрийский еврей, родившийся в Вене в 1939 году, был лучшим другом Карла и первые шесть лет своей жизни провел скрываясь в подвале. Он рассказывал: «Когда я увидел фотографии Вольфганга по телевизору, я словно смотрел на его отца двадцать лет назад. Он был его копией. Когда же я услышал, что он натворил, у меня просто кровь застыла в жилах. Это было поразительно. Его отца заворожила моя история, и как-то он сказал мне: „Прошлым вечером я рассказал Вольфи о твоей жизни. Он был ошеломлен, скажу я тебе!“».

Семья Эхлеров — Генрих, его родители, бабушка, брат Эрик, 1940 года рождения, и сестра Термина, 1944 года рождения, — жила в двух подвальных комнатах площадью всего лишь восемь квадратных метров, разделенных стеклянной дверью, в венском районе Маргаретен. Еду им приносили друзья, и они прожили в этом подземном мире до конца войны.

Господин Эхлер продолжил: «Когда я в первый раз увидел фотографии Наташи Кампуш, я мог ей посочувствовать. Я до сих пор не переносу яркий свет, и мне очень тяжело находиться в замкнутом пространстве». Он обучался на механика в компании «Греф энд Штифт», где и познакомился с Карлом. По его словам, они были друзьями на протяжении двадцати лет, но с Вольфгангом он познакомился только на похоронах Карла. «Когда сводки телевизионных новостей запестрели сообщениями о секретном подвале, это по-настоящему потрясло меня, самое ужасное — это снимки той тяжелой сейфовой двери, которой он запирает подвал. У меня начался приступ паники. Что бы с ней случилось, попади он в автомобильную аварию? Должно быть, эта девочка пребывала в постоянном страхе, что однажды он может не вернуться».

Семья Приклопилей в 1972 году переехала из муниципальной квартиры в доме номер 30 по Ругерштрассе в дом в Штрасхофе, после смерти деда Вольфганга, Оскара. Карл унаследовал дом площадью 160 квадратных метров с четырьмя спальнями и обновлял его на протяжении нескольких лет. По-видимому, у Вольфганга было счастливое детство: его семья порой совершала поездки на побережье итальянской Адриатики, проводила выходные на австрийских и немецких фермах. Ему, однако, устраивали сеансы самоанализа — церемониалы, выражавшиеся в шумных перебранках с матерью, которую он обожал, но не боялся, и грубых разносах отца, который часто пугал его до безумия. Его дядя, Йоганн, который живет на Хейнештрассе по соседству с домом Приклопилей, судя по всему, пытался быть

посредником между юным Вольфгангом и его отцом — однако он отклонил все просьбы рассказать о своем опозорившемся покойном племяннике.

Его родители были обеспокоены отсутствием у Вольфганга школьных друзей. Больше всего ему нравилось читать в своей комнате или составлять огромные пазлы известных сооружений вроде Эйфелевой башни. Он также любил собирать пластиковые модели самолетов. Игрушечные поезда были другой его страстью — высшая ирония судьбы, сыгравшая злую шутку в конце его жизни. По существу, он увлекался всеми видами уединенных занятий, которые и ограждали его от сверстников.

В школе он учился посредственно, но всегда получал высшие баллы по «Betragen» — поведению. Он принадлежал к тому типу послушных учеников, на которых молятся учителя, пускай его академическая успеваемость была отнюдь не выдающейся. Он ходил в «ХауптшULE Афритшгассе» четыре года, до четырнадцати лет. В австрийской системе образования «хауптшULE» — смесь начальной и средней школы, его зачисление туда означало, что он не был ни на вершине шкалы успеваемости, ни внизу, всего лишь обыкновенным ребенком в обычной школе.

Но по мере того как он рос, появлялись тревожные признаки — те, на которые специалисты часто обращают внимание, дабы определить, приведет ли простое антиобщественное поведение или непослушание к психопатии. Жестокость по отношению к животным — один из них, поджоги — другой, продолжительное ночное недержание — третий. К двадцати годам он был виновен в первом и страдал третьим.

В тринадцать лет технически одаренный Приклопиль, получавший в школе высокие оценки по металлообработке и естественным наукам, сам сделал пневматическое ружье, из которого стрелял воробьев и голубей в саду за домом. Он палил и по бездомным собакам, кошки же были под запретом. Он уважал их за одиночный и хищнический образ жизни, и часто старался просто подранить птицу, чтобы потом сидеть и с удовольствием поедать испеченный для него матерью пирог, выжидая и наблюдая, как появится кошка, поиграет с раненым созданием и наконец прикончит его.

Соседка, не захотевшая, чтобы называли ее имя, рассказала: «Иногда было слышно, как на него кричит мать — делай уроки, убери в комнате, положи вещи в стиральную машину». Конечно же, в грубости подростков, приводящей к повышению тона в спорах с родителями, нет ничего странного. «Но он в ответ визжал ей, визжал по-настоящему, что он сыт по горло помыванием, что однажды он станет главным и тогда слушать

будет она, — добавила соседка. — Это всегда происходило в обед, когда отца не было дома, — думаю, он немного его побаивался. И пару раз я слышала, как они орали, а однажды, когда я проходила мимо по дороге в магазин, услышала, как она велела ему положить „описанное белье“ в стиральную машину, прежде чем он уйдет». Та же соседка продолжала:

Карл волновался о сыне — думаю, он хотел увлечь его футболом, походами, занимался с ним «мужскими» вещами, но его сын был чувствительным и застенчивым. Между Карлом и Вольфгангом возникали трения. Карл пил — у него всегда хватало бесплатных образцов бренди его компании, я часто видела, как он выгружал бутылки из машины, — и это было еще одной «горячей точкой». Вальтрауд была очень воздержанной: только стакан разогретого вина на Рождество. Многие из нас не замечают того, что кроется за внешним фасадом жизни, как мы не замечали тайн, скрывавшихся за стенами его дома. Ведь наверняка таким его сделало что-то в его отношениях с родителями, разве нет?

Со школьной фотографии Приклопиля в четырнадцатилетием возрасте на нас смотрит серьезный мальчик с темными глазами и густыми волосами, зачесанными с пробором. Это дает маленький ключик к тому, что происходило в его взбудораженной голове. Он носил маску невинности.

«Я как-то сказал ему, что он смотрится как девчонка, он выглядел таким ангелом, — рассказал Роси Дони, пятидесятипятiletний парикмахер, регулярно стригший Вольфганга у него дома, где он жил с матерью, кроме последних пятнадцати лет. — Ему нравились длинные волосы, и он не давал мне их обстригать». Он вспоминает, как мать Приклопиля жаловалась, что ее сын помешался на технике и что для входа в семейный дом в Штрасхофе нужно прилагать «настоящее усилие». «Помню, как после того, как он вырос и жил там с ней один, его матери приходилось кричать мне: „Подожди, пока я отключу систему защиты, чтобы открыть дверь!“

Дом внешне выглядел совершенно обычно, я не могу припомнить там чего-то особенного, он был милым и чистеньким. Единственное, чему я удивлялся, — Вольфганг никогда не упоминал о девушках, ни разу. А он был таким красивым мужчиной. И выглядел много моложе своих лет».

Задолго до того, как из марионетки Вольфганга-слуги вышел Вольфганг-хозяин, он начал осваивать навыки, которые помогут ему удовлетворить свои фантазии. В пятнадцать лет, бросив после года обучения техникум, он пошел в ученики на «Сименс»,

немецкий электронный концерн, за жалование примерно 25 фунтов в неделю. Это была хорошая работа в солидной компании, на которой настаивал его отец, хотя, согласно некоторым показаниям, сам он хотел остаться в техникуме.

Ровесники на «Сименсе» говорят, что он закончил обучение с хорошими оценками и впоследствии был взят на работу. Один из его бывших коллег того периода описывал его как «совершенно не хвастливого. Он принимал участие во всех наших обычных шалостях, вроде укрывания неотслеживаемых неисправностей в переключателях или „взрыва“ электролитического конденсатора в момент, когда мимо проходит наставник. Помимо этого, мы считали, что он наверняка из состоятельной семьи, потому что у него всегда были деньги».

Эрнст Винтер, обучавшийся вместе с Приклопилем, вспомнил о его одержимости автомобилями во время работы на «Сименсе», Вольфганг по-настоящему оживлялся лишь тогда, когда речь заходила о машинах, а не о его товарищах. «Обращало на себя внимание также и то, как долго он все усваивал, — отметил Винтер. — Он был медлительным, но doskonaльным. Очень обстоятельным». Ничего в его поведении или манерах даже не намекало на его поразительную навязчивую идею, что он в себе вынашивал, — похитить девочку и держать ее в заложницах, — однако, в то время как другие парни его возраста танцевали и назначали свидания девушкам или по крайней мере мечтали о свиданиях, у него сформировались взгляды на противоположный пол, указывавшие на извращенность его личности. Он сказал одному своему приятелю, что «все девушки — шлюхи», и добавил: «Они меня не интересуют. Мне нужна супруга, которая будет понимать, когда я хочу побыть один, которая умеет хорошо готовить, счастлива быть всего лишь домохозяйкой, которая симпатична, но не считает внешность важной. Мне нужна женщина, которая просто будет поддерживать меня во всем».

Курт Клетцер, венский психотерапевт, работающий над детальным исследованием жизни Вольфганга Приклопиля и его подросткового сдвига, выразил мнение, что в наши дни школьный или семейный доктор наверняка обратил бы внимание на его проблемы. «Но в 60-х и в начале 70-х годов тихий парень, которому нравится стрелять птиц, необязательно был бы отмечен как представляющий потенциальную угрозу для других людей, — отметил он. — Однако, даже если бы это произошло, мало что могло бы быть сделано, за исключением наблюдения и лечения лекарствами. Его психотип уже сформировался. Вероятно, общество в лучшем случае могло бы надеяться просто держать Вольфганга Приклопиля под контролем. Был ли он настоящим

психопатом, генетически предрасположенным действовать так, как он действовал, или же он был невротиком, жертвой окружающей среды, спровоцировавшей его?»

Психопатия — термин, происходящий от греческих слов *psyche* (душа) и *pathos* (болезнь), и некогда он использовался для обозначения любой формы психического заболевания. В настоящее время психопатия определяется в психиатрии как состояние, характеризующее «нехваткой сопереживания или сочувствия, недостаточным контролем импульсивности и поведения».

Неясно, в какой период его жизни у него развилась навязчивая идея похитить и заточить в подвал девочку для удовлетворения своих желаний. Здесь естественным образом напрашивается параллель с Фредериком Клеггом, странным и одиноким «коллекционером» из романа Джона Фаулза с аналогичным названием, который, более не удовлетворяемый одними лишь бабочками, «присоединяет» к своей коллекции студентку факультета гуманитарных наук Миранду Грей — он просто заиклен на ней — и удерживает ее в заточении в своем доме в Сассексе. Впечатляющее психологическое исследование Фаулза показывает битву разума и воли, которая, в добавление к завораживающему и ужасающему описанию психопата, хирургически вскрывает сильнейшее состояние привязанности.

У психопатов и невротиков есть общая характерная черта — потребность скрывать свои мысли или особенности, чтобы казаться нормальными. Марк Дютру, бельгийский педофил, для осуществления своих преступлений в одиночку построил подземную темницу того же типа, что и Приклопиль. Несомненно, отношения Вольфганга с отцом — в большей степени с матерью — сделали его тем, чем он стал.

Я присоединяюсь к теории, что в действительности он был более невротической, нежели психотической личностью, — заявил Курт Клетцер в интервью для этой книги. — Был ли он психопатом с врожденной генетической потребностью поступать так, как он действовал, или же невротиком, подвигнутым обществом, миром и средой, в которой он родился, вести себя так, как он это делал? Я уверен, что в данном случае большую роль в превращении его в то, чем он стал, сыграло второе.

Во всех написанных о нем материалах Вольфганга называли похитителем или преступником, но он не был рожден таковым; человек может родиться герцогом или лордом, родиться же похитителем нельзя. Есть некоторые исследования, указывающие на генетическую предрасположенность к определенным типам

антиобщественного или преступного поведения, однако существует множество людей, которые, быть может, и обладают этими генетическими особенностями, но не становятся похитителями или преступниками. В его случае важно знать, что оказывало на него влияние после рождения.

Какую же роль сыграла генетика и какую воспитание? Каковы были его взаимоотношения с матерью и отцом?

Несомненно то, что в его жизни существовало нечто, вынудившее его отстраниться от реального мира и закрыться в собственном внутреннем мире и иллюзорном видении окружения. Вполне типично, что этим нечто может оказаться крайне властный отец или навязчивая мать, кто в качестве единственного способа действительно дать выход своим эмоциям вынуждает ребенка к самоанализу. Если прилагать слишком большое усилие, что-то обязательно где-нибудь да сломается. В случае Вольфганга Приклопилья его выбор маленькой девочки, из-за которой у него не возникало чувства угрозы, и его очевидная враждебность к женщинам, отражавшаяся в разговорах с коллегами, на самом деле указывают на то, что у него могли быть проблемы с матерью, или же со своей полной зависимостью от нее, что его ощущение значимости вызывалось лишь ее каждодневной слепой любовью к нему. В равной степени он просто мог быть импотентом.

Способность наслаждаться сексом и строить на этом счастливые отношения является одним из основополагающих принципов человеческого существования. Возможно, из-за импотенции он чувствовал себя отрезанным от жизни и отдаленным от общества, и это также могло быть невероятным бременем, от которого он страдал.

Я полагаю, что он наверняка страдал от чего-то, что в свою очередь вынуждало его причинять муки другим.

Что же такое пережил Приклопиль, что заставило его ощущать себя жертвой и возжелать отделаться от этого превращением в преступника? Подумайте как следует, и скорее всего вы поймете, что тот, кого бьют, впоследствии станет бить сам.

Какое бы воздействие ни испытывал Вольфганг Приклопиль, оно наверняка было для него огромным, коли он пошел на такое преступление; его вымышленный мир, несомненно, поглотил его полностью. Он провел массу времени, обдумывая и готовясь к тому, что ему суждено было сделать, как перевоплотиться из жертвы — без друзей, без подруги — в преступника и побить мир его же оружием. В его разуме вымышленный мир, в котором он похищал и вылепливал совершенную женщину, слился с реальным,

и он уже не видел между ними разницы. Все приготовления в подвале демонстрируют — он был одержим этой идеей.

Хотя довольно иронично, что видевшееся ему как спасение изначально было обречено на провал. С момента похищения Наташи Вольфганг решил покончить со своим одиночеством и медленно, в течение многих лет, учился постигать чувства и развивать бурные взаимоотношения с этой девочкой, всецело зависевшей от его действий. С ее помощью он научился быть лучше, ведь ему пришлось думать и о ней, а не только о себе. Именно когда он позволил себе заботиться о ней и процесс излечения начался, тогда его судьба и была окончательно решена. Другая жизнь была для него невозможна — из-за способа, который он избрал для решения своих проблем. То, что он совершил, не давало ему никаких шансов на возвращение к нормальной жизни.

Людей завораживает эта история, потому что все видят ее только в черном и белом цвете. Они сопереживают беспомощной Наташе, представляют себя в таком же положении и пытаются вообразить, как бы поступили они. Ставить себя на место другого — нормальный человеческий поступок. Но никто не хочет поставить себя на место Приклопиля — ведь он был чудовищем.

В конце его болезнь была излечена: он больше не испытывал страха перед женщинами, они больше не властвовали над ним. Но одновременно исчез и мир, который он знал: он понял, что никогда снова не увидит женщину, что вернула его в реальный мир. Тот образ, что он создавал перед соседями, был разоблачен, и у него больше не будет хоть какой-то видимости популярности, что он стал приобретать в последнее время. Его подлинное «я» раскрылось. Дружелюбный Вольфганг, новый Вольфганг, больше не мог жить, и у него не было иного выбора, кроме как умереть.

У самого видного судебного психиатра Австрии, доктора Рейнхарда Халлера, известного своим участием в делах сумасшедшего террориста Франца Фукса^[11] и нацистского врача Генриха Гросса — отмеченного наградами медика, после войны обвиненного в систематических убийствах умственно отсталых и неполноценных детей в венской клинике, — другая точка зрения о Приклопиле.

По моему мнению, у Приклопиля было весьма сложное расстройство личности с крайне низкой самооценкой и чрезмерными страхами перед неудачами, вероятно более всего в области секса. Возможно, он опасался, что ему недостает мужских качеств, и поэтому-то и выбрал девочку такого возраста. Совершая это, он желал вырасти из собственного

инфантилизма и, быть может, преодолеть свою ребяческую сексуальность.

Будучи таким инфантильным в возрасте тридцати четырех лет, он не был способен стать отцом обычным образом и поэтому решился похитить ребенка и сформировать его согласно своим желаниям. Конечно же, ему был присущ и садизм, и он хотел всецело властвовать над нею, в противном случае он не выбрал бы десятилетнюю девочку.

Нет никаких сомнений, что он воспитывал ее согласно тому, что считал правильным, и одновременно и сам подвергался процессу взросления, так что, можно сказать, они росли вместе. Однако, по мере того как она выросла, Наташа становилась все сильнее и сильнее, и постепенно расстановка сил во взаимоотношениях изменилась. В конце, вероятно, она стала единственной, кто принимал решения, — она завершила превращение из беспомощного ребенка-жертвы в сильную, взрослую женщину, полностью владеющую собой. Как только это произошло, она смогла принять здоровое решение и покончить с ненормальными отношениями, сбежав от него.

Необходимо понять, что отношения между ними были очень сложны. Сначала она была ограничена физически, затем психологически, а в конце пути стали эмоциональными. Он воплощал для нее множество образов: отца, брата, друга и, весьма вероятно, любовника. В известной степени это положение можно сравнить с ситуацией, когда отцы жестоко обращаются с собственными детьми: они тоже ходят по магазинам, на прогулки, вместе проводят выходные и ведут нормальную внешне жизнь. Дети также не взывают о помощи, ибо скованы эмоциональными путами, вынуждающими их молчать.

Приклопиль был весьма самовлюбленным, эгоцентричным и крайне параноидным, что и понуждало его к дотошности во всем, что бы он ни делал. Вероятно, он не испытывал осложнений в оправдании своих поступков перед самим собой и своей жертвой. Известно, что подобные ему без труда могут давать рационалистическое обоснование своим действиям, они легко находят свои мотивы у других или же порой винят весь мир за несправедливость и так далее.

Его общественное поведение было вышколено, поэтому-то люди всегда и считали его «милым», но неискренним касательно эмоций. Он взрастил сильнейший комплекс неполноценности и одновременно укрепился в страстном стремлении к отношениям и семье. Что же привело его к тому, чтобы стать похитителем? Я думаю, это обусловлено генетическими факторами, однако впоследствии в его жизни несомненно что-то нарушилось. Быть

может, во время его первых сексуальных контактов прозвучали оскорбительные комментарии. Может, это были замечания его родителей, которые ему не нравились. Он сомневался в себе, но вместе с тем отношения в его семье были прочными. По-видимому, он всегда все хорошо планировал и был сообразительным.

Вероятно, в Наташе было нечто притягательное для него, так называемые «ключевые раздражители». Это могло быть ее обаяние, ее тело, цвет волос. Думаю, он выбрал ребенка, который более всего отвечал его инфантильной природе. Я могу себе представить, что он желал вывести ее за нормальность, как бы придать ей новую индивидуальность. Он формировал и изменял бы ее, пока не стал бы считать, что может без боязни ввести ее (и самого себя) во внешний мир. В свое время он мог бы представлять ее как «моя жена из России» или что-то вроде этого.

Я не думаю, что он убил бы ее. Но я очень хорошо представляю себе некое «упреждающее самоубийство», подразумевающее, что он заставил бы ее умереть вместе с собой, если бы столкнулся с безнадежной, безвыходной ситуацией.

Георгина Малик, шестидесяти двух лет, которая до сих пор живет поблизости от дома Приклопиля, заявила, что она была «дружна, насколько только возможно», с ничтожеством, чье имя стало олицетворением зла.

Я знала его еще маленьким мальчиком, и я хорошо была знакома с его матерью. Они были очень хорошими соседями и приятными людьми, оба. Он всегда работал по дому и следил за садом. Он был очень аккуратным мужчиной, даже помогал соседям и зимой убирал у них снег. Я часто разговаривала с его мамой, для нее наступили трудные времена, когда в восьмидесятых ее муж умер от рака. Каждые выходные она навещала его могилу. Она была немного несчастна из-за того, что ее сын Вольфганг унаследовал большую часть состояния ее мужа. Также она часто говорила мне, как ее беспокоит, что Вольфганг не женится и что он лишь интересуется, как бы заработать побольше денег, и не ходит на свидания с девушками.

Однажды я прямо спросила его, думает ли он когда-нибудь жениться, ведь он был очень красивым мужчиной, а он ответил, что когда заработает достаточно денег, то отправится в какую-нибудь приличную заграничную страну и там найдет для себя подходящую женщину. Это было его безоговорочной целью — заработать кучу денег и затем уехать за границу. Но он никогда не говорил, куда бы он хотел поехать.

Я помню, у него были просто золотые руки, он мог сделать и

починить все что угодно. Техника была для него всем. Он рассказывал мне, что все в его доме автоматизировано — жалюзи, ворота гаража и всякое такое. Но наверное, из-за всех этих штук он утратил контакт с реальным миром. Я никогда не видела его с друзьями — ни с мужчинами, ни с женщинами — и ни разу не слышала, чтобы его видели в обществе женщины. Говорили, что он гомосексуалист, но, я думаю, все это сплетни. Он был обаятельным мужчиной, таким милым.

Ближайшие соседи даже наградили его дом прозвищем. Когда со временем Приклопиль стал жить там один, он усеял стены охранными приспособлениями, в том числе и высокотехнологичной системой видеонаблюдения, необходимость которой он объяснил соседям «защитой от взломщиков». Приклопиль просил их никогда не заходить без предупреждения, потому что он «встроил в свой дом несколько сюрпризов, и не хотел бы, чтобы поджарился кто-нибудь невинный». В результате, по словам шестидесятишестилетних пенсионеров Йозефа и Леопольдины Янчехов, живших по соседству, в округе дом был известен как «Форт-Нокс^[12] на Хейнештрассе». Йозеф Янчек рассказал:

Я знаю, что теперь это звучит ужасно, но мы были в хороших отношениях с Вольфгангом. Откуда же мы знали, что происходят такие жуткие вещи? Иногда мы стояли с ним у изгороди часами, разговаривая о Боге и мире. Но порой Приклопиль вел себя странно, особенно когда приезжала в гости его мать. Он ходил по саду, вглядываясь в газон, рассматривая кусты и проверяя каждое окно, — он объяснял нам, что всего лишь «приблизит и доводит все до совершенства». Теперь, наверное, это можно объяснить тем, что он проверял, не заметно ли каких следов его тайной пленницы.

Мэр Штрасхофа, Герберт Фартхофер, вторил соседям: он не слышал ничего, что заставило бы его думать, будто в городе живет чудовище. И добавил: «Он был не из тех жителей, кто доставлял нам проблемы. Когда мы дважды посылали к нему людей заменить водомер, они ничего не заметили». Ролан Пашингер, представитель местных властей, заявил: «Согласно нашим записям, за ним никогда не замечали ничего необычного».

Ханна Арендт, еврейский философ и историк, автор фразы «банальность зла» — сказанной об эсэсовце Адольфе Эйхмане, когда его судили в Иерусалиме за беспрецедентные преступления, в числе которых было и удерживание в качестве заложников двадцати одной тысячи венгерских евреев в концентрационном

лагере в Штрасхофе, находившемся всего лишь в нескольких минутах ходьбы от Хейнештрассе, — без труда могла бы отнести ее и к Вольфгангу Приклопилю.

Большинство его поступков, его проявления личности, несомненно характеризовали его как особенного, но тем не менее все в нем кричало о серости, а вовсе не о зле. Ничто не указывало на хищника, каковым он стал. Он был зауряден.

Благодаря своему поведению, укрыванию под личиной простоты, Приклопил в конечном счете и смог воплотить то, о чем мечтают все злоумышленники: совершенное преступление.

Пашингер рассказал, что однажды Приклопил «в бешенстве» позвонил в муниципалитет, потому что живую Изгородь у его дома подстригли слишком основательно, «из-за чего стало легче заглядывать в сад». Он продолжил: «Тогда никто не задумался почему. Он был не из тех, кто выделялся, и подлинное положение вещей даже представить было невозможно. Подобное случается только в Америке, думали мы. Но мы позабыли простую истину— злые люди не выглядят злыми».

Другой сосед, Вильгельм Ядерка, сообщил: «Мы его даже не замечали. Он никогда не показывался в местной пивнущке». Другой, Франц Цабель, предположил: «Штрасхоф больше уже не деревня. Многие переезжают, многие вообще не хотят иметь с кем-либо дел. Поэтому-то люди их и не замечают или же замечают слишком поздно».

В доме номер 30 по Рутерштрассе, где он раньше жил и где долгое время проживала его мать, пока ей не пришлось скрыться из-за бурных событий 2006 года, соседка Шарлотта Страк вспоминала Вольфганга как робкое создание, боявшееся ее собак.

Он ужасно боялся моих собак, Амора и Нандо, хотя каждый в нашем доме знает, что они никогда не укусят. Когда мне случалось проходить с ними мимо него, он вжимался в стену, чтобы быть от них как можно дальше, и бледнел. А иногда кричал, чтобы я убрала своих собак.

Когда он переехал в Штрасхоф, он раз в неделю навещал свою мать. Ну, мне кажется, что больше донимал, чем навещал. Сквозь потолок мне было слышно, как он кричал и помыкал ею. Он обращался с ней как с рабыней.

Эрнст Винтер, монтер связи на электронном гиганте «Сименс», в период с 1977 по 1981 год проходивший с Приклопилем программу обучения компании, также вспоминал «странность», что выделяла его приятеля как особенного, — его отсутствие интереса к девушкам. «Он просто никогда не говорил

о девушках, что для нас, парней, в то время было необычно. Чудно. Единственной известной мне его страстью были автомобили. Он начал принимать участие в автогонках с семнадцати лет. Думаю, это произошло еще до того, как он получил водительские права».

Винтер также вспоминал: «Вольфганг всегда был тихим и предпочитал оставаться в тени. Мы все только и хотели, чтобы поскорее закончить работу, а он не очень-то и спешил. Был очень doskonaльным и точным».

Во время обучения на «Сименсе», в 1981 году, Приклопиль отбывал восьмимесячную воинскую повинность. Австрийские законы по защите информации запрещают Вооруженным силам сообщать какие-либо подробные сведения, однако доподлинно известно, что он проходил службу в казармах Марии Терезии в Вене, где во время войны расквартировывались войска СС; он использовал свои навыки в электронике в качестве специалиста по системе связи разведки. Он просил о назначении в дивизион радиоразведки, но никогда не принимал участия в маневрах и вообще не покидал часть на какой-либо продолжительный срок. Приклопиль проживал в казарме только первые шесть недель службы, и соседи вспоминают, что он приезжал домой почти на все выходные, обычно с сумкой грязного белья, которое должна была постирать Вальтрауд. После же этих шести недель на протяжении оставшихся шести с половиной месяцев воинской повинности он всегда возвращался домой.

Согласно всем показаниям, его отношения с отцом были тяжелыми. Будучи любителем спорта и компанейским человеком, частенько наведывавшимся в местную пивную, Карл Приклопиль находил отшельнические занятия своего сына странными. Принимая во внимание слухи, что позже ходили о нем, когда он жил один с матерью, — что он либо латентный, либо явный гомосексуалист, — нетрудно вообразить те споры, что возникали между прямым, консервативным отцом и сыном, которого он до некоторой степени воспринимал как ненормального.

Ненормальным он, несомненно, был, но не в том роде, что подозревал Карл.

Франц Трнка, сорока девяти лет, работавший с Приклопилем в период между 1983 и 1991 годами в венской электронной компании «Капш», обслуживающей австрийскую телефонную сеть, — Приклопиля уволили из «Сименса» по сокращению штатов — высказался о нем весьма неожиданно. В отличие от большинства знакомых Приклопиля, описывавших его как застенчивого, Трнка считал его «грубым хвастуном», неподготовленным встречать лицом к лицу жизненные трудности.

Он также заявил, что у похитителя был комплекс неполноценности перед женщинами.

Во время обеденного перерыва по понедельникам мужчины обычно собирались и болтали о женщинах, однако Приклопиль в эти моменты всегда уходил, с тем чтобы не слышать чего-либо на эту тему. С ним было трудно поддерживать обычный разговор об интрижках.

У него были очень ограниченные интересы: его BMW с сабвуферной стереосистемой, электронные системы сигнализации, что он установил в доме своих родителей, да модели поездов.

Он мог говорить часами с кем-то другим, у кого тоже был BMW. Остальным же он давал понять, что для него они ничего не значат, потому что не соответствуют его планам и интересам. При всяком удобном случае он пытался кого-нибудь оскорбить, чтобы хоть как-то выдвинуться.

Особенно плохие отношения у него были с женщинами. Он воспринимал их как низших существ, они для него ничего не стоили. Он бывало с гордостью рассказывал нам, как останавливал женщин-водителей при съезде с автомагистрали, нарочно преграждая им дорогу своей машиной.

Эксперты полагают, что это высказывание определяет суть его непреодолимого влечения к подчинению. Как написал один журналист: «Все дело в том, что они были женщинами. Они вели машину — но за рулем был он».

Трнка продолжил:

Он еще и постоянно рисовался. Он уверил всех, что у его семьи есть деньги. Но отец заставил его искать работу— думаю, это было единственной причиной, по которой он в то время работал. Он не мог дождаться, когда же его отец умрет, и тогда бы он унаследовал его деньги. У него были не особенно хорошие отношения с ним.

Отец Карла Приклопиля, Оскар, во многих отношениях был таким же педантичным, как и его внук. Именно его подготовка к ядерной войне и обеспечила Вольфганга уже готовой комнатой для будущей «тюрьмы».

В 50-х годах в Австрии, не являющейся членом НАТО, семьи, если строили в своих домах атомные убежища, получали субсидии. Может, потому, что у него было вполне достаточно денег, а может, потому, что он просто не захотел утруждать себя

борьбой с нудной, истощающей силы бюрократией, которой так печально знаменита его страна, но Оскар не делал заявку на получение денег у государства, не обращался он и к местным властям за разрешением на перепланировку, когда приступил к сооружению убежища Судного дня. Позже эта независимость от государства пригодится его внуку.

Нет разрешения, нет записей — оно никогда не существовало. Просто идеально для того, во что Приклопиль-младший позже превратил это место.

Впоследствии его отец переделал незаконное бомбоубежище в подсобное помещение, и подростком Вольфганг помогал ему штукатурить и делать дренажную систему. «Бункер», как он его назовет, поочередно будет использоваться в качестве кладовой, мастерской, комнаты отдыха, где хранились его поезда, и, наконец, в качестве тюрьмы для перепуганной девочки.

Элизабет Брайнин, еще один психоаналитик, — благодаря наследию, оставленному Вольфгангом Приклопилем миру, учебники по темной стороне человеческой природы будут печататься еще десятилетия — вскоре после освобождения Наташи увидела фотографии того, что мир окрестил его тюрьмой. Она прокомментировала: «Все это мне напоминает крайне патриархальные общества, в которых десяти- или одиннадцатилетние девочки насильно выдаются замуж за мужчин много старше. Эти мужчины воспитывают их и в конечном итоге делают из них женщин. Вероятно, этот человек хотел выковать женщину именно той формы, какая ему была необходима».

В 1986 году отец Вольфганга Карл умер от рака кишечника. Хотя коллеги и говорили о трениях, что существовали между отцом и сыном, его смерть, судя по всему, глубоко потрясла его. Эксперты утверждают, что для психопатов типично, что после исчезновения объекта их ненависти или неприязни они испытывают нечто вроде скорби. После смерти отца Вольфганг продолжал жить в доме в Штрасхофе один, мать решила вернуться в муниципальную квартиру, откуда они переехали десятилетием раньше: любопытно, что они не вернули ее властям, чтобы в ней проживали другие. Мать начала играть в его жизни еще большую роль.

Он возвращался с работы в компании «Капш» не в дом в Штрасхофе, а в квартиру, где мать готовила ему венские шницеля и картофельный салат, лапшу с белым соусом или тушеную говядину. Позже он рассказывал людям, что они вместе смотрели телевизор, чаще всего викторины и старые вестерны, или же листали фотоальбомы, в которых была отражена история семьи Приклопилей. Вскоре он переехал к ней на постоянное

местожительство, а в Штрасхоф наведывался лишь по выходным, чтобы проверить дом.

У этой квартиры есть особенность, достойная упоминания: она располагается очень близко к школе, в которую позже будет ходить маленькая девочка по имени Наташа Кампуш.

Что-то изменилось в нем в 1991 году, когда почти в тридцатилетнем возрасте он внезапно захотел жить один. Робкий юноша, который не желал находиться вне семьи даже во время службы в армии, который фактически никогда и не жил один, за исключением кратких периодов того времени, решил отделиться и переехать назад в дом 60 по Хейнештрассе. Здесь он стал выращивать помидоры в осушенном плавательном бассейне, налаживать двигатели своих любимых машин и разрабатывать планы для весьма и весьма специфичного места под полом гаража.

В то время как он заиклился на демоническом плане, его мать оставалась единственной эмоциональной опорой в его уединенной во всех других отношениях жизни. По пятницам она обычно покидала муниципальную квартиру с сумками, полными заранее приготовленной и замороженной еды, помеченной надписями от «Понедельника» до «Пятницы», чтобы Вольфганг «как следует ел» на протяжении недели. Он также обзавелся двумя кошками, в которых души не чаял. Криста Стефан, подруга Вальтрауд с детства, чей дом в Штрасхофе выходит окнами на дом Вольфганга, рассказала: «Вальтрауд приезжала сюда и оставалась с ним каждые выходные. Она делала всю работу по дому и либо привозила с собой, либо готовила здесь и замораживала еду на целую неделю. Она постоянно твердила: „Вольфганг для меня все“».

Полицейский психолог Манфред Крампл уверен, что в начале 90-х годов в его мозгу уже оформилась идея похитить ребенка:

На этой стадии никто не мог предугадать, что у Приклопилья тайно разовьется быстро растущая потребность иметь кого-то, с кем он мог бы общаться. Кого-то, кто всегда рядом, — маленькую девочку, которой он мог бы владеть. Сначала Приклопиль прокручивал этот сценарий — или свое видение этого сценария — у себя в голове. Затем он «шлифовал» его в мечтах. Посредством похищения маленькой девочки Приклопиль, очевидно, намеревался создать некий параллельный мир, свою очень личную замкнутую область, невидимую и неизвестную кому-либо другому. Область, в которой он управлял бы всем.

И я считаю, что все это вылилось в одну-единственную вещь — у него возник сильнейший дефицит способности формировать

Даже замышляя претворение в жизнь своей фантазии с похищением, Приклопиль все так же не отказывал себе в жестоких удовольствиях, коими развлекался с детства. В 1992 году Франц Хафергут, полицейский на пенсии, но все еще державший ухо остро относительно имущества и людей, после прогулки в окрестностях сообщил своим бывшим коллегам, что видел его поедающим пирог и стреляющим по птицам, на этот раз не из самодельного ружья, что он сделал в школе, а из пневматического пистолета калибра 0.22, приобретенного им примерно за 60 фунтов. Он получил предупреждение не делать этого вновь. Во всем остальном, за исключением одного-двух нарушений правил дорожного движения, у него больше не возникало трений с законом.

С соседями же было по-другому. Многие вспоминают его как в лучшем случае странного, часто откровенно грубого и даже совершенно чужого. Живший поблизости Петр Дркош, шестидесяти восьми лет, знал его с детства. Он и его жена Хеди приобрели участок с небольшим летним домиком, в котором они часто жили, как раз за Хейнештрассе, 60. Эта близость раздражала и расстраивала Приклопиля, как вспоминал Дркош:

До того как мы привели этот участок в порядок, он расценивал землю как свое «плато» и обычно мыл там свою машину. Поэтому ему совершенно не пришлось по вкусу наше появление. Он предпочел бы жить в изоляции и спокойствии.

Порой он бывал настоящим занудой. В обед, когда наступал «тихий час», он всегда начинал стричь газон. В Австрии необходимо уважать уединенность людей между полуднем и тремя часами и не заниматься такими вещами, как стрижка газона или изгороди. Но к нему это не относилось. Он постоянно начинал тарахтеть большим садовым трактором. Он делал это лишь затем, чтобы восстановить против себя людей. Он любил покомандовать, а в работе был педантом. До сих пор все думали, что он просто такой чудак. Например, если кто-то не так парковал свою машину, он тут же звонил в полицию.

Полиция должным образом приезжала, совершенно не подозревая, что жалобщик «припарковал» под своим гаражом. Господин Дркош продолжил:

Постоянно возникали споры, потому как Приклопиль привык ставить свою машину на небольшой дороге за своим домом, чтобы

мешать другим соседям проходить мимо него к своей собственности. Как раз незадолго до своей смерти он залил всю дорогу из шланга, образовалась лужа глубиной сантиметра три. Сначала я подумал, что прорвало трубопровод, но потом увидел шланг, тянущийся из сада Приклопиля. Когда он появился, то заявил, что местные власти поручили ему заботиться об этом месте и поливать его водой.

У другого соседа гораздо более тревожные воспоминания. Стефан Фрайбергер рассказал: «Моя восьмилетняя дочка и еще один соседский ребенок того же возраста катались на велосипедах в близлежащем лесу, там много малины и ежевики. Неожиданно появился он и снял с себя одежду. Он был совершенно голым. Естественно, дети испугались и тут же вернулись домой. Моя жена до сих пор говорит мне, что надо было вызвать полицию».

Из-за того, что Приклопиль как будто не испытывал стеснения в средствах, из-за его модных автомобилей и явного отсутствия обычной рабочей занятости, соседи считали, **то у него либо личный доход, либо ему как-то повезло. «Я всегда гадала, откуда у него деньги на строительство, — поделилась соседка Розмари Хелферт. — Вообще-то ходили слухи, что он выиграл в лотерею».

По-моему, он ничем не занимался, — заявил Петр Дркош. — Он бывало уезжал на машине часов в семь утра и возвращался через два часа. Днем он уезжал снова. За последние три недели он трижды в неделю уезжал в три ночи — моя жена всегда из-за этого просыпалась. Когда он возвращался на своем фургоне «мерседес», он останавливался у ворот, открывал их, заводил фургон на участок и тут же закрывал ворота. Если он снова уезжал через час, он делал то же самое. Он всегда закрывал ворота.

В июне этого года я видел, как он работал на крыше и кричал женщине внизу, чтобы она подала ему дрель и инструменты. У нее был молодой голос, и я подумал, что наконец-то он завел подружку. Он определенно был в том возрасте, когда этим нужно заняться. Как-то моя жена была в саду, и она тоже слышала этот голос. Со своей матерью он говорил по-другому; к той, что с молодым голосом, он всегда обращался в приказном тоне.

Местный почтальон Герман Фалленбюхль, доставлявший почту на Хейнештрассе, рассказал: «Я никогда с ним не разговаривал и виделся, может, раз в месяц, не чаще. Он был

очень вежливым, всегда дружески приветствовал меня и махал рукой из машины. Только раз я видел какую-то пожилую женщину — должно быть, его мать».

«Приклопиль был призраком города», — убежден Фалленбюхль.

В начале 90-х Приклопиль заключил деловое партнерство с человеком, который, по-видимому, был его настоящим другом. Эрнст Хольцапфель был допрошен полицией после освобождения Наташи, и с него были сняты все подозрения в соучастии в похищении и лишении свободы, но если Приклопиль и решил бы кому открыть свой секрет, то этим человеком мог быть именно он. Ему даже случилось увидеть Наташу за месяц до ее побега, и, подобно ничему не подозревавшему соседям, он решил, что она была просто его подругой.

Хольцапфель был его приятелем еще со времен работы на «Сименсе», и он пригласил Вольфи, как он называл Приклопиля, присоединиться к нему в деловом предприятии, строительно-реставрационной компании «Ресан». Они вдвоем начали восстанавливать старую недвижимость, а затем расширили дело и занялись индустрией развлечений, организовывая празднования юбилеев и свадеб на витиевато разукрашенном складе в промышленной зоне Вены. Бизнес развивался, и Вольфи мог не отказывать себе в машинах — «носясь туда-сюда по дорогам страны», как выразился другой его бывший коллега по «Сименсу». Однажды он схлопотал талон предупреждения на 50 фунтов за превышение скорости, а в другой раз попал в небольшую аварию, в которой, впрочем, никто не пострадал.

Соседи по дому в Штрасхофе начали упоминать Приклопиля как «Vachener» — разговорный уничижительный термин для обозначения гомосексуалиста, — хотя Хольцапфель и заявляет, что никогда не замечал подобных проявлений со стороны своего друга и делового партнера.

«Областью», упомянутой полицейским психологом Манфредом Крамплом, — областью, в которой он будет управлять всем, — стало старое бомбоубежище под гаражом. Он педантично приступил к переделке его в необнаружимое, звуконепроницаемое, незаконное помещение — единственная возможность для поступления туда свежего воздуха осуществлялась посредством вентиляционной системы, контролировавшейся им наверху. Он закупал необходимые для переделки материалы в обычных строительных магазинах, всегда расплачиваясь наличными.

Он приобрел для намеченной жертвы письменный стол,

установил маленькую раковину и унитаз, подключив их к основному водопроводу и канализации, и при помощи изоляционного материала — того же типа, что используется и в звукозаписывающих студиях, — сделал комнату звуконепроницаемой. Когда Наташа в конечном счете сбежала, полиция подняла в его доме настил пола и обнаружила под ним лестницу, ведущую вниз в лабиринт дверей и проходов. Под землей детективы нашли металлический шкаф, за которым располагался туннель, размеры которого позволяли лишь протискиваться через него. В конце туннеля находилась самодельная бетонная дверь, а за ней шел еще один проход — и, наконец, комната, где содержалась Наташа. Ее мир составлял чуть более пяти квадратных метров, с поднятой кроватью, лестница к которой использовалась для развешивания одежды.

Это была конечная станция жизни Вольфганга Приклопиля: дыра в земле, размерами 3,5 x 1,8 x 1,5 м, к которой его каким-то образом привели уединенное детство, всепрощающая материнская любовь, малочисленные и непрочные дружеские отношения и все возрастающая тяга к насилию. Выработанные навыки и врожденная сноровка позволили ему обустроить эту комнату без особых усилий. Вот все, что мы знаем, и все это остается такими же темными, как и его омерзительные мотивы, обстоятельствами, однажды приведшими его к выбору Наташи Кампуш в качестве обительницы этой подземной темницы.

Помимо муниципальной квартиры Вольфганга Приклопиля, его дома в Штрасхофе с приготовленной тюрьмой и дома Наташи есть и четвертое место, центральное в его запутанной жизни. Это закусочная «У Кристины» — невысокое придорожное кафе, совмещенное с палаткой фастфуда, располагающееся в безотрадном удаленном районе Вены — весьма далеко от по-прежнему величественных зданий изящного периода старой имперской столицы, — где Приклопиль порой опрокидывал стаканчик безалкогольного напитка. Место центральное, а вовсе не какое-то случайное, где можно было охладиться, потому как именно туда частенько заходили родители Наташи и, согласно интервью, данным ее отцом авторам, сама Наташа. Людвиг Кох никогда не навещался в располагавшуюся рядом с его домом пивную: на протяжении двадцати лет он ездил через город в кафе «У Кристины».

Закусочная «У Кристины» находится на пересечении Обдахгассе и Ротенвег, примерно в пяти минутах ходьбы от округа Реннбанвег и по пути из муниципальной квартиры Приклопиля на Ругерштрассе до его дома в Штрасхофе. Она

обосновалась в самой обветшалой части северной промышленной зоны Вены, вблизи от границы города, среди строительных компаний и дисконтных магазинов «сделай сам», как раз через дорогу от огромного мусороперерабатывающего завода, металлического здания в форме пирамиды, возвышающегося над утрюмым районом.

Клиентура закускойной в основном состоит из работников близлежащих компаний да соседских любителей выпить, многие из которых проживают в округе Реннбанвег. Кафе представляет собой обветшалое деревянное строение с шестью столиками. Случайный наблюдатель мог бы прикинуть на глаз, что оно примерно в восемь раз больше подземной камеры Приклопиля.

Владелица, Крисшна Палфрадер, грузная женщина в начале шестого десятка, сыта по горло блеском известности, вваливающимися в двери телевизионными камерами, осветительными прожекторами и толпами неугомонных репортеров. Но она помнила Вольфганга Приклопиля.

Это чудо, чудо, что она жива и здорова. Но все мы знаем, что в той истории было и кое-что еще. Одному лишь Богу ведомо, что же там происходило на самом деле. Что до Приклопиля, то он иногда показывался здесь, несколько раз в неделю, но мы не знали его имени до тех пор, пока не увидели по телевизору. Он был очень спокойным мужчиной, всегда дружелюбным и вежливым со всеми. Каждый раз занимал одно и то же место в углу. Не помню точно, что он ел и пил, но, думаю, обычно это была сосиска, и он никогда не заказывал алкоголя — может, яблочный сок с газировкой, что-то в этом роде. Я не помню, когда он начал здесь появляться. Он был не из тех, кого замечают и о ком говорят.

Вольфганг разговаривал лишь с двумя другими техниками об их работе. Они оба восхищались им и говорили: он знает свое дело и действительно одаренный. У нас у всех создалось впечатление, что он образованный и толковый человек, поскольку он всегда был модно одет.

Он был интересным мужчиной, но каким-то неприметным. Да он как раз и старался не выделяться. Можно было сказать, что он невидимка. Единственное, из-за чего люди обращали на него внимание, так это его броская машина. У него был большой спортивный BMW, который он часто парковал перед входом. Когда ревел двигатель, люди оборачивались и смотрели.

Последний раз я видела его в июле 2006-го, перед закрытием на три недели на отпуске в августе.

Отец Наташи, Людвиг, тоже завсегдатай этой закускойной, он

известен в ней под своим прозвищем Люки. Он останавливается здесь в семь часов утра, в своей ночной жизни шиворот-навыворот, после окончания ночной смены в пекарне, где теперь работает по найму, чтобы позавтракать и выпить пива или вина с содовой. Встречал ли он когда-нибудь Вольфи, не зная, кто тот такой? Вот вопрос, на который до сих пор нет ответа. Вступал ли он однажды с ним в разговор, спрашивал ли о погоде?

Может, он даже покупал ему стакан яблочного сока, не зная, что в семи-десяти минутах езды отсюда, в зависимости от потока транспорта, его маленькая девочка была узницей тюрьмы, специально построенной этим человеком. Кристина не помнит, видела ли она когда-либо этих двух мужчин вместе. Но в этом причудливом Бермудском треугольнике переплетенных знакомств и случайных встреч есть и еще один момент.

Бывший «хороший друг» Людвиг, который был еще и любовником матери Наташи, Бригитты Сирни, также указывался как человек, знавший Приклопиля. Ронни Хусек владеет транспортным предприятием в промышленном районе совсем близко от этого кафе. «Я немного знаю Хусека. Госпожа Сирни знает его очень хорошо, — говорит господин Кох. — Он был моим приятелем, но недолго». Потому что у Хусека и Сирни завязался роман, когда она и Людвиг еще были вместе — так утверждают соседи.

Очевидцы сообщили, что видели в этой бедной части Вены Хусека с Приклопилем в продуктовом магазине, куда обычно наведывалась и госпожа Сирни: Хусек убедил технически одаренного отшельника, что тот сможет починить неисправную коробку предохранителей.

Среди свидетелей, весьма настроенных против, и Сирни Аннелиз Глезер, которая ясно помнила о той встрече: «И я уверена, что она знала Приклопиля, похитителя. Я очень хорошо его помню, он заходил в магазин с этим Хусеком, Ронни Хусеком, а на улице чинил коробку предохранителей». Это было в сентябре 1997 года, как раз перед тем, как она лишилась магазина. «Госпожа Сирни тогда приходила тоже, и она разговаривала с ними обоими. Я знаю, что Сирни была знакома с Хусеком, и, похоже, он позвал своего друга починить коробку предохранителей, и этим другом был несомненно Приклопиль».

Госпожа Глезер говорит, что она рассказала детективам о своих подозрениях, но, по ее словам, они отнеслись к ее заявлению, мягко выражаясь, равнодушно. «Я уверена, что эту историю еще необходимо расследовать. Есть еще много чего, что нужно выяснить. Наташа умолчала о предшествующем вечере, и этот эпизод не попал в сообщения. Я хотела бы снова встретиться

с ней, с Наташей, и побеседовать об этом».

О Хусеке также говорят, что он знаком с партнером по бизнесу и другом Вольфганга Хольцапфелем. До настоящего времени последний отказывается говорить о каких-либо дружеских отношениях. Фактически он хранит молчание с тех пор, как дал пресс-конференцию после освобождения Наташи, на которой заявил, что встречал ее, когда она находилась в заточении, но не знал, кто она такая.

Может ли это действительно быть совпадением: преступник посещает то же самое кафе, что и отец жертвы, с человеком, который стал любовником матери жертвы и который знал делового партнера Приклопиля? Но есть и еще кое-что.

Наташа Кампуш бывала там со своим отцом. В интервью авторам господин Кох, чьи чувства истощились вместе с деньгами, не был уверен, что встречал похитителя в закусочной, но признал, что бывал там с Наташей:

Когда я в первый раз увидел его фотографии по телевизору, он действительно показался мне знакомым. Может, я и видел его «У Кристины» или еще где, но я не помню. Вот его автомобиль я определенно видел в районе, даже несколько раз. Он очень заметный, это не та модель, что встречаешь каждый день.

Я наведывался в эту закусочную по меньшей мере лет двадцать, точно уже и не помню. Если я шел туда, когда присматривал за Наташей, то я всегда брал ее с собой, потому что никогда не оставлял ее одну. Да, я могу сказать, что она была там со мной, это правда, но не спрашивайте меня, когда именно это было.

Я знаю владелицу очень хорошо, я же ходил туда с самого открытия. Вот только я не помню, встречал ли там Вольфганга Приклопиля, но где-то я его видел.

Похититель, друзья, родители, все в одном и том же кафе — все просто оказались в одном месте? Сказал ли про себя Приклопиль, увидев ее там, что спасет ее от того, что расценил как несчастную жизнь, если похитит ее? Обменивалась ли там Наташа с ним взглядами, дружелюбной улыбкой через прокуренный зал? Встречала ли она кого-то из завсегдатаев, слышала ли их, когда они приходили в дом, где она была пленницей?

Как бы то ни было, план, что зрел в мозгу Вольфганга Приклопиля на протяжении многих лет, подошел к своему осуществлению 2 марта 1998 года. На последующие 3096 дней Наташа Кампуш исчезнет с лица земли.

Глава 3

ПОХИЩЕНИЕ НАТАШИ

«Привет, Эрнст, это Вольфганг. Завтра меня не будет. Надо кое-что сделать». Этими несколькими словами Вольфганг Приклопиль приступил к похищению Наташи Кампуш. Он позвонил своему партнеру накануне вечером, а затем принялся за приготовления. Он убедился, что в специальной комнате все готово. Разложил трусики и полотенца, расставил детские книжки, что закупил подальше от своего места жительства. Еще раз запрограммировал системы безопасности и вентиляции, удостоверившись, что воздушный компрессор, который будет поддерживать жизнь в его трофее, работает, равно как и многочисленные установки охранной сигнализации и видеокамеры, необходимые для сохранения его тайны.

Второго марта, в понедельник, немногим позже шести часов утра, когда радиоведущие сообщили ему, что сегодня день рождения творца перестройки Михаила Горбачева, что предано огласке завещание покойной принцессы Дианы и, уже ближе к дому, что в пригороде Вены обнаружена пятикилограммовая противотанковая мина времен Второй мировой войны, Приклопиль выпил кофе, включил в доме сигнализацию и вышел в промозглое, сумрачное утро. Он завел свой белый фургон «мерседес» и поехал на свидание с маленькой девочкой, которая в этот день перейдет из его уникальной мечты в его неподражаемую собственность. Теперь его ничто не могло остановить, теперь ничто не могло спасти Наташу.

Они оба неумолимо двигались ко времени и месту, где миры сольются, изменятся и разрушатся.

В квартире 18 дома 38 округа Реннбанвег госпожа Сирни встала необычно рано и приступила к изучению запутанной документации, касавшейся банкротства двух продуктовых магазинов, которыми она некогда владела. Она вспомнила, что выпила несколько чашек кофе, продираясь через увесистую папку, приняла ванну и примерно в 6.40 разбудила Наташу, чтобы отправить ее в школу. Наташа должна была пойти на дополнительные занятия по немецкому языку, начинавшиеся раньше обычных уроков. Госпожа Сирни быстро приготовила одежду дочери, а затем вспыхнула ссора, закончившаяся шлепком по уху Наташи. Во-обще-то эта размолвка была продолжением стычки, произошедшей между ними накануне вечером. В пятницу отец Наташи забрал ее в очередную поездку в Венгрию. Он

должен был привезти ее назад домой не позднее шести часов вечера в воскресенье, но, как всегда, к неизменному раздражению своей бывшей супруги, вовремя не успел. В воскресенье, 1 марта, он высадил ее у многоэтажки лишь в 19.45. Последнее, что Наташа сделала перед прощальным поцелуем «папочки», это залезла в бардачок автомобиля за своим паспортом и убрала его в левый карман курточки. Затем она поплелась в сумрак дома номер 38, надеясь, что лифт работает.

Она вошла в квартиру, но обнаружила, что дома никого нет. На двери в ее комнату была приколотая записка от матери: «Пошла в кино. Буду поздно. Мама. Целую». Это все в порядке вещей — Наташа практически была предоставлена самой себе, ее мать отнюдь не строила свою жизнь вокруг нее. Девочка уже привыкла входить в пустую квартиру.

Наташа переоделась в спортивный костюм и отправилась к соседке, хорошо ее знавшей. Госпожа Глезер, позже выступившая с заявлениями, поколебавшими общественное восприятие Наташи как случайной жертвы, некогда работала у госпожи Сирни. В том медийном вихре, что до сих пор продолжает кружить в Вене, она взяла на себя роль старшей сестры, женщины, готовой вмешаться и помочь «бедной Наташе», когда нет ее матери. Госпожа Глезер, жившая этажом ниже Наташи и ее матери, заявила, что тем вечером, впустив девочку к себе, она отправила ее оставить записку матери, чтобы та, если вернется домой рано, не запаниковала, что Наташи нет дома.

Людвиг Кох привез Наташу домой из поездки в Венгрию на выходные где-то между семью и полвосьмого вечера, немного позже, чем они договаривались с матерью, которая к тому времени уже ушла. Я помню тот день так ясно, словно это было только вчера. Я никогда его не забуду.

Наташа пришла ко мне и сказала, что ее мамы нет дома, и мы попробовали позвонить ей на мобильник, но он был отключен. Тогда я сказала ей, чтобы она оставила госпоже Сирни записку, что она у меня. У Наташи было хорошее настроение, она рассказала, как здорово провела выходные в Венгрии, и обо всем, что они там делали с ее отцом, господином Кохом. Мы мило поболтали, так, о том о сем: она была такой умной девочкой, с ней приятно было разговаривать.

Затем настало время ужина, но ее трудно было уговорить что-нибудь съесть, потому что она уже обедала несколько часов назад. После мы смотрели по телевизору «Его зовут Коломбо» — ей нравился этот сериал. С ней было весело смотреть фильм, по ходу она отпускала шуточки, почти как взрослая.

А потом пришла ее мать, где-то около 9.45 вечера, и начала кричать на нее прямо с порога, даже не сказав нам «привет». Она выговаривала ей, что она поступила неправильно, придя ко мне, и что она должна была оставаться дома одна.

После она наконец села, и мы вдвоем, госпожа Сирни и я, выпили по рюмочке «Бейлис». Но она продолжала кричать на свою дочь, оскорблять ее и тому подобное. Мне было очень неловко, и я попросила ее успокоиться.

Госпожа Сирни велела дочери идти наверх в их квартиру, поменять простыни и ложиться спать. Наташа писалась по ночам, а ее мать всем об этом рассказывала. Она попрекала ее за это в моем присутствии, и я видела, что девочке было очень стыдно.

Когда Наташа ушла домой, госпожа Сирни осталась, она выпила еще и начала говорить, что с каждой поездкой в Венгрию Наташа все больше и больше наглеет. Но это было неправдой, она совсем не была наглой, и ей так нравились эти поездки в Венгрию — она всегда возвращалась оттуда счастливой и уверенной.

Все равно было досадно, что вечер закончился так плохо. Наташа была очень радостной, и она рассказала мне, что ее мама убралась в детской: она считала, что госпожа Сирни наконец-то поставит ей письменный стол, — по-видимому, он был очень важен для нее.

Наташа и вправду была всего в нескольких часах от обладания таким столом, но он ждал ее в герметично закрытой комнате чужого дома Вольфганга Приклопиля, а не в ее.

Она уныло отправилась спать, чувствуя себя нелюбимой и несправедливо обиженной. И сочетание плохого сна и безотрадной перспективы рано идти в школу на контрольную по дополнительным занятиям по немецкому, которые она посещала, привело к тому, что она встала с опозданием. Примерно через двадцать дней, в интервью венской газете «Кронен цайтунг» — практически единственном, где она когда-либо описывала семейную среду Наташи, — госпожа Сирни призналась, что на следующий день она выговаривала Наташе за ее медлительность. Слово за слово, как подобное и происходит, и в конце концов мать набросилась на нее и вlepила весьма чувствительную пощечину. Она, впрочем, сразу же пожалела об этом. Госпожа Сирни рассказывала газете: «В то утро, когда она исчезла, она оставалась в кровати сорок пять минут, прежде чем наконец встала. Она всегда плохо встает. Потом она не могла найти свои очки. А затем просто нагло себя повела. И поэтому я дала ей по губам. Но я не мучаюсь из-за этого. С детьми нужно знать меру. Но да, эмоционально она явно была задета».

Наташа молча оделась, остановившись лишь на пороге, когда у матери изменилось настроение и когда та обняла дочь и сказала: «Никогда не уходи в школу расстроенной или сердитой на меня, ведь мы можем никогда больше не увидеться».

Через одно украденное детство Наташа расскажет в своем телеинтервью: «Да, 2 марта 1998 года плохой день. Вечером накануне я поссорилась с матерью, потому что отец привез меня домой слишком поздно и не проводил до квартиры. „Бог знает, что могло с тобой случиться, — сказала она, — тебя могли похитить“. И на следующий день, под ее же присмотром, это и произошло. „Никогда не уходи из дому после ссоры, не попрощавшись“, — всегда говорила моя мама.

Именно. А я подумала: „В данный момент я не согласна с тобой“ — и назло ей хлопнула дверью. Потому что все равно со мной ничего бы не случилось. И очень тяжело чувствуешь себя, когда всего через полчаса тебя все-таки похищают и ты сидишь съевшись в задней части фургона».

Менее чем в миле от них Приклопиль-хищник выжидал. Он припарковал свой фургон на Мелангассе, рядом с воротами во двор ее школы. Человек в белом фургоне, незаметный более чем когда-либо за всю свою неприметную жизнь, выжидал момента, к которому готовился годы. Коллекционер, явившийся присоединить к своей коллекции то, что, как он знал, удовлетворит его так, как до этого не удовлетворял ни один пазл или же электронный прерыватель цепи. Он сидел, безмолвный и одинокий в своем фургоне, настроив приемник на венскую новостную радиостанцию, которая уже через двадцать четыре часа разразится сенсационной новостью о пропавшей девочке. От его дыхания запотели окна; по ветровому стеклу сбегали ручейки растаявшего льда. Мимо на работу шли люди, не обращая никакого внимания на одинокого водителя, поджидающего пассажира. Приклопиль рассчитывал, что его безликость окажет ему услугу в этот самый важный день его жизни, и он не разочаровался. Господин Ничтожество. Само совершенство.

Пощечина от матери все еще жгла ей щеку, когда приблизился конец ее холодной и утомительной пятнадцатиминутной прогулки с тяжелым ранцем, в то время как ее более счастливые приятели проезжали мимо в теплых машинах своих родителей. Шлепая по грязно-коричневой слякоти, которая только вчера была хрустящим белым снегом, она ощущала тяжесть не только школьного ранца, но и на сердце — девочка была глубоко несчастна как дома, так и в школе.

Размышляя о своих проблемах, она заметила мужчину, пристально смотревшего на нее из машины всего лишь в пятистах метрах от школы. Но она была погружена в свои мысли, никаких тревог относительно незнакомца у нее не возникло, и она продолжала идти на него, ежась в красной лыжной куртке и склонив голову против холодного ветра.

Это решение стоило ей восьми лет жизни. Только когда закончилось ее пребывание в аду, она смогла рассказать миру, что она думала и чувствовала в те последние мгновения, пока еще оставалась школьницей, пока еще не была похищена для удовлетворения безумных желаний Приклопиля.

«Я увидела мужчину и подумала, что он какой-то странный. Я знала, что надо бы перейти на другую сторону улицы, но почему-то не сделала этого», — рассказывала Наташа. Она признала, что не сосредоточилась по-настоящему из-за ссоры с мамой, рассердившейся на нее из-за того, что она проспала звонок будильника и поздно легла накануне вечером. Ее мать отчитывала по телефону отца, что он привез ее с опозданием. «И я чувствовала себя уставшей», — вспоминала Наташа.

Она сказала, что ее мама вышла из себя еще и из-за того, что она не захотела надевать очки, которые, по ее мнению, уродовали ее, и это-то и послужило поводом пощечины. Она шла к катастрофе, шлепая по слякоти, опустив голову, погруженная в раздумья. Потом увидела его фургон «мерседес», и что-то охватило ее... не совсем страх, лишь ощущение беспокойства. Теперь оставалось пройти лишь несколько шагов, она немного замедлилась, но все так же двигалась в сторону фургона. Позже она будет мысленно ругать себя за это решение. Почему я не перешла дорогу? Почему не пошла с какими-нибудь другими детьми или со взрослым? Почему не прислушалась к внутреннему голосу, предупреждавшему, что здесь что-то не так? Но время иссякало. Она неумолимо приближалась к безобидно выглядящему белому фургону, не подозревая о зле, что притаилось там в ожидании ее.

Притупило ли несчастье в ее жизни ее проницательность? Блокировала ли боль от этой пощечины — самой по себе не являвшейся чем-то особым, лишь выражением стресса и противоречий, обитавших вместе с ней в квартире, — ее благоразумие? «А что, если?..» — вопрос, который можно задать относительно столь многих случаев в жизни. Но Наташа уверена, что она не оказалась бы в подземной тюрьме, если бы перешла дорогу.

Хотя, может, и оказалась бы. Как позже ее похититель сказал ей: не в тот день, так в другой. В конце концов, она была

избранной. Однако подлинная угроза, которую представлял собой водитель фургона, стала очевидной Наташе лишь тогда, когда он схватил ее и затолкал в машину. «Мужчина вылез из машины и внезапно оказался рядом со мной. Он схватил меня за руку и швырнул внутрь, а затем захлопнул двери и рванул. Он прикрикнул на меня и велел, чтобы я вела себя тихо, иначе будут неприятности», — рассказывала она о своем кошмарном путешествии, которое было только началом испытания.

«Вы хотите изнасиловать меня?» — мать Наташи, выступая перед журналистами в Вене годами позже, когда ее дочь уже была свободна, заявила, что это были первые слова, с которыми Наташа обратилась к Приклопилю. Демонстрируют ли они выходящую за рамки обычных знаний десятилетней девочки осведомленность о сексе и прочем? Или же это еще один показатель ее интеллекта?

Рассказывая о самом похищении, Наташа поведала, что он рывкнул ей, что ничего не случится, если она будет сидеть тихо и не двигаться. «Делай, как я говорю, и ты не пострадаешь», — добавил он для пущей убедительности. Через несколько минут он заявил ей, что это похищение и если ее родители заплатят выкуп, то она отправится домой «в тот же самый день или на следующий».

Наташа лихорадочно размышляла. В ее детском разуме друг друга вытесняли страх и замешательство. По ее словам, сначала ей не было страшно, но затем она подумала, что он может ее убить. «Я слышала о детях, которых насиловали и потом быстро хоронили где-нибудь в лесу. И я подумала, что могла бы потратить свои последние несколько часов, или минут, или что там у меня оставалось, с пользой и по крайней мере попытаться что-нибудь сделать. Сбежать, отговорить его или что-нибудь еще. Я сказала ему, что у него ничего не получится, что преступление на пользу не бывает. И что полиция скоро его схватит и так далее». Она сказала себе, что если сможет запомнить детали его лица, фургона, дома, если они приедут туда, то это поможет полиции, когда придет время его арестовывать. Позже она скажет: «Тогда я была уверена, что полиция найдет его и все кончится хорошо».

Однако все отнюдь не «кончится хорошо» по крайней мере очень, очень долгое время.

Но перед тем как привезти Наташу в дом в Штрас-хофе, Приклопиль завозил ее куда-то еще. В своем интервью «Кронен цайтунг», вскоре после обретения свободы спустя много лет, она загадочно объявила: «Мы не поехали прямо домой. Не хочу исказить историю, но больше ничего не скажу».

Заявление влечет за собой множество вопросов. Куда она ездила? На встречу с кем-то — возможно, с сообщником? Что-то купить? Посмотреть? Это ведь было похищение, так? То есть все должно было делаться безотлагательно и спешно? Не пытается ли Наташа в этом случае кого-то защитить — причем не память о своем похитителе, — кого она в конечном счете все-таки пожалела? Загадка так и не раскрыта ни ею, ни полицией.

Она восходит к сути отношений Наташи и Приклопиля. В этой саге еще есть кое-какие оберегаемые тайны.

* * *

Наконец, пока Вена пробуждалась в сумерках холодного утра, он привез ее в дом в Штрасхофе, вытащил из машины, не без применения силы затолкал в тюрьму и оставил в абсолютной темноте. Она была похищена около 7.20 утра и оказалась в темнице через какое-то время тем же утром — всегда педантичный Приклопиль следил за тем, чтобы не спровоцировать видеокамеры, фиксирующие нарушения скоростного режима на федеральной трассе 8, что ведет к Штрасхофу и его жуткому рукодельному логовищу.

В техническом отношении тюрьма Наташи была шедевром. Приклопиль документировал каждую стадию ее сооружения фотографиями, которые позже оказались в руках полиции. Доступ в камеру осуществляется через лестницу под полом гаража, внизу вход скрыт за белым шкафом. Лестничный пролет ведет к его металлической двери, за которой находится другая — стопятидесятикилограммовая железобетонная. Ее можно открыть и закрыть только снаружи, с помощью потайных резьбовых штырей. Эта дверь ведет в переднюю, откуда через третью дверь, украшенную розовыми сердечками — послабление Приклопиля женственности и юности, — и осуществляется вход в саму камеру Наташи. Комната совершенно звуконепроницаема. С одной ее стороны находилась поднятая вверх кровать, с другой — подвесной шкаф, письменный стол, комод, рукомойник и унитаз. Электричество для освещения, радио, телевизора и вентилятора включалось и выключалось снаружи, для последнего с помощью реле времени. Свежий воздух подавался Наташе через сложную электронную вентиляционную систему. Она описывала свои первые впечатления:

Сначала я по-настоящему и не разглядела комнату, потому что стояла крошечная тьма. Свет не горел. Он включил его лишь

через какое-то время, не знаю, может, через полчаса. Я совершенно обезумела, и очень сердилась, что не перешла улицу или не пошла в школу с мамой. Это было действительно ужасно. И еще беспомощность. Я плакала, потому что не могла ничего поделать. Это было ужасно — чувство беспомощности, неспособности что-либо предпринять. Это было самое худшее. Поначалу я едва выносила шум вентилятора, он так действовал мне на нервы. Это было ужасно. Впоследствии при малейшем шуме я чуть не падала в обморок. У меня появилась боязнь замкнутого пространства. Там не было ни окон, ни дверей. Я ничего не видела. Я даже не знала, слышно ли меня снаружи. Он сказал, что мои родители обо мне не будут волноваться и искать меня. А позже он сказал, что они в тюрьме.

Приклопиль получил что хотел.

И все же инстинкты, выработавшиеся у Наташи дома, уже делали свое дело. Ее семья оставляла ее одну множество раз — в этом не было ничего необычного и пугающего. Эмоции, выражавшиеся по отношению к ней, менялись словно езда на американских горках, что сбивало ее с толку, так что полагаться она могла только на себя. И снова, как солдат, научившийся переносить изоляцию в лагере для военнопленных, она могла перебрать по пунктам: Я жива — проверь. Я невредима — проверь. Я не описалась, здорова, меня не мучают — проверь, проверь, проверь.

Достоинно удивления, что она смогла достичь этого спокойствия, этого почти безмятежного состояния, в возрасте, когда все еще мочилась в постель, все еще предпочитала спать со светом и все еще — несмотря на натянутые отношения — сильно зависела от матери. Эта дочерняя любовь не угаснет вопреки минутам, часам, дням, неделям, месяцам и годам, коим суждено было последовать после первых секунд ошеломления ужасным пленением.

Когда в конце концов включился свет, она критически оглядела свой герметичный мир, увидела вещи, которые со своей неослабной аккуратностью и любовью к порядку разложил для нее Приклопиль. Наташа стояла в одежде, в которой и попала туда, и с ранцем, в котором было несколько ручек и карандашей, приготовленных для контрольной по немецкой грамматике. Она так и не узнала, по крайней мере в течение многих лет, что полиция будет обыскивать ее комнату в квартире, чтобы убедиться, что они были с ней, дабы проверить подлинность показаний, что она отправилась в школу на контрольную по немецкому.

Она увидела, что он приготовил, как она выразилась, «детские столовые приборы с большими толстыми медвежатами» на них: тщательно выбранные приборы, совершенно безопасные для совсем маленьких детей или же для него. Чашка была пластмассовой, не стеклянной. Ножниц не было. Все это подтверждает, что Вольфганг Приклопиль, как бы он ни был уверен в добродетельности своего предприятия, вполне отдавал себе отчет, что объект его желаний мог быть отнюдь и не осласчастливлен, как он сам, этой новой жизнью за бетоном, сталью, досками и звуконепроницаемой обшивкой. Он не желал, чтобы у его пленницы были инструменты, которые она могла бы применить против него.

* * *

Мать Наташи, позже вспоминавшая, что на прощанье помахала дочери в окно, в 7.30 утра отправилась на работу в компанию под названием «Еда на колесах». Она опоздала, прибыв на место лишь в 8.45, потому как ей пришлось остановиться и подкачать колесо. Закончив в полдень работу, она зашла в контору своего консультанта по налоговым вопросам, откуда позвонила другу. По дороге домой, по случайному стечению обстоятельств, она ехала рядом с отцом Наташи, да так медленно, что смогла опустить окно и спросить его, не знает ли он, где паспорт Наташи. «Я не нашла его прошлым вечером в ее сумке», — сообщила она, но признала, что не искала в ее куртке.

Через какое-то время она приехала домой, и к ней пришел ее любовник. Когда к 16.50 дочери все еще не было дома, она начала нервничать и позвонила зятю, который, как она знала, уже забрал обоих своих детей. Она считала, что они могут быть в курсе, где Наташа. После звонков одноклассникам выяснилось, что в тот день Наташи в школе не было. В конце концов госпожа Сирни отправилась в полицию. Людвиг Коха она поставила в известность лишь в восемь вечера — позвонила на мобильный телефон и сообщила об исчезновении дочери.

Когда позже тем вечером все-таки стало ясно, что Наташа пропала — ее не обнаружили ни в школе, ни в детском саду, где она проводила время, пока ее мать была на работе, — полиция поначалу склонялась к версии, что она сбежала из дома. В результате они приступили к надлежащим поискам только 48 часов спустя. Это было лишь началом расследования, длившегося восемь с половиной лет и чья действенность сегодня весьма серьезно ставится под сомнение — полиция упустила либо

недоработала существенные зацепки, которые могли бы выявить местонахождение девочки.

Доктор Ханнес Шерц, возглавлявший тогда полицейское расследование, заявил спустя несколько часов после ее исчезновения: «На данный момент мы не уверены, является ли Наташа Камлуш жертвой преступления, или же она просто сбежала из дома. Наташа живет с матерью, но у нее хорошие отношения и с отцом, с которым она проводит каждые вторые выходные. Возможно, она сбежала, чтобы встретиться с ним». И это несмотря на три нераскрытых убийства женщин, совершенные несколькими годами ранее в том же районе и все еще жившие в общественном сознании. Александра Шрифл, двадцати лет, Кристина Беранек, одиннадцати лет, и Николь Штау, восьми лет, были изнасилованы и убиты. В конечном счете в 2001 году, после теста на ДНК, выявленной в деле Штау, к пожизненному заключению был приговорен некий мужчина.

Для полиции дело Наташи оказалось загадкой, которую они так и не раскрыли, даже и близко не подошли.

В те первые часы пленения Наташа одержала немного побед, но ее похититель не остался безнаказанным. На следующий день после похищения он обратился в близлежащую больницу Корнойбурга по поводу раны — его средний палец был почти ампутирован.

Главврач больницы, доктор Вольфганг Хинтрингер, рассказал: «Он заявил, что прищемил палец дверью сейфа. Палец был практически отрезан, но после хирургического вмешательства очень быстро зажил».

Судя по всему, Приклопиль, у которого в доме не было сейфа, почти наверняка защемил палец тяжелой стальной дверью, которую установил, чтобы держать Наташу в заточении. Она весила 150 килограммов, и на его пальце обнаруживались все признаки того, что он угодил в нечто, производящее гигантское давление.

Доктор Хинтригер также показал, что Приклопиль обращался в больницу еще один раз, примерно через год после похищения. Он сообщил, что «упал в какую-то яму на стройплощадке, получив несколько ушибов».

Таким же невероятным, как и тот кошмар, через который предстояло пройти Наташе, стало и то, что ей удалось с ним справиться, ежедневно добиваясь уступок от своего надзирателя. Для ее родителей это был бесконечный кошмар, особенно для матери, которой пришлось жить с чувством вины, проникшим в ее сознание после той последней пощечины в порыве гнева. К тому

же она знала, что полиция время от времени пытается повернуть ход расследования в ее направлении, чтобы связать ее с похищением.

Госпожа Сирни заявила, что более восьми лет она ежедневно молилась, чтобы ее дочь вернулась к ней, и что в душе она знала, что девочка жива:

Я всегда говорила, что однажды она вернется домой. Может, она будет уже другой Наташей, но она все равно возвратится. Ее исчезновение довлело над моей жизнью, с тех пор как ее похитили у меня в десять лет.

Каждый день я молилась, чтобы с ней все было хорошо, говорила ей, чтобы она держалась, и надеялась, что однажды она вернется домой. Каждый год я отмечала ее день рождения, готовя ее любимый шоколадный торт. Его никогда не ели, но он так или иначе напоминал о всяких пустяках, связанных с нею, и о том, что ей так нравилось помогать мне его готовить.

Госпожа Сирни говорит, что она испробовала все, чтобы найти дочь, даже обращалась к ясновидящим, и некоторые из них уверяли ее, что она еще жива. Ее отец Людвиг после похищения тоже лишил себя всех мелких радостей жизни и занятий. Он проклинал себя, что не приложил должных усилий для получения опекуна над Наташей после того, как расстался с ее матерью. Как и мать, он доходил до того, что в отчаянных поисках дочери рыскал по улицам древней столицы.

Госпожа Сирни рассказала: «В первые недели я прочесывала улицы Вены. Я просиживала в парках целыми днями в надежде, что она покажется. Потом я стала ездить в другие города Австрии и направлялась в места, где было много детей, особенно тех, кто сбежал из дома или прогуливал школу, но так ничего и не добилась».

Когда полиция заявила ей, что они уже мало что могут сделать, и начала сворачивать расследование по делу об исчезновении Наташи, Бригитта Сирни обратилась за помощью к экстрасенсам.

«Я не знала, что можно еще сделать, и поэтому пошла к ясновидящей, — может, она смогла бы мне помочь. И она сказала, что Наташа жива и что ее держат на севере Вены в подвале дома, но полиция отказалась проверять эту информацию — они сказали, что наверняка ясновидящая всего лишь водит меня за нос».

Также мучительно ей было узнать, пускай и после воссоединения, что, когда однажды она ездила по работе в

Штрасхоф, она даже проезжала мимо того дома. «Я не могу поверить, что я даже проезжала мимо него в тот день, когда у меня была презентация в Штрасхофе», — сказала она, склонив голову, с полными слез глазами.

Даже по прошествии дней, месяцев и лет, говорила она, ей не становилось легче:

Что на самом деле действовало мне на нервы, так это то, что каждый давал мне кучу советов, особенно когда говорили «жизнь продолжается» и всякое такое. Я как будто оказалась во временном разрыве. Вокруг меня-то жизнь продолжалась, но в моих мыслях она остановилась на том дне, когда пропала Наташа.

Порой я даже желала, чтобы нашлось хотя бы ее тело. Тогда, по крайней мере, я получила бы хоть какое-то облегчение, и у меня была бы могила, где я могла бы оплакивать свою прекрасную дочку. Но вместо этого я продолжала ждать, что она в любой миг войдет в дверь. Я сохранила все письма, что она получала, и ее вещи, как она их и оставила. В ванной у меня стоял ее шампунь «Барби» и мыло «Покахонтас». Однажды я обнаружила, что вещи Наташи поела моль, и едва не умерла от горя.

В Наташиной школе ее исчезновение тоже стало потрясением. Многие ее школьные друзья помнят тот роковой день, когда она пропала из их жизни. Михаэль Ульм, учившийся в том же классе, что и Наташа, — 4С, — слег на нервной почве. «Она была моим другом, — рассказывал он. — Я хотел, чтобы человек, который ее похитил, вернул ее». Школьники уговаривали учителей, чтобы им позволили создать поисковые отряды для прочесывания соседних улиц и пустырей, однако из опасения, что без присмотра могут пропасть и другие дети, от этой затеи отказались.

Матери, которые могли проводить своих детей в школу, были счастливицами — большинство родителей были слишком заняты по работе, чтобы доводить своих отпрысков до школьных ворот, а после забирать. Габриэль Бём, тридцати восьми лет, которая начала провожать своего сына в школу после исчезновения Наташи, рассказала: «Большинство матерей работают поблизости. Каждый день можно лишь надеяться, что все закончится хорошо, но гарантий этому нет — теперь-то мы это знаем».

Лиана Пихлер, сорока пяти лет, беспокоилась, что власти не сочли нужным проинформировать матерей, что в другой школе района было вывешено предостережение о сексуальном маньяке, который, как предполагалось, выслеживал детей в том районе. Теперь уж никогда не выяснится, был ли этот подозреваемый

Вольфгангом Приклопилем.

Газеты того периода печатали послания со словами надежды и любви в расчете, что они заденут за живое жестокосердного похитителя:

ИВОНН: Будем надеяться, что скоро ты к нам вернешься.

КАТАРИНА: Я была ее лучшей подругой, и она мне все рассказывала.

ДЖЕННИФЕР: Она говорила мне, что дома только и делают, что ссорятся, и что ее часто тянут в эти ссоры. Ей это не нравилось.

МАРСЕЛЬ: Она была находчивой, забавной, сильной, спокойной и — иногда — нахальной. А порой она царапалась и кусалась.

Через какое-то время детям разрешили взять себе ее книги в качестве памяти о товарище, которого они потеряли. На протяжении долгого времени ее место в классе оставалось пустым — напоминание о том, что они никогда не перестанут думать о ней. Но шли годы, одноклассники выросли, и ее место было занято другими учениками, поскольку воспоминания о ней неминуемо угасли.

«Каждый вечер мы молились за Наташу», — говорила ее классная руководительница Сюзанна Бронедер. Она добавила, что запланированный просмотр фильма «Летите домой» пришлось отменить, потому что ее друзья очень переживали по поводу ее исчезновения.

Тогдашний директор школы, Гюнтер Вильнер, сказал, что продолжать работать можно было лишь веря в счастливый исход. Он считал, что если бы его ученики думали, что Наташа пропала навсегда, то многие из них просто не выдержали бы.

Множество детей заявили, что видели ее в то утро, когда она исчезла. Десятилетняя Беттина Хоффман сообщила, что видела ее «не более чем в ста метрах от школьных ворот. Она шла в направлении школы». Однако Беттина не видела, что произошло после.

Двадцать один ее одноклассник ходили в местную церковь на специальную службу. Их молитвы оставались без ответа более восьми лет.

К дверям квартиры Наташи доброжелатели приносили цветы, а те, кто потерял детей по причине болезни, несчастного случая или убийства, писали Людвигу и Бригитте соболезнования. Никто из них и знать не мог, что она была жива, здорова и начинала медленное превращение из жертвы в победителя в подвале, на глубине трех метров под землей, всего лишь в нескольких милях

от комнаты, в которую ее мать заходила каждый день, чтобы почерпнуть сил в витавшем там ее духе.

В 2002 году в интервью австрийскому журналу «Женщина» госпожа Сирни признала, что от кое-каких людей она знает, что является подозреваемой. Вот это интервью:

Недавно специальный отдел возобновил расследование по делу Наташи. То, что госпожа Сирни, мать Наташи, сейчас является одним из главных подозреваемых, отнюдь не шокирует ее. Однако ее удивило, как она говорит нам в интервью, что она узнала об этом новом расследовании через Телетекст:

«Женщина»: Как вы узнали о недавнем возобновлении полицией расследования исчезновения вашей дочери?

Сирни: Я сидела в своей машине, когда зазвонил мобильник, и моя невестка сообщила мне, что она только что прочла новость по Телетексту.

«Женщина»: Следователи уже связались с вами?

Сирни: Нет, и именно это и выводит меня из себя. Им даже в голову не пришло, что меня надо как-то поставить в известность. Я звонила в Федеральное бюро расследований Австрии несколько раз...

«Женщина»: И что они вам сказали?

Сирни: Ничего. Потому что никто из этих господ так и не соизволил со мной поговорить. Я просила их перезвонить мне и жду до сих пор!

«Женщина»: Что вы думаете обо всем этом?

Сирни: Это недопустимо, что они оставляют меня в неведении, что мне приходится бегать за ними.

«Женщина»: Вашу дочь собираются искать в некоем озере близ Вены. Что вы об этом думаете?

Сирни: Если они хотят копать, то пусть копают. Если они думают, что найдут там что-нибудь...

«Женщина»: Но разве вам не доставит облегчение, что все снова проверяют? Что, быть может, выяснится, что же произошло с Наташей?

Сирни: Да, конечно же доставит. Вдруг они тогда что-то просмотрели.

«Женщина»: Прежде чем преступник будет найден, каждый, кто был близок к жертве, находится под подозрением. А значит, и вы, как мать Наташи. Как вы с этим справляетесь?

Сирни: А что мне еще делать, если они снова подозревают меня? Приходится лишь мириться с этим. Но я, естественно, буду с ними сотрудничать.

«Женщина»: Владелец озера — ваш знакомый. Что он сказал о

планируемых поисках?

Сирни: Сказал, пускай, мол, ищут...

«Женщина»: Вам когда-либо приходило в голову, что же могло произойти?

Сирни: Нет. Никогда!

Позже полиции пришлось признать, что госпожа Сирни исключена из числа подозреваемых.

Время шло, времена года сливались в одно. Людвиг Кох терял свой бизнес один за другим, по мере того как тратил деньги и время на поиски дочери, скитаясь по ночным улицам, рассматривая беспризорных детей у венского Западного вокзала и даже юных проституток в квартале публичных домов, прося каждого встречного посмотреть на фотографию Наташи, которую носил с собой.

«Вы не встречали эту девочку? — спрашивал он. — Не видели ли ее с кем-нибудь?» Но беспризорники, наркоманы, проститутки, это городское отребье, лишь молча отрицательно качали головами.

У госпожи Сирни тоже был свой ад — сначала враждебность мужа, затем людей вроде Аннелиз Глезер. Вера ясновидящим придавала ей успокоение и надежду, но лишь ненадолго. Ничто не могло возместить утрату ее плоти и крови.

Мучения усугублялись каждый раз, когда в газетах появлялись сообщения о детоубийцах в других странах, и хуже всего пришлось в 2004 году, когда пресса заговорила о Мишеле Фурнире, «французском звере», убившем по крайней мере девятерых женщин и девочек. Некоторых своих жертв он заманивал в фургон, похожий на тот, в который, по показаниям одной свидетельницы, кто-то затаскивал Наташу. Госпожа Сирни сказала в вымученном интервью того времени:

Около трех недель назад, поздно вечером, когда я смотрела репортаж об аресте этого человека и узнала, что он часто пользовался белым фургоном, выискивая жертв, я сразу же подумала о Наташе. И я начала молиться: «Пожалуйста, нет, пожалуйста, нет, мой ребенок не может быть одной из его жертв...»

Я знаю одно: есть столько вещей, которые могут просто совпасть. Этот белый фургон — как раз одна из них. Тем временем я также узнала, как этот убийца заманивал своих жертв: он притворялся больным и просил о помощи. А Наташа всегда была готова оказать помощь. Она подошла бы к незнакомцу, если бы поняла, что ее помощь действительно необходима. Тогда она

наверняка подошла бы к нему. А дальше я и думать не хочу. Мысль о том, что мой ребенок стал жертвой этого зверя, просто ужасна.

Когда ее в том же интервью спросили, не оставила ли она до сих пор надежды, что Наташа жива, она ответила: «Я никогда не лишусь этой надежды, пока не буду убеждена на сто процентов, что Наташа мертва. И я то и дело вижу в своих снах, как моя маленькая девочка появляется на пороге и говорит: „Мамочка, вот я и вернулась“. А пробуждение столь ужасно, потому что я возвращаюсь в реальность, где есть кошмарная неизвестность...»

Если бы она знала, как ее дочь вела себя в те первые часы, она бы только гордилась ею. Впоследствии Наташа скажет: «В принципе уже в первую пару часов моего похищения я знала, что ему чего-то не доставало. Что у него была нехватка чего-то».

Также она скажет, что он был «неустойчивой личностью», в противоположность тому, что она оценила как «здоровая социальная обстановка вокруг меня — может, не особо счастливая, но любящая семья. Мои родители убедили меня, что любят меня. У него же этого не было. В некотором смысле ему не доставало уверенности в себе. И даже более — уверенности вообще. Не было у него ее».

Неустойчивая личность. Словосочетание, описывающее сложное заболевание, узnanное маленькой девочкой, которая подобным вещам научилась в своем подземном мире.

Ее свобода стала для профессии психоаналитика тем же, что и война для военной промышленности, со всеми этими теориями о нем, о ней, о ее семье и отношениях, нагромождающимися одна на другую подобно разбитым остовам во время гонок на автомобилях серийного производства. Но она была ближе всех к Приклопилю в «оранжерейной» обстановке, не обремененной какими бы то ни было социальными контактами. Быть может, ее мнение о нем как раз и обладает большей ценностью, нежели любая точка зрения тех «экспертов», что будут роиться вокруг нее после 23 августа 2006 года.

Неустойчивая личность, согласно описаниям, проявляется у неуравновешенных людей, чьи отношения с другими неистовы, недолговечны и непостоянны. Страдающие пограничным личностным расстройством часто испытывают неустойчивое — очень сильно колеблющееся — чувство самоуважения и самооценки и примериваются к ощущениям, которых на самом деле не испытывают.

Сэм Ванкин, крупнейший специалист по подобным типам,

автор книги «Злокачественное себялюбие — еще раз о нарциссизме», пишет:

Главной движущей силой при пограничном личностном расстройстве (ПЛР) является боязнь оставления. Как и находящиеся в патологической зависимости от партнера, страдающие ПЛР пытаются предвосхитить или предотвратить их оставление (как реальное, так и воображаемое) самыми близкими и дорогими им людьми. Они отчаянно и контрпродуктивно цепляются за своих партнеров, товарищей, супругов, друзей, детей и даже соседей. Подобная неистовая привязанность сочетается с идеализацией, а затем с быстрым и безжалостным обесцениванием объекта внимания страдающего ПЛР.

Страдающие ПЛР головокружительно мечутся между дисфорией (печалью или депрессией) и эйфорией, маниакальной самоуверенностью и парализующей тревогой, раздражительностью и безразличием. Это напоминает перемены настроения у страдающих биполярным расстройством. Однако страдающие ПЛР более гневливы и более вспыльчивы. Обычно они завязывают драки, испытывают приступы гнева и бешенства.

Любопытно, что большинство страдающих ПЛР — женщины, хоть и не всегда, и что женщина, мать Вольфганга, была единственной, кто оказывал на него столь сильное воздействие. Слабый, вспыльчивый, зависимый, порой ненавидящий самого себя... Наташа распознала слабые места в доспехах своего похитителя с самого начала.

Это окажется неоценимым оружием в войне воли против Вольфганга Приклопиля.

Глава 4

ЖИЗНЬ В АДУ

Представить это невозможно, но мы должны попытаться. Мы должны попробовать поставить себя на место Наташи Кампуш, чтобы понять, через что она прошла в той искусственной пещере. Астматический хрип вентилятора, нагнетающего тепловатый воздух, свет, ежедневно включаемый рано утром и гаснущий вечером, полнейшая тишина — ни пения птиц, ни болтовни соседей, ни гула самолетов высоко в голубом небе, ни приятного шуршания листвы, кружащейся в миниатюрных вихрях в саду. Когда там наступала тьма — по ночам или же если Приклопиль выключал свет в приступе гнева, — это было сродни полному отключению органов чувств. Что-то вроде психологической подготовки бойцов спецназа, дабы они научились переносить пытки в плену и сохранять рассудок, потерявшись в пустыне или джунглях. Но такая подготовка не предназначена для маленьких десятилетних девочек, у которых на уме кошки, куклы да невыполненное домашнее задание. В подобном эксперименте время сжимается: хотя он и более чем неприятен, но, если пленник не может следить за ходом времени, как это было с Наташей в первые несколько месяцев, время, как это ни парадоксально, кажется короче, нежели в обычных условиях. В одном из опытов, проведенном в 80-х годах, испытуемый, оставшийся под землей 58 дней для оценки влияния подобных условий как на психику, так и на физическое состояние, полагал, что прошло всего лишь 33 дня. Но Наташа не имела представления об этом, проснувшись после первой ночи, да и, зная она, это не принесло бы ей облегчения.

Каковы бы ни были недостатки ее воспитания, но, как и всех детей, родители научили ее остерегаться подозрительных людей, не входить в лифт с незнакомцами, не заговаривать с ними за пределами школьных ворот и не брать ни у кого конфет. Добродушные полицейские, либо слишком толстые, либо слишком старые, чтобы и дальше патрулировать улицы, заходили в ее школу, чтобы внушить то же самое. Теперь же, 3 марта 1998 года, когда в семь часов утра в ее камере зажегся свет, она осознала, что все кошмары разом стали явью. То, что она оправилась, решительно собралась с силами и сказала самой себе: «Он меня не сломит. Я спасусь», — свидетельство невероятной воли, объединившейся с пронизательным умом.

Если она и вышла необыкновенной девушкой, то только

потому, что она вошла туда поразительной девочкой.

Позже ее спросили, не прокляла ли она судьбу, которая забросила именно ее, а не кого-то другого, на глубину три метра под землей. Она ответила: «Нет! Сразу же после похищения я спросила себя, что сделала не так. Я спросила себя, чем провинилась перед Богом. Я была в полнейшем отчаянии. В этой крохотной комнатке у меня возникла клаустрофобия, и это было действительно мучительно. И я понятия не имела, что со мной произойдет — убьют ли они меня, что захотят со мной сделать. Поначалу я думала, что преступников несколько».

Однако преступник был один. Во время написания данной книги полиция только закончила длительное обследование места преступления. Чтобы обнаружить возможные тайники для других потенциальных жертв, они задействовали специально обученных собак и напустили искусственный туман, но так и не нашли еще каких-либо потайных камер или спрятанных тел девочек. Они перелопатили почву на участке и продолжают сосредоточенно изучать древний компьютер «Коммодор», которым он пользовался и который не был подключен к Интернету, дабы узнать, хранятся ли в его относительно примитивной памяти какие-либо тайны его плана или того, чему он мог подвергать Наташу все эти годы. И был ли когда-либо в его дьявольском замысле сообщник.

Однако, хотя детективы и полагают, что он мог иметь контакты с другими извращенцами, они все же уверены, что при похищении он действовал в одиночку и у него была только одна жертва — Наташа. Его участок исследовали с помощью тепловых датчиков и щупов, но никаких захоронений выявлено не было.

«Gebieten, — сказал он ей во время их первой встречи, когда она была упрятана в потайную тюрьму, — вот как я хочу, чтобы ты меня называла». «Gebieten» — немецкое слово, означающее «повелитель», и оно доказывает, что с того момента Вольфганг Приклопиль намеревался избавиться от образа полнейшего ничтожества, которому всегда недоставало мужества. Он хотел командовать так, как не командовал никогда в жизни. Но Наташа не подчинилась его желанию.

Криминальный психолог Томас Мюллер утверждает, что Приклопиль был «преступником в высшей степени садистским, стремившимся к полному контролю над своей заключенной. Он хотел быть для нее властелином жизни и смерти». Несмотря на все эти книжки со сказками, которые он покупал, фильмы, которые он позже позволил ей смотреть, одежду, которую он выбирал, туалетные принадлежности, столовые приборы и еду, он утверждал свое право на превосходство.

Это был момент, которого он так ждал, который он миллион раз прокручивал в своем мозгу, вызывая у себя сексуальное возбуждение. Хозяин! Правитель странного мира с населением всего из двух человек. Он предвкушал этот миг, и, хотя он всегда отмечал с Наташей дни рождения и Рождество, в его памяти из всех празднеств лучшим останется годовщина этого дня, когда он начал действовать, наконец-то начал, и привел ее в свой мир. Или в действительности сделал ее своим миром.

Помимо того что он едва не лишился пальца, прищемив его стальной дверью, когда в первый раз запирали ее в темнице, это стало его первой ошибкой. На свободе Наташа была упрямой девочкой, и, если уж на то пошло, в заточении эта черта характера еще больше обострилась. Несмотря на то, что он был старше ее, и несмотря на то положение, в которое он поставил ее силой — его полный контроль над ее перемещениями, ее абсолютное отдаление от семьи, — если он мечтал о податливой красавице в своей потайной комнате, то он не мог ошибаться больше. Посвятив себя задаче в духе Пигмалиона, заставить ее полюбить его, он вступил на стезю к собственному уничтожению. Она отнюдь не была покорной и застенчивой девочкой из его больших мечтаний, как он вскоре понял.

Естественно, в нее вселился страх, особенно в те первые часы и дни. Она боролась с ужасами, которые нахлынули в ее разум, с беспокойством, что останется без воды, или воздуха, или пищи. Она боялась, что он попадет в автокатастрофу и уже не сможет прийти и спасти ее — именно такая тема звучала в опубликованном в 70-х годах в рассказе из серии «Рассказы ужасов» издательства «Пан букс», в котором несчастная женщина, запертая в подвале после похищения, превращается в полубезумный скелет, поедающий крыс, после того как ее похититель из-за дорожной аварии на полгода попадает в больницу^[13].

«Когда он уезжал из дома, я всегда задавалась вопросом: сколько он там пробудет — часы? целый день? Мысль о том, что с ним что-то может случиться... несчастный случай, сердечный приступ. Тогда я никогда, никогда не выберусь отсюда. Сколько продержится вентилятор? Дольше, чем я?»

Кто-нибудь в ее положении мог бы сказать себе: «Если ему поднимает настроение, когда его называют повелителем, то почему бы и нет?» Но только не Наташа. Она твердо отказалась подчиниться ему.

Зависимой она, может, и была: сахар, как позже она скажет полиции, убеждает лучше уксуса, независимо от ситуации. Но умолять? Это не в духе Наташи Кампуш.

Неискренние уверения в преданности его претенциозному идеалу о самом себе отнюдь не были склонением ее воли перед ним. Это она отказалась делать с первого же дня. Именно поэтому позже она скажет, что все, что происходило между ними, делалось добровольно. Именно поэтому она остается убежденной, что он так и не сломал ее. «Я всегда была сильнее, — заявила она. — Думаю, он испытывал укоры совести, но старался подавить их и отвергал их. Само по себе это подтверждает, что он чувствовал себя виноватым».

Так они и отправились в это необычайное путешествие — путешествие, которое, прежде чем закончится, украдет остаток ее детства, период созревания и часть молодости. Они пришли к компромиссу, который удовлетворял его фантазии и позволял Наташе одерживать маленькие победы, которые в конечном счете сложатся в великое множество.

Первые шесть месяцев он не позволял ей покидать тюрьму. У нее были книги — в основном сказки, хотя Наташа и выросла из них задолго до того, как угодила ему в лапы, — но ни телевидения, ни радио в этот период не было. В своей изоляции она ела, отправляла естественные потребности, мылась, спала, плакала, мечтала и становилась сильнее. Она регулярно виделась с ним, но впоследствии она не особенно распространялась, о чем они говорили. Известно, что они вместе читали и что она начала с нетерпением ожидать его общества: когда у вас нет ничего и никого, с кем поговорить, тогда, говорят эксперты, обязательно начинает действовать стокгольмский синдром.

Стокгольмский синдром — психологическая реакция, порой наблюдаемая у похищенного или заложника, при которой жертва, вопреки угрожающей ей опасности, проявляет лояльность к преступнику. Стокгольмский синдром также иногда рассматривается применительно и к другим ситуациям с подобной противоречивостью, таким как синдром избитого ребенка, случаи жестокого обращения с детьми и похищения невест.

Синдром получил свое название после «Норрмальмсторгского ограбления» Кредитного банка на площади Норрмальмсторг в Стокгольме, Швеция, во время которого с 23 по 28 августа 1973 года грабители удерживали работников банка в качестве заложников. Тогда жертвы эмоционально привязались к своим мучителям и даже защищали их после освобождения из шестидневного заточения. Термин запустил в обращение криминалист и психиатр Нильс Бейерот, помогавший полиции и упомянувший синдром в выпуске новостей.

И все же то, чему подверглась Наташа, а также длительность

самого процесса, потребовало нового термина для нового явления, и, когда все было кончено, оно получило название «венский синдром». Выражение «стокгольмский синдром» оказалось не очень уместным применительно к девушке, которая во многих отношениях станет задавать тон жизни в доме номер 60 по Хейнестрассе.

В своем любопытнейшем «Письме миру», опубликованном после того вихря известности, что поглотил ее, когда она наконец-то освободилась, она поведала, как развивалась эта повседневная жизнь:

Она была тщательно вымерена. В основном жизнь начиналась с совместного завтрака — он все равно большую часть времени не ходил на службу. Работа по дому, чтение, просмотр телевизионных программ, разговоры, готовка — вот и все, что было, из года в год, и неизменно связанное со страхом остаться в одиночестве.

Он не был моим повелителем. Ведь я была так же сильна, как и он, но иногда, образно выражаясь, он был моей опорой, а иногда тем, кто грубо со мной обращался. Но во мне он нашел не ту, и мы оба знали это.

Действительно, подтверждение тому, что она была «не той», пришло в течение первых нескольких недель пленения. Приклопиль установил в ее комнате звонок, чтобы она пользовалась им, когда ей что-нибудь было нужно. И она пользовалась им столь много и столь часто, что он в приступе разочарования просто вырвал его. Еще одно очко в пользу Наташи.

После первой темной ночи, во время которой она едва ли спала, началось нечто вроде рутины.

Я всегда просыпалась очень рано, свет включался автоматически в семь часов. Существовал определенный порядок, но не было ни весны, ни лета, ни осени, ни зимы. Не как у других детей, которые ходили в школу, у которых были каникулы и которых обнимали их матери. По вечерам свет выключался не так точно, но рано или поздно все равно становилось темно.

Она объяснила, что ее похититель постоянно приносил ей книги по ее выбору: «Поначалу я хотела детскую классику вроде Карла Мая, „Робинзона Крузо“ и „Хижины дяди Тома“. Я читала и читала». Из книг Карла Мая ей особенно нравились романы о Диком Западе и потрясающей дружбе между ковбоем, старинной

Шаттерхендом, и индейцем Виннету. Как и Наташа, Карл Май не был в Америке, когда писал эти книги. Как и он, она мечтала об огромных открытых пространствах, пытаясь представить их себе в своем заточении.

Такие неправдоподобные приятели, старина Шаттерхенд и Виннету. Почти как Наташа и Приклопиль.

Первые полгода ей не позволялось подниматься наверх. Ей приходилось принимать душ в своей темнице — с помощью бутылки из-под минеральной воды с проделанными дырками. Потом ее сменил шланг с прикрепленным к нему подобием душевой насадки. Только значительно позже ей было разрешено принимать душ или ванну наверху, раз в неделю или две. Она выходила под тщательным наблюдением своего похитителя. Прежде чем провести ее из темницы в ванную, он проверял мониторы охранной системы, удостоверяясь, что к дому никто не приближается, закрывал жалюзи и задерживал шторы. На окне в ванной он установил специальные замки, на двери же их не было вовсе, так что он мог вломиться, если ему казалось, что она занята чем-то отличным от омовения.

Как только она получила разрешение перемещаться по дому, Приклопиль начал приносить ей видеокассеты — например, серии «Звездного пути», телесериал 80-х «Частный детектив Магnum», записанные программы австрийского телевидения. Позже полиция отметила, что он был «очень бережливым» с кассетами. У него их оказалось несколько сотен, и запись производилась на каждый дюйм пленки годных к употреблению кассет, даже если это были фрагменты информационных видеосюжетов или рекламы после окончания основной программы, которую он хотел записать.

Впоследствии он установил в ее темнице телевизор и радио. «Так что я развивалась все больше и больше, — рассказывала Наташа. — Потому как очень много читала, я решила, что могла бы тоже писать романы. И начала писать в разных записных книжках, это не походило только лишь на личный дневник».

Были ли эти заметки о побеге, о любви, о заключении, нечто вроде «Папийона»^[14]? Наташа хранит тайну от мира так же, как и хранила от Приклопиля.

Хотя она и вверяла свои мысли и мечты бумаге, она заявила, что Приклопиль соблюдал ее право на частную жизнь. Она вспоминала, что он никогда не входил в ее комнату — после побега она называла ее по-разному: либо комната, либо тюрьма — без стука.

«Повелитель» пал до такого уровня, что стал исполнять роль

слуги за необыкновенно короткий срок. Также стало очевидно, что в его намерения не входило причинять Наташе вред. Если он замышлял, чтобы она полюбила его, то готов был делать все, в том числе и воплощать в жизнь прихоти, которые быстро начала диктовать она.

Наташа продолжила: «Мой дневник и все, что я писала, принадлежало лишь мне. Он никогда даже не заглядывал в мои записи, в мое личное. Однако довольно беспардонно вмешивался, когда дело касалось обычных бытовых вещей вроде того, как именно мне надо мыть свою зубную щетку и тому подобное. Но мои записи принадлежали лишь мне одной. И он никогда не входил в мою комнату просто так, без предупреждения».

Возникла система поведения, которая поставила Наташу в необычайное, но прочное положение. И она справлялась лучше, чем это получилось бы у многих взрослых. Генерал-майор Герхард Ланг, представитель пресс-службы австрийской полиции в деле Наташи, рассказал, как он заперся на пять минут в темнице, дабы испытать и понять, что она пережила во время своего заключения:

Я многое повидал на своем веку, но это нечто новое. Поразительно, как трудно туда забраться, как прекрасно замаскировано место и сколь мало там пространства, когда оказываешься внутри.

Она держалась там взаперти более полугода, прежде чем ей было позволено выходить наружу. Я же находился там менее пяти минут и едва вынес это. Тишина, безнадежность и отчаяние от ощущения отрезанности от всего внешнего мира. Это было просто ужасно.

Представьте себе, что же пережил ребенок десяти лет, запертый подобным образом. Она рассказала нам, что стучала по стенам пластиковыми бутылками и звала на помощь. Но прошло более шести месяцев, прежде чем он позволил ей подниматься наверх, да и то только принимать ванну да пользоваться туалетом.

Профессор Макс Фридрих, главный консультант-психиатр Наташи, заявил: «Она подвергалась пытке изоляцией. Самой жуткой ее разновидности, когда жертва полностью отрезана от внешнего мира».

Полиция полагает, что Приклопиль в течение первых дней и недель ее заточения проявлял по отношению к себе крайнюю самодисциплину. Он обзавелся тем, что всегда его раздражало, и перед ним встал вопрос, как теперь этим «наслаждаться».

Изнасиловал ли он ее? Она никак не прокомментировала их сексуальную связь, и полиция и окружающие ее эксперты разделились во мнениях.

Первая женщина-полицейский, с которой Наташа общалась после обретения свободы, говорила о «сексуальном насилии».

Наташа отказывается отвечать на какие-либо вопросы, касающиеся «близости», — позиция, которая сама по себе доказывает, что близость была. В одном из своих загадочных ответов в беседе с полицейскими следователями, позже напечатанной австрийским «Ньюс мэгэзин», она сказала: «Вольфи не был сексуальным зверем, равно как и я. У нас были нежные взаимоотношения».

Однако вопрос о физической стороне этих взаимоотношений, сложившихся в силу обстоятельств и развившихся благодаря ее сильному характеру, не снимается. Наташа, окружившая себя адвокатами сразу же после побега, угрожает подать в суд на газеты, где бы они ни издавались, если они назовут ее «сексуальной рабыней», хотя сама отказывается рассказывать, что между ними происходило. Австрийские средства массовой информации цитировали несколько полицейских источников, утверждавших, что ее изнасилование было «неизбежным», хотя она и отказывается признать или опровергнуть, что какие-либо сексуальные отношения имели место.

Если у нее был сексуальный контакт с ним до того, как ей исполнилось шестнадцать лет, тогда он виновен в нарушении законов Австрии и большинства других европейских государств. Если же это произошло после и по обоюдному согласию, тогда Приклопиля можно было привлечь к ответственности только за похищение. То, что он решил свести счеты с жизнью, когда Наташа начала свою заново, сберегло уйму электроэнергии в кабинетах Министерства юстиции Австрии.

Эта скрытность Наташи мутит воду всей саги, а ее формулировки приводят в недоумение весь мир: как же понятие «нежность» можно отнести к человеку, похитившему ее? В чем выражалась эта самая нежность, в какой физической форме, остается секретом, все еще хранимым Наташей. Она стала женщиной, способной прекрасно понимать своего похитителя и сочувствовать ему: оказавшись на свободе, она даже просила прессу прекратить писать о нем, так как считала, что подробности причинят боль его пожилой матери.

Нежный — быть может, иногда. В другое же время он мог — и довольно легко — проявлять свою жестокую, расчетливую сторону, благодаря которой он и похитил ее без всякого сожаления. «Он говорил мне, что постоянно звонит моим

родителям, — вспоминала она. — Они получают меня назад, если будут готовы заплатить ему 10 миллионов шиллингов. Он показал мне клочок бумаги, на котором были записаны телефоны моих мамы и папы. Но сообщал мне, что трубку никогда не берет. Потому что я, наверное, не так уж и важна для них».

Ее похититель начал использовать выражения вроде «мы сидим в лодке» — немецкая фраза, подразумевающая сотрудничество и оторванность от всех остальных, — и разглагольствовать о том, что «ты и я — мы единственные, кто имеет значение», и «мы принадлежим друг другу навечно». Изредка они смотрели репортажи о поисках Наташи, и она, случалось, переживала жуткое чувство, наблюдая, как полицейские ищут ее тело в местах весьма далеких от маленького загородного дома ужасов.

По словам Наташи, Приклопиль на протяжении недель и месяцев пытался сломить ее чередованием жестокости и заботы. Она говорила, что очень скоро поняла, что если будет «хорошей», то будет вознаграждаться новыми книгами, одеждой, сладостями, — поэтому она старалась быть «хорошей». А Приклопиль принялся создавать, по собственному представлению, ту красавицу, которая, как надеялся, из нее вырастет.

Чтобы не возникало подозрений, он ездил в магазины, находящиеся далеко от его дома. Он покупал ей наборы макияжа и всяческую косметику, крем для лица «Нивея», а также небольшие косметички, где все это можно было хранить. Еще он покупал ей журналы для подростков, дабы она могла прочитать, как наносить блеск для губ и правильно красить волосы. Порой он говорил своим знакомым, как трудно найти красивую женщину, которая понимала бы его, но он уверен, что однажды все-таки найдет свою «красавицу из грез».

Наташа объяснила, что именно из-за невероятного чувства изолированности, испытанного ею в своей темнице в десятилетнем возрасте, она и стала с нетерпением ожидать визитов Приклопия.

Поначалу я даже не знала, что хуже: когда он со мной или когда я одна. Я пришла к соглашению с Приклопилем только потому, что боялась остаться одна. Когда я вела себя с ним хорошо, он проводил со мной много времени; когда нет — мне приходилось сидеть в своей комнате в одиночестве. Если бы я не могла время от времени бывать в доме, где можно было хоть как-то двигаться, я не знаю, наверное, я сошла бы сума.

У Приклопиля в жизни не было подруги, не говоря уж о ребенке. Однако он, кажется, интуитивно представлял, как стать для Наташи отображением отца, как пользоваться ее ранимостью, чтобы утверждать и поддерживать свою развращенность.

Она поведала, что похититель постепенно заслужил ее доверие, став подобной авторитетной фигурой, обучая ее географии и истории, читая с ней книги для девочек и приключенческие романы. Она добавила, что «он приносил мне книги для чтения, и я задавала ему совершенно обычные детские вопросы» о зарубежных странах и животных, на которые он, по ее словам, всегда отвечал.

Ее похититель также читал ей сказки о принцессах, которых спасали благородные рыцари, — как метафору их совместной жизни. Он заявлял, что он единственный, кто по-настоящему о ней заботится. Это была довольно неуклюжая попытка «промывания мозгов», воздействия на ее разум, все еще несформированный и восприимчивый к взрослому влиянию. И все же представляется, что она позволяла ему влиять на себя ровно настолько, насколько сама того хотела. Она стремилась сохранить над собой контроль. С кристальной ясностью увидев в самом начале своими детскими глазами, каким он был ущербным, позже она смогла манипулировать им до такой степени, что внешне они вели вполне обычную жизнь.

Когда после «долгого времени» изоляции Приклопиль начал выводить Наташу из ее тюрьмы наверх в дом, она расплачивалась за эту привилегию, исполняя то, что он велел, то есть занималась обычной работой по дому, готовкой и уборкой. Они, бывало, вместе ели, иногда ей разрешалось посмотреть с ним фильм. Он рассказывал ей о своем детстве и показывал фотографии матери. Со слов полиции, Приклопили были семьей, помешанной на фотографиях: в его доме были найдены десятки альбомов с сотнями снимков Вольфганга, его отца, дедушек и бабушек, матери, кузенов, теток и друзей семьи.

Эти снимки были основой ритуала, что он неизменно устраивал с Вальтрауд, когда бы она ни приезжала, оглядываясь на времена прошедшего, а не будущего счастья. Теперь разделять его настала очередь Наташи, и Приклопиль надеялся, что, узнав его, она полюбит его.

Помимо сеансов с просмотром фотографий, которые порой затягивались на несколько часов, он применял и другую, более грубую тактику, дабы она отогнала мысли о своей семье. Иногда он приносил газету с заметкой о ее похищении и его последствиях, говоря: «Посмотри-ка, о нас до сих пор пишут», — и завершал словами о том, что родители махнули на нее рукой,

подразумевая: «Я — все, что у тебя есть».

Но это было неправдой: в той сюрреалистичной игре в папу-маму, каковой стала жизнь на Хейнештрассе, 60, у Наташи неизменно было много больше. У нее были родители, которых она любила, кошки, сама жизнь. Это он больше терял, нежели она, и Наташа знала это:

В действительности я не была одинока. В душе я была вместе с семьей. Во мне всегда оживали счастливые воспоминания. Я размышляла о всем том, что упускала. О своем первом парне, обо всем. Например, я старалась быть лучше, чем все люди снаружи, или по крайней мере быть такой же, как они. Особенно когда это касалось обучения в школе. Я знала, что пропускаю нечто значительное. Что мне чего-то недостает. И я всегда хотела изменить это. Поэтому-то и старалась набираться знаний и заниматься самообразованием. И обучаться какому-нибудь мастерству. Например, я научилась вязать.

Некоторые заключенные, отбывающие длительный срок, коротают время оттачиванием своего тела — Наташа же предпочла тренировать свой ум. Это был выдающийся подвиг, говорят эксперты. С одной стороны, жить в страхе перед тем, кто вырвал тебя из семьи, а с другой — быть способной отстраняться от этой травмы так, чтобы ежедневно и весьма успешно поглощать знания.

Где-то через 1400 дней такой ненормальной жизни Приклопиль оказал ей то, что, несомненно, полагал великой честью: теперь она могла называть его прозвищем, которое употребляли лишь мать да ближайший друг и партнер по бизнесу Эрнст Хольцапфель. Она рассказала: «Примерно через четыре года он заявил, что я могу называть его Вольфи, потому что за этот срок мы хорошо узнали друг друга».

И добавила: «В некотором смысле мы начали вести вполне нормальную совместную жизнь. Мы много беседовали и смотрели телевизор».

Когда Наташа вступила в подростковый период, Приклопиль, дабы продолжать оказывать на нее влияние, рассказывал ей страшные истории о реальном мире и подкреплял их газетными статьями о пьяницах и наркоманах. Он говорил ей: «Смотри, я ведь защищаю тебя от всех этих ужасных вещей». И одновременно стряпал байки в духе Джеймса Бонда о ловушках в доме, которые убьют ее, ежели она хоть когда-нибудь попытается сбежать.

Принимая во внимание болезненное состояние его разума,

Наташа опасалась, что он постоянно вооружен до зубов и что, если она издаст хоть малейшим шум, он все взорвет, убив их обоих. Соседи сообщили, что однажды для описания судьбы любого взломщика, достаточно глупого, чтобы попытаться прорваться через его грозную самодельную систему безопасности, он употребил выражение «поджаренный до костей». Конечно же, возможно и то, что он не шутил.

При ретроспективном взгляде многие стороны жизни в Штрасхофе принимают черты несколько печальной комедии положений: она — горничная-служанка-уборщица, он — кормилец семьи, расслабляющийся за фаршированным говяжьим рулетом и картофельными клетками после рабочего дня; быть может, ссоры пары за просмотром по телевизору вечерней комедии или фильма о войне. Однако над этим неизменно нависала опасность. Он завладел ею насильно, и она оставалась там под постоянной угрозой причинения ей вреда. Тайна — Наташа — должна была храниться всегда. Жалюзи и шторы были опущены даже в самый солнечный день, датчики и видеокamеры предупреждали Приклопиля, если поблизости кто-то появлялся. После совместного вечера Наташа отправлялась назад в ее потайное место. Это было единственной постоянной, никогда не менявшейся за все время их совместного пребывания; он никогда не забывал — то, что он сделал и продолжал делать, было нечистым и разоблачение этого означало бы конец всему.

Особенно тяжело Наташе приходилось, когда приезжала госпожа Приклопиль, что она делала почти каждые выходные, доставляя готовую еду и продукты, чтобы «мой Вольфи не лишился сил». Наташа отправлялась назад в подвал, едва слыша звуки сверху, зато чувствуя запах приготовленных матерью Приклопиля пирогов, доносящийся через вентиляционную систему, нагнетающую живительный воздух в ее камеру. Эти лакомства ей можно будет попробовать, только когда его мать уйдет. Приклопиль отваживался посещать ее внизу ночью, когда мать ложилась спать, но никогда днем.

Психиатр доктор Халлер, следивший за «этим очаровательнейшим» из дел, заявил, что девушка не только не рассматривает своего похитителя с негативной точки зрения, но и выказывает признаки того, что между ними могла существовать любовная связь. Он сказал, что письмо, которое Наташа через несколько лет направила в средства массовой информации, доказывает, что Наташа не была постоянно заперта в своей подвальной комнате, но жила со своим похитителем неким подобием нормальной жизни. Он добавил: «Приклопиль был не только властвующим и жестоким похитителем, но также и отцом,

другом и, быть может, любовником. Разнородность их отношений, отразить которые столь трудно, вероятно, и является причиной, по которой она любой ценой хочет защитить свою личную сферу».

Эта «разнородность» весьма сложна и выходит далеко за рамки «стокгольмского синдрома». Одна британская газета даже дошла до того, что заявила, что Наташа стала «чертовой заложницей». Весьма грубое клеймо, подразумевающее быструю перестановку ролей.

Несмотря на те случаи, когда ему приходилось заталкивать ее назад в ее комнату, кто в действительности там был за старшего? Она добилась достаточного доверия от него, чтобы сидеть и смотреть с ним кино, читать с ним книги, готовить, убирать и исполнять все те обязанности по дому, что консервативные австрийские мужчины ожидают от своих жен. И она все так же обладала живым и цепким умом, весьма преуспев в изучении немецкого по радио, которое он установил в ее темнице, и узнав о далеких странах по документальным фильмам. Приклопиль, с другой стороны, остался тем, кем был всегда, — человеком с отклонениями, способным оценивать свою значимость, только если рядом была она.

После ее освобождения профессор Эрнст Бергер, назначенный главой координационной социопсихиатрической группы по делу Наташи, оценил сложность ее характера. Он сообщил: «У общественности лишь одномерное видение госпожи Кампуш, и я понимаю, что большинству трудно понять всю сложность ее личности. Однако, как и все, она обладает двумя, и даже больше, аспектами личности. С одной стороны, она весьма сильна и целиком контролирует происходящее вокруг нее, с другой — она очень слаба и крайне ранима».

По его словам, все, чем она теперь является, есть результат ее времяпрепровождения в беззаконной пустоте темницы и разыгрывания ею горничной для Приклопиля. Он продолжил:

Некоторые аспекты ее личности весьма инфантильны. Например, она призналась мне, что хочет жить в квартире с охранником у входа и системой видеонаблюдения.

Для жертвы похищения, после перенесенного испытания, несколько необычно столь сильное стремление к появлению в средствах массовой информации, но вы должны понять, что пресса была для нее единственной возможностью общаться с внешним миром.

За время своего заточения она получала информацию лишь от господина Приклопиля и прессы, к которой он разрешал ей обращаться. В известном смысле это были два ее глаза, которыми

она смотрела на внешний мир. Поэтому неудивительно, что у нее особое отношение к средствам массовой информации.

Конечно же, в ее желании появляться на публике присутствует и определенный нарциссический компонент, но, вероятно, это часть защитного механизма. Как мы знаем от Анны Фрейд^[15], если защитный механизм личности становится слишком независимым и выходит из-под контроля, то это может привести к психологическим отклонениям.

Пока у нас нет какого-либо подтверждения тому, что госпожа Кампуш подвергалась действительному физическому насилию, — она не рассказывала об избиениях, и на ее теле нет их следов. На ногах были синяки, но это не результат насильственных действий.

Тем не менее она все-таки рассказала нам о трех формах пытки, которым она подвергалась: голод, свет и воздух. Похититель контролировал ее прием пищи, освещение в ее помещении, равно как и вентиляцию, то есть количество воздуха в ее комнате.

Эти формы пытки также имеют и телесный аспект, например пытка голодом, и в этом смысле можно было бы сказать, что она все-таки подвергалась физическим пыткам. Госпожа Кампуш, однако, жила в некоем подобии союза с господином Приклопилем. Мы знаем об их редких выездах по магазинам, также мы знаем об их однодневной поездке покататься на лыжах. Еще она помогла ему отремонтировать и отделять квартиру, которую он собирался сдать в аренду. Она красила стены, а также выполняла другую работу. Затем они вместе ездили покупать строительные материалы и подбирали некоторые товары. Дома, в его доме, она иногда готовила и занималась уборкой. По сути, она исполняла обязанности домохозяйки. Он говорил ей, что убьет любого, кто попытается помочь ей сбежать, и это блокировало ее мысли о побеге.

Вопреки кажущейся нормальности причудливо ненормального положения, Наташа настаивает, что мысли о побеге впервые у нее появились, когда ей исполнилось двенадцать лет: «К двенадцати годам, или около того, я начала мечтать о том, чтобы вырваться из своей тюрьмы... Но не могла рисковать. У него была острая паранойя, и он был хронически подозрительным. Неудачная попытка побега означала бы, что я уже никогда не смогу покинуть свою темницу. Мне необходимо было постепенно завоевать его доверие.

В двенадцать лет я пообещала себе, что совершу побег. Я сказала себе, своему „я“, что обязательно сбегу, и уже никогда не отбрасывала мысль о побеге.

На вопрос о том, как она боролась с одиночеством, она ответила: «Я не была одинока. У меня была надежда, и я верила в будущее... Я все время думала о своей семье. Их положение было даже еще хуже, чем мое. Они считали, что я мертва. Но я знала, что они живы и угасают из-за мучительных мыслей обо мне. В то время я была счастлива, что могу использовать свои детские воспоминания как дорогу к свободе».

О своем же заточении она сказала: «Порой я мечтала отрубить ему голову, если бы у меня только был топор. Очевидно, затем я отказалась от чего-либо подобного, потому как не выношу вида крови, и я никогда не желала бы убить человека. Я непрерывно искала логические подходы. Сначала побег, затем уж все остальное. Должна ли я была просто бежать с криками по улицам Штрасхофа, ломиться к соседям?» На вопрос, угрожал ли ей Приклопиль, Кампуш ответила: «Да, но только сначала, и я не испытывала страха. Я свободолюбива, и смерть для меня была бы окончательным освобождением, избавлением от него. Я знала, что он покончит с собой».

Пока же продолжалась эта странная жизнь, внешний мир проходил мимо нее. В феврале 2000 года в Австрии в коалиционное правительство вошла правая партия, возглавляемая политиканом Йоргом Хайдером. На центральных улицах Вены, всего лишь в нескольких милях, протестующие бились с полицией, а на страну обрушилось порицание всего мира. В ноябре того же года во время пожара на фуникулере на лыжном курорте Капрун погибло 155 человек. Оба события потребовали крупных ресурсов полицейских сил — оба события затмили давнее исчезновение маленькой девочки, которую ожесточившиеся детективы и работники детских благотворительных организаций уже считали погибшей.

За год до этого средства массовой информации для Наташи были все еще под запретом, поэтому она так и не услышала и не увидела передач 1999 года по радио и телевидению с шестидесятиоднолетней популярной ясновидящей Розалиндой Халлер, заявлявшей, что она ощущает «энергию Наташи». И далее: «Некоторое время назад я предположила, что она находится на северо-востоке Вены, за плавательным бассейном в Хиршштеттене. Похититель привиделся мне стройным мужчиной примерно сорока лет». Халлер уже предлагала свою помощь во время катастрофы на шахте в Лассинге в 1999 году, также в своей книге, изданной пятью годами ранее, она «увидела» цунами, опустошившее 26 декабря 2004 года многие территории мира. Наташа находилась на севере Вены, но подобная неопределенность не придала полиции нового импульса

попытаться ее отыскать.

Где-то в 2000 году Приклопиль разрешил Наташе ограниченный доступ к газетам, телевидению и радио. Жизнь снаружи представляла для нее через призму желаний Приклопиля, что именно ей видеть и слышать. Будучи ее надзирателем, он действовал и как цензор. Но Наташа едва ли принадлежала к типу людей, интересующихся всякими пустяками. Ей нравилось слушать серьезные новостные программы по радио и смотреть документальные фильмы о природе. Она вспоминала: «На протяжении первых двух лет я не смотрела новостей. Он лишь запугивал меня. Потом я получила радио и снова смогла слушать австрийские новости. Это действительно было весьма волнующе.

Иногда я получала еженедельную газету. Сначала читал он, а потом и я. Он контролировал все, что я делала. Он проверял, не написала ли я какое-нибудь послание на газете или что-нибудь в таком духе». Проверял с тем, чтобы, когда он ее выбросит, какой-нибудь мусорщик не смог узнать, что он хранит в своем подвале.

Хотя голливудские фильмы и восхищали ее, она находила статьи и программы о личной жизни звезд назойливыми и не касающимися никого, кроме них самих: критерий, который она будет применять к прессе и самой себе, когда ее длительное заточение наконец завершится.

В единственном телевизионном интервью вскоре после побега Наташа дала еще один ключ к пониманию медленно изменявшейся природы отношений «пленница — похититель» на Хейнештрассе, 60. Она рассказала, что потребовала от Приклопиля, чтобы он дарил ей пасхальные яйца и подарки на Рождество и дни рождения:

Я заставила его отмечать со мной эти праздники. Все другие дети и подростки могли сами покупать всякие подарки — я, естественно, нет. А он, понятное дело, считал, что может по крайней мере хоть как-то компенсировать мне это.

Время от времени он в некотором роде даже предлагал способы моего побега, как будто сам хотел этого. Я же продолжала верить себе, что сбегу, что-нибудь да сделаю. Ему я говорила: «То, что ты совершаешь, плохо. Полиция ищет меня». Я постоянно чувствовала себя словно жалкий цыпленок в курятнике. Вы видели, какой маленькой была моя камера. Там можно было только отчаиваться.

Страшная потребность контролировать, властвовать, переплетенная с его врожденным животным чутьем, что она

сбежит, позволь он ей выйти наружу, означала, что показушная жизнь со всеми этими совместными просмотрами «Звездного пути», обедами, ужинами, готовками по книгам, которые он ей покупал, стиркой, уборкой, чисткой, шитьем, составлением списков продуктов, которые она будет готовить на ужин, будет ежедневно заканчиваться возвращением в темницу и лязгом закрываемой неприступной стальной двери.

Одним из побочных эффектов жизни взаперти явилось снижение деятельности иммунной системы Наташи. Поскольку она не подвергалась воздействию обычных микробов и вирусов, переносимых людьми, это тяжело отразилось на ней, когда она в конце концов освободилась. Также она считала, что у нее возникло некоторое осложнение сердечной деятельности, как она позже об этом рассказала:

Однажды у меня возникли проблемы и с сердцем, не так уж это было и здорово. У меня появились такие симптомы, как тахикардия, сердечное трепетание, нарушение ритма сердцебиения. То есть иногда оно вдруг останавливалось, а затем снова начинало биться. Я стала испытывать головокружения: в определенный момент я ничего не видела, все исчезало. Возможно, это было вызвано постоянной недостаточностью питания.

Но как же я могла обратиться к врачу из своей тюрьмы? Я полагаю, что все это было результатом того, что я слишком мало ела.

Когда ее попросили уточнить сведения о состоянии ее сердца, она объяснила: «Я не получала никакого лечения; он лишь допекал меня, причинял огорчения и заставлял таскать ведра с землей».

Контроль над нею посредством ограничения питания — интересная сторона заточения, противоречащая приятным сторонам их совместного времяпрепровождения.

За время своего заключения я голодала очень часто. И мне известно, чем это сопровождается: проблемы с кровообращением, затруднения с концентрацией внимания. Мысли могут быть только самыми примитивными. Ни на чем нельзя сконцентрироваться. Любой звук, любой скрип причиняет боль. Я хорошо представляю, какие невероятные мучения должны испытывать голодающие.

Мы воображаем, будто мы такие умные, но, если у нас не будет всей той пищи, что мы потребляем, мы поглупеем. Когда нечего есть, думать просто невозможно.

Она утверждает, что он в буквальном смысле слова морил ее голодом, и потом рассказывает, что готовила обеды, а это несомненно должно означать, что она могла урвать кусок-другой, когда он не наблюдал за ней. Она говорит, что ей позволялось есть пироги, которые пекла его мать во время своих приездов на выходные. У нее был собственный холодильник со съестными припасами, и, поскольку она оказалась способной обучиться немецкому, ремеслам, наукам и прочему, представляется неправдоподобным, что она таким же образом не смогла и узнать, какое питание ей требовалось, и получить его от него: в конце концов, она выманила у него большинство других уступок, включая, несомненно, и право на выход наружу. Неужели она не могла попросить его, да и получить, больше, нежели консервированные и замороженные продукты, которыми они обходились, как она заявила следователям?

Не подлежит сомнению, что Приклопиль помогал ей с обучением. Старший полицейский инспектор Сабина Фрейденбергер была первой, кто беседовал с Наташей после ее освобождения. Она сообщила: «Наташа обладает обширным словарным запасом; похититель обучал ее, снабжал книгами. Также он заявил ей, что выбрал именно ее. Если бы он не похитил ее в тот день, то сделал бы это в другой».

Лишь в 2006 году Приклопиль решился даровать Наташе наивысшую уступку: выход на один день из своей упорядоченной и закрытой вселенной во внешний мир, который он так долго изображал еще более унылым, чем беззвездное небо. Приклопиль достиг в своем поврежденном мозгу той стадии, когда стал считать Наташу «подходящей» подружкой.

Это было началом конца всего.

* * *

Выше уже проводились параллели между романом Джона Фаулза «Коллекционер» и положением Наташи, и, на период написания этой книги, полиция подтверждает, что они до сих пор тщательно просматривают имущество Приклопиля, дабы узнать, читал ли он эту книгу и использовал ли ее в качестве некоего шаблона для содеянного. Как раз когда Приклопиль готовился выйти в реальный мир с Наташей — мир, от которого он осознанно отказался, дабы наслаждаться противозаконной жизнью со своей пленницей, — мысли его пленницы в точности отражали мысли Миранды Грей из книги Фаулза.

Наташа говорит, что мечтала напасть на него с топором, и именно таким же образом героиня Фаулза нападает на занудного, одержимого Фредерика Клегга; реальная девушка и вымышленная девушка, обе содержащиеся в темнице, исполняли женскую обязанность по составлению списков покупок, и обе обеспокоены тяжким положением голодающих в мире. Фаулзская Миранда пишет в своем дневнике: «Между нами что-то вроде отношений. Я подсмеиваюсь над ним. Я все время нападаю на него, но он чувствует, когда я снисходительна... Так что мы начинаем поддразнивать друг друга, чуть ли не по-дружески. Отчасти это потому, что я так одинока... Частично слабость, частично хитрость и частично милосердие. Но есть и загадочная четвертая составляющая, которую я не могу определить. Это не может быть дружбой. Он мне отвратителен».

Подобная сложность чувств стала заметна в Наташе с первого же раза, как она заговорила о своем похитителе. Фаулз заметил о своей вымышленной пленнице: «Если кого-то знаешь, автоматически ощущаешь близость с ним. Даже если желаешь, чтобы он оказался на другой планете». Миранда так одинока, что даже хочет, чтобы ее мучитель пришел к ней: «У меня чувство... наистраннейшей близости с ним — ни в коем случае не любовь, не влечение, не симпатия. Мы лишь связаны судьбой. Как оказавшиеся после кораблекрушения на одном острове или плоту».

Тем не менее когда Приклопиль пришел к Наташе, чтобы вывести ее, выставить как свою девушку, дабы она раздувала его эго, как стероиды раздувают мускулы тяжелоатлета, он заложил фундамент разрушения мира, который так лелеял. Он обманывал себя, полагая, что связанность обстоятельствами есть подлинная любовь и влечение, в то время как это было всего лишь приемлемым компромиссом. Это было его ахиллесовой пятой, и это в конечном счете и погубило его.

После ее дня рождения 17 февраля 2006 года, когда ей исполнилось восемнадцать лет, он начал брать Наташу с собой в магазины и музеи, предупредив ее, что вооружен до зубов и обмотан взрывчаткой. Если она совершит хоть малейшую попытку привлечь внимание, заявил он, он взорвет их обоих.

На время написания книги австрийская полиция проверяет тридцать публичных появлений Наташи с Приклопилем. В ресторанах, супермаркетах, сети магазинов «сделай сам» — «Хорнбах», в его машине, саду и на улицах рядом с его домом. Подобное обилие появлений спровоцировало возникновение среди австрийцев предположения, проявившегося всего месяц спустя после ее освобождения в чрезвычайно ожесточенной

кампании по рассылке электронных писем против нее, что в действительности она могла сбежать едва ли не в любое время, но просто не делала этого.

Однако ее сдерживало осознание того, на что способен ее похититель. «Мы не Наташа, и мы не должны осуждать ее, — заявил один психиатр. — Она знала его и свои страхи. Мы же — нет, нас там не было».

Приклопиль, одиночка, маменькин сынок, измученное ничтожество, нигде неуместный, возвращавший болезненную навязчивую идею, пока она полностью не завладела его разумом, удерживал Наташу угрозами насилия. Потребовалась весьма необычная личность, дабы разорвать такую хватку. Кто-то вроде Наташи Кампуш.

Глава 5

НИТИ, ВЕДУЩИЕ В НИКУДА

Полицейская операция по поискам Наташи Кампуш характеризуется как самая позорная со времен основания послевоенной республики. Ее исчезновение инициировало самые крупномасштабные поиски, которые когда-либо знала страна, однако они были крайне некачественными, изобиловали упущенными возможностями, грубыми просчетами, а порой даже и отсутствием желания ее искать. Далеко не один комментатор отмечал, что власти наверняка добились бы большего, если бы занимались поисками ребенка зажиточных родителей, а не из этой выгребной ямы города, да еще из распавшейся семьи. Каковы бы ни были причины, дело Кампуш еще долго будет обсуждаться и рассматриваться в качестве своего рода эталона, как не следует вести расследование исчезновения человека.

Пока Наташа не обнаружилась, австрийская полиция неизменно подавала свои поиски как едва ли не хрестоматийные, в ходе которых изучается каждая зацепка, тщательно исследуется любая улика. Исчезновение девочки, несомненно, было весьма громким делом, какое-то время она даже была на седьмом месте в списке Интерпола десяти наиболее разыскиваемых пропавших детей. Начальник австрийского отделения Интерпола Херберт Бушерт настаивал: «Мы испробовали все. Педофильские круги в Нидерландах, соответствующие сайты в Интернете. Но мы так и не обнаружили какой-либо существенной зацепки. Никаких подозрительных связей. Ничего».

Другой детектив, Рудольф Кёниг, заявил: «Нет другого такого дела по исчезновению человека, где прилагались бы подобные усилия по поискам. Мы действительно сделали все, что в человеческих силах». Но так ли это? Факты свидетельствуют о ряде упущенных возможностей и довольно сумасбродных затеях. Полиция даже наведывалась в дом похитителя — она стояла буквально в нескольких ярдах от того места, где была упрятана жертва. Им и в голову не пришло заподозрить тихого нелюдима.

Впервые общественность узнала о деле, когда 3 марта, на следующий день после исчезновения Наташи, Информационное агентство Австрии (АРА) распространило краткое сообщение, в котором говорилось: «Вчера, в понедельник, в районе Вены Донауштадт пропала десятилетняя девочка. Когда девочка не пришла домой вечером после школы, родители обратились в полицию. Наташа Кампуш не появлялась ни в школе, ни в

детском саду, куда ходила после уроков. Полицейские розыски в течение вечера оказались безрезультатными».

Последнее предложение можно распространить и на весь срок более восьми лет Наташиного испытания.

Хотя она была похищена в период примерно между семью и восемью часами утра в понедельник 2 марта 1998 года, полиция узнала об исчезновении лишь полшестого вечера, когда мать Наташи обратилась в полицейский участок округа Реннбанвег, то есть чуть ли не десять часов спустя.

Дежурные полицейские сказали ей, что прием заявлений об исчезновении людей не в их компетенции, и указали ей на другой участок, где осуществляется регистрация подобных заявлений. Это был участок Донауштадта. Там мать препроводили в комнату для допросов, где было составлено заявление, которое перенаправили в венское подразделение Управления безопасности федеральной полиции — организацию, ныне расформированную и подвергшуюся основной критике за упущенные возможности в деле Кампуш.

В полицейских кругах, также как и среди обывателей, Управление безопасности было известно просто как SB (от Sicherheitsbüro) или же Бергассе — по названию улицы, где оно располагалось. Оно замышлялось как элитное подразделение по борьбе с преступностью, занимающееся тяжкими преступлениями, по образцу французского Сюрте (Управление национальной безопасности), и считало себя флагманом австрийской полиции, как ФБР в США или Скотленд-Ярд в Великобритании. Однако в отличие от Скотленд-Ярда и ФБР австрийская полиция редко когда была оснащена даже компьютерами: когда полицейский инспектор Сабина Фрейденбергер, одна из первых беседовавшая с девочкой, давала свое теперь уже знаменитое интервью телекомпании ORF об освобождении Наташи, за ее спиной можно было разглядеть пишущую машинку.

И это в сентябре 2006 года. Не было ли это символом устаревших методов, использовавшихся при ведении дела?

SB было создано еще во времена Австро-Венгерской империи. На Бергассе, в венском районе Альзер-грунд, некогда находился и кабинет отца психоанализа Зигмунда Фрейда. SB располагалось в конце улицы, у Донауканала, в длинных кирпичных казармах девятнадцатого века — их архитектор покончил с собой, когда осознал, что забыл внести в проект туалеты.

Когда мать Наташи рассказала в полицейском участке Донауштадта, что ей было известно об исчезновении своей дочери, пропавшая десятилетняя девочка находилась в темнице уже двенадцать часов.

На следующий день, 3 марта, двенадцатилетняя девочка, учившаяся в той же школе, рассказала своей матери, что она видела, как Наташу затаскивали в белый фургон, и что ей показалось, будто у похитителя был сообщник. Эта информация не обнародовалась на протяжении двух недель — средства массовой информации сообщили об этом лишь 19 марта. В этот период девочку допросили детективы, и по полученным описаниям были начаты поиски белого автомобиля.

В тот же самый день Вольфганг Приклопиль возвращался из больницы Корнойбурга, где ему пришили средний палец, которого он едва не лишился в результате несчастного случая со стопятидесятикилограммовой дверью, охранявшей вход в Наташину тюрьму.

В Донауштадте, где поиски приняли наиболее интенсивный характер, полиция распространила обращение к свидетелям, которые могли что-либо видеть, и опрашивала семью, школьных друзей и местных жителей, дабы воссоздать картину последних известных передвижений девочки. На улицах около ее дома работало множество полицейских, опрашивавших прохожих и прочесывавших дорогу к школе на предмет улик. На улице близ ее места похищения был найден детский свитер — его предъявили ее родителям на опознание, после чего быстро исключили из дела как не принадлежащий Наташе.

В полицию обратились еще два человека с заявлениями, что видели ее. Один утверждал, что заметил ее в трамвае маршрута номер 37; по словам другого, она совершала покупки в супермаркете в 23-м районе Вены. Последнее семья Наташи вполне допускала: они рассказали, что ей нравилось ходить по магазинам, и в результате на поиски следов пропавшей девочки в торговом центре «Донауцентр», указанном как одно из ее любимых мест, было направлено дополнительное количество полицейских.

Полиция, судя по всему, придавала значение тому факту, что Наташа исчезла вместе с паспортом, — это подкрепляло предположение, что она могла сбежать после ссоры с матерью. Вследствие этого австрийская полиция проинформировала через сеть Интерпола своих венгерских коллег.

Утверждение малолетней свидетельницы, что она видела, как Наташу затаскивают в фургон, также было тщательно рассмотрено, особенно после получения полицией анонимного сообщения о белом фургоне из Штрасхофа, соответствовавшего описанию разыскиваемого ими автомобиля.

Было принято решение отследить любую возможную связь со всеми владельцами автофургонов на день исчезновения. В стране

было зарегистрировано 700 белых фургонов, соответствовавших описанию, данному свидетельницей. Все их владельцы, включая и похитителя, были установлены, допрошены и вычеркнуты из списка подозреваемых.

Приклопиля, которому тогда было тридцать шесть лет, полиция допросила только через две недели после похищения Наташи. Через две недели, за которые он смог подготовить объяснение, зачем ему фургон, и тщательно отрепетировать ответы на возможные вопросы полиции.

На вопрос, где он был утром 2 марта, Приклопиль ответил: «Я был один дома». Позже полиция заявила, что приняла его слова за чистую монету. Представитель пресс-службы австрийской полиции Герхард Ланг восемью годами позже описал Приклопиля как «убедительного, доброжелательного и готового оказывать содействие» и добавил: «Не было причин сомневаться в его утверждениях». Он сообщил, что тогда они сфотографировали его фургон, в котором обнаружили строительный мусор и инструменты.

Однако они не сфотографировали самого Приклопиля. Частный детектив Вальтер Пёчхакер, работавший по делу восемь лет, заявляет, что подобное решение было совершенно непостижимым. Он отметил: «Даже простое решение сделать снимки семисот подозреваемых могло бы привести дело к быстрому завершению». И затем: «У них на руках была по крайней мере одна свидетельница, которая четко заявила, что видела похищение, и позже подтвердилось, что она была достаточно точна в своих показаниях. Только подумайте о том, что могло бы быть, сфотографируй они похитителя вместе с остальными из списка подозреваемых и покажи они снимки тем, кто утверждал, что был свидетелем похищения! Но они так и не сделали этого».

Полиция оправдывала тот факт, что Приклопиль ускользнул из их рук, заявляя, что они проделали все, что только можно проделать при проверке семисот человек, но Пёчхакер не принял подобного утверждения: «Даже если они и не захотели фотографировать допрашиваемых людей, то почему они не взяли с собой ищейку, когда задавали вопросы Приклопилю? Они могли бы без труда обнаружить маленькую девочку, спрятанную в подвале. Собака просто обезумела бы, если бы ей дали обнюхать фургон. Почему же этого не сделали?»

Когда полицейские оказались в доме похитителя, чтобы допросить его и обыскать фургон, они слишком быстро сняли с него подозрения — и это вопреки тому, что его относительно новый автомобиль был покрыт грязью и пылью со

стройплощадки, что могло бы навести их на мысль, что подозреваемый зарывал улики или тело.

Когда ему задали вопросы на пороге дома — в то время как его добыча была упрятана всего в нескольких ярдах от места, где стояли полицейские, — Приклопиль заявил, что использовал пассажирский автомобиль для перевозки строительных материалов в дома, которые ремонтировал.

И все тут. Холостяк, проживающий в одиночестве, без подружек, однако после допроса, длившегося менее четырех минут, он немедленно исключается из списка подозреваемых. И ни тогда, ни впоследствии они не собирались обыскивать его дом.

В свете всего произошедшего после 23 августа 2006 года австрийцы начинают задаваться вопросом, почему полиция тогда не обыскала дом Приклопиля и почему за все время расследования, длившегося восемь с половиной лет и так ни к чему и не приведшего, они не решили вернуться в дом в Штрасхофе с ордером на обыск. Детектив по делу Наташи доктор Эрнст Гейгер оправдывался: «А что мы должны были делать? Без конкретных подозрений мы не могли обыскивать дома семисот человек и взламывать их подвалы. На законных основаниях это было невозможно».

Он добавил, что в пользу Приклопиля говорила видимость его нормальности — ранее он не совершал преступлений, подозрений его поведение не вызывало. Когда полицейские расспрашивали его, он вел себя спокойно и вежливо и казался, согласно их словам, человеком, которому «нечего скрывать».

Уже через неделю после исчезновения Наташи детектив Ханнес Шерц из SB выразил неоправдавшееся ожидание своих людей: «Наша надежда, что ребенок исчез „добровольно“ и объявится где-нибудь в полном здравии, тает с каждым днем. У нас нет совершенно никаких зацепок по делу этой девочки».

Это и вправду стало доброй вестью для владельца дома номер 60 по Хейнештрассе, когда он поймал трансляцию пресс-конференции по радио.

Критики говорят, что полицейским, наведывавшимся к Приклопилю, следовало поговорить с его соседями, от которых они наверняка узнали бы о странных охранных устройствах, которыми нашпигован его дом, о том, что у него нет друзей, о его очевидной чрезмерной привязанности к матери. Могли бы, должны были, тогда ретроспективный взгляд стал бы девизом дела Наташи Кампуш.

Вместо этого в те первые недели расследование переместилось в Грац, на двести километров в сторону, где жил освободившийся детоубийца. Белого фургона у него не было.

«Зачастую полиции приходится действовать интуитивно: вы либо чувствуете что-то, либо нет. В конечном счете криминалисты вынуждены полагаться на совпадения», — поведал доктор Гейгер, однако добавил, что тот факт, что они были так близки к завершению дела более восьми лет назад и не сумели этого сделать, «весьма и весьма неудовлетворителен».

Тем не менее усилия предпринимались, хотя и в неверном направлении. На улицы столицы было брошено огромное количество полицейских, в то время как в соседней Венгрии Интерпол оповестил местную полицию, чтобы та высматривала Наташу. Здесь находилось ее любимое место, и, быть может, испытываемое ею несчастье хватило через край и она решила сбежать туда.

«Здесь разверзается ад», — говорил Шерц о ситуации в Австрии, когда начали появляться нити, одна за другой проверяться и в конечном счете исключаться. «Мы постоянно получаем новые зацепки, — сокрушался он, — но пока ни одна из них не оказалась стоящей». В действительности уже за три недели расследования было отслежено около трехсот нитей, все безрезультатные, все ведущие в никуда.

Через месяц после того, как Наташа исчезла, статус ее поисков в Вене был повышен, и розыски стали самым крупным расследованием по делу о пропавшем без вести за всю историю города, когда сотни полицейских и добровольцев объединились в последнем броске по обследованию каждой непроверенной улицы. Полицейские водолазы из WEGA (Wiener Einsatz Gruppe Alarmabteilung, Венская оперативная группа тревожного подразделения) исследовали водоемы и Дунай, на прочесывание острова Донауинзель бросили десять полицейских собак, а суда Дунайской службы и федеральной полиции оказали поддержку на воде.

Также были обследованы все близлежащие водоемы и реки — безрезультатно. Полицейские вертолеты оснастили специальным оборудованием инфракрасной локации, так что были проверены и местные леса. Сотни полицейских рассыпались веером до самой границы с Чехией, почти в ста тридцати километрах от города. С другой стороны границы подключились их коллеги: чешская полиция наводила справки в Праге и разослала описания Наташи по всей стране. 21-й и 22-й районы Вены были разделены в общей сложности на шестнадцать секторов, в которые были направлены пешие патрули с собаками. Были обследованы все заброшенные дома, опрошено 20 000 человек.

Ничего.

Шестого апреля поиски были сокращены, однако полиция

заверила, что они будут продолжены, и организовала оперативную группу по делу Наташи, в которую вошли десятки полицейских и которая все еще продолжала свою деятельность, хотя и меньшим числом, в августе 2006, когда она вернулась к жизни.

Тринадцатого апреля появилась новая зацепка. Супружеская пара сообщила полиции, что в то время, когда исчезла Наташа, они видели белый фургон в Ренн-банвеге. «У фургона, по-видимому, лицензионный номерной знак Гензерндорфа („GF“). По крайней мере „G“ присутствует в нем точно», — сообщил теперь уже подполковник Герхард Хаймедер из Криминального управления 1-й венской полиции.

В Гензерндорф, располагающийся к северу от Вены, входит и пригород Штрасхоф, где жил Приклопиль. Но даже это не повлекло за собой повторный визит на Хейнештрассе, 60.

В Австрии, так же как и в Англии, а также на Ямайке или в Японии, чем дольше ребенок остается пропавшим, тем увереннее, пускай и не совсем быстро, расследование исчезновения человека превращается в расследование убийства. «То, что после четырех недель мы так и не обнаружили никаких следов Наташи, весьма меня беспокоит», — заявил Хаймедер.

Следующим шагом полиции стал визит в грязный ад растлителей малолетних и педофилов. Был составлен список из двадцати главных подозреваемых, все в недавнем прошлом были признаны виновными в похищении или изнасиловании детей. У всех оказалось алиби на время исчезновения Наташи.

В SB позвонил некий мужчина и заявил, что удерживает Наташу и хочет получить миллион шиллингов в качестве выкупа. Он позвонил снова, и, пока полицейские вели с ним переговоры, техники быстро отследили его звонок, и на место была выслана группа захвата. «Похититель» оказался жалким алкоголиком, пытавшимся нагреть руки. Вместо выкупа он получил тюремное заключение.

Что отличало дело Наташи от других эпизодов с похищением детей, так это полнейшее отсутствие улик после исходного исчезновения. Хаймедер из SB назвал его «весьма необычным». Как правило, отбивающиеся дети роняют свои вещи либо же свидетели слышат их крики. Однако за исключением показаний, как ее затаскивали в фургон, в остальном судебные доказательства совершенно отсутствовали. Хаймедер добавил: «Со всеми ресурсами в нашем распоряжении мы так ничего и не добились. Не было найдено ни следов, ни одежды, ничего...»

После того как подозреваемый из Граца был исключен из полицейского расследования, оно переместилось обратно на

малолетнюю свидетельницу, видевшую белый фургон. Двенадцатилетнюю девочку, заявившую, что она видела, как Наташу затаскивают в него, вновь обстоятельно допросили. Она сообщила, что видела Наташу примерно в 7.15 около развязки на Мелангассе, где с правой стороны дороги стоял белый фургон. По словам свидетельницы, машина выглядела довольно новой, это был фургон с высокой крышей, затемненными боковыми окнами и с одним окном сзади. Когда Наташа проходила мимо него, один из двух человек высунулся и затащил ее внутрь.

Она провела многие часы с полицейскими за внимательным просмотром проспектов производителей на предмет различных моделей фургонов. Девочка опознала замеченный ею фургон как «форд-транзит» — в действительности у Приклопия был «мерседес», однако автомобиль достаточно похожий по внешнему виду, чтобы полиция нагрнула и к нему.

Между тем Ханнес Шерц все больше и больше склонялся к мысли, что в вырисовывавшейся картине что-то не так: «Прежде в моей практике не было ничего подобного, здесь что-то не так, — говорил он. — Дети Наташиного возраста крайне редко убегают из дома. А если уж и сбегает, то возвращаются через несколько дней. Если же это сексуальное преступление, то в таких случаях место преступления обычно располагается близко от дома жертвы».

Что ж, Приклопиль действительно находился на расстоянии всего лишь непродолжительной поездки на автомобиле.

«Семья Наташи сообщила нам, что она никогда не общалась с незнакомцами», — добавил Шерц. Могла ли тогда за исчезновением Наташи стоять ее семья? Вопрос, ставший предметом обсуждений в венских пивных и кафе, был задан ему в газетном интервью. Он ответил: «Конечно же, мы рассматривали и это. Но ее отец был полностью исключен из списка подозреваемых». Относительно матери Шерц не был столь категоричен, однако заметил: «Судя по всему, она в этом не замешана. По крайней мере, у нас нет никаких улик».

Ганс Гирод, профессор криминалистики Берлинского университета, размышлял в то время о возможном похитителе:

В восьмидесяти процентах случаев преступники являются родственниками, знакомыми, половыми партнерами, супругами или же друзьями. Хотя исключения вполне возможны, все же действует эмпирическое правило: чем совершеннее похищение, тем ближе отношения между преступником и жертвой.

Характерной отличительной чертой в подобных делах является активное участие преступника в поисках пропавшего,

развешивание объявлений или самообвинительные речи в кругу близких друзей.

Новый фактор в расследование внесла газета «Курьер», наняв частного детектива Вальтера Пёчхакера, — шаг, немедленно настроивший против него SB, усмотревшее в найме одного человека для выполнения работы, которой занимается их учреждение, публичное оскорбление. Он проработал над расследованием неделю, когда газета рассчиталась с ним, однако убежденный, что в деле еще многое не выявлено, продолжил работать бесплатно, попросив газету перечислить его гонорар детской больницы Святой Анны в Вене. Пёчхакер рассказал авторам:

Я работал по девяти делам о пропавших детях, это стало моим десятым. Все предыдущие девять я раскрыл, и, едва начав заниматься этим, пришел к убеждению, что здесь замешан кто-то из семьи или круга знакомых. Просто такого не бывает, чтобы ребенок пропал так основательно, если причастен совершенно незнакомый человек. Такое исчезновение без изъяснов происходит лишь при тщательном планировании и при участии того, кто знает, что и кого ищут.

Он признает, что поначалу подозревал отца, однако после бесед с друзьями быстро удостоверился, что отца и дочь скрепляли сильнейшие узы любви. Множество людей рассказали ему, как счастлива была Наташа с отцом и как она любила проводить с ним время.

В газетной статье Пёчхакер писал: «Все признаки указывают на похищение и на то, что разгадка этого дела таится в непосредственном окружении Наташи. Если бы всех причастных к нему проверили на детекторе лжи, тогда ответ был бы быстро найден».

Убежденный в том, что тест на полиграфе поможет раскрыть дело и доказать его предположение, что в похищении замешан член семьи, Пёчхакер для проверки пяти основных подозреваемых, в том числе матери и отца, пригласил в Вену одного немецкого профессора. Стоимость тестов в 5000 фунтов он оплатил из личных средств. Однако процедура прошла не так гладко, как он надеялся: «Профессор, которому был семьдесят один год, приехал с опозданием, и смог опросить лишь трех кандидатов, остальных двух пришлось проверять на следующий день».

Но особенно его расстроило, что мать обследовалась не

самим профессором, а его ассистентом. Как бы то ни было, позже он узнал, что компетентность ученого была дискредитирована, после того как он дал заключение, благодаря которому американский военный, служивший в Германии, был осужден за убийство жены, а через месяц был найден подлинный убийца. «Ужасно досадно, что мы работали с ним, а не с кем-нибудь другим. Кто знает, что в таком случае выяснилось бы?»

Тем не менее Пёчхакер убежден, что его затея не совсем уж и провалилась. Он утверждает, что в результате проверки выяснилось, что один человек, связанный с семьей, несомненно был в чем-то виновен. Он рассказывал: «Один из проверяемых нервничал так, как мне еще не доводилось видеть. Этот человек беспрестанно курил, его руки тряслись, а когда я посмотрел ему в глаза, мы оба поняли, что каждый из нас думает. Я полагал, что мы вот-вот получим признание». Он отказался назвать имя этого человека.

После окончания тестов Пёчхакер предложил полиции результаты и записи с вопросами, однако, как он утверждает, интереса его предложение практически не вызвало. Первая проверка на детекторе лжи была проведена 19 декабря 1998 года, и записи пролежали у детектива до 28 февраля 2001-го, когда он предложил их вновь и оперативная группа по делу Наташи наконец-то их приняла.

В книге, которую Пёчхакер написал по этому делу, он утверждает, что, по его мнению, любовники и знакомые матери не были изучены полицией надлежащим образом.

В телевизионных и газетных выступлениях госпожа Сирни производила сильное впечатление, в отличие от господина Коха, представлявшего до некоторой степени беспомощным и косноязычным. У нее в квартире была статуэтка Мадонны, которая всегда маячила на заднем плане, когда она говорила о дочери перед камерой. Рядом с ней стояла фотография Наташи. Она объясняла всем, кто обвинял ее в равнодушии, что она лишь кажется такой спокойной, что она не выносит слезы за пределы своих четырех стен.

На один вопрос так и не получено должного ответа: насколько серьезны были связи между госпожой Сирни, ее женатыми любовниками, среди которых был и Ронни Хусек, и Вольфгангом Приклопилем? Все они на протяжении нескольких лет посещали одно и то же кафе.

В течение своей работы по этому делу детектив Пёчхакер был убежден, что полиция пытается увести его расследование от

изучения роли матери Наташи и окружавших ее мужчин. Он пишет в своей книге, что у него сложилось впечатление, будто на детективов оказывалось «давление сверху... не проводить расследование в этом направлении».

Он совершенно ясно дал понять полиции, что, по его мнению, все касающиеся Бригитты Сирни нити расследования пресекаются. Он добавил, что Макс Эдельбахер, возглавлявший SB с 1988 по 2002 год, когда ведомство было закрыто, а сам он смещен с должности, признал в телефонном разговоре: в оперативной группе по делу Наташи есть «сопротивление» изучению связей госпожи Сирни, однако он один не в состоянии это изменить.

«Я отношусь к нему благожелательно, — говорил Пёчхакер, — но я и вправду не понимаю, почему, коли уж он глава SB, он не мог просто приказать им заняться этим. Я полагаю, что относительно этого им сверху уже были даны указания всеми правдами и неправдами покрывать свои ошибки».

На какой-то стадии Пёчхакер послал запрос в Министерство внутренних дел Австрии, выражая недовольство отсутствием прогресса и заинтересованности в деле Наташи, но это ничего не изменило. Он также предположил, что принимавшие участие в расследовании высокопоставленные детективы, продвигаясь по служебной лестнице, могли быть не заинтересованы в возможном скандале. В частности, он назвал Эдельбахера и Гейгера, которые одно время входили в число кандидатов на руководство новым элитным полицейским ведомством, образованным из остатков расформированного SB.

Гейгер, пятидесяти одного года, возглавлял отдел убийств венского SB с 1991 по 2002 год, а затем был назначен руководить Отделом уголовной полиции. В 2005 году за заслуги перед страной его наградили Серебряной медалью, однако уже в начале 2006-го он был приговорен к условному заключению на три месяца за предупреждение сутенеров о предстоящих полицейских налетах на подпольные публичные дома.

Между тем мать Наташи продемонстрировала, что она вполне способна использовать средства массовой информации для продвижения своих дел. После заявления местной телекомпании ORF, что всего лишь через неделю после исчезновения Наташи ей прекратили выплачивать пособие на ребенка, по всей стране вспыхнули дебаты. Госпожа Сирни поведала: «Они сказали мне: нет ребенка — нет денег». В какой-то момент в дебаты оказался вовлеченным даже министр по делам семьи, отовсюду хлынули послания с выражением поддержки и с предложением денежной помощи в поисках

Наташи.

Госпожа Сирни также начала акцию по критике SB, осмелившегося предположить, что несчастная мать может быть замешана в исчезновении собственной дочери. Ее интервью одной газете разожгло кампанию против этой версии полицейского расследования.

В ходе расследования были допрошены два ее женатых любовника. Это вывело их из себя, поскольку, по словам Пёчхакера, им пригрозили, что их жены обо всем узнают. Одного из них вытащили из пивной и попросили позволить полиции осмотреть его квартиру, на что тот согласился, так как его жены в то время не было дома. Также пытались найти и третьего мужчину, но безуспешно.

Предполагается, что другой, Ронни Хусек, провел с Бригиттой Сирни выходные накануне исчезновения Наташи. Он был известен как человек состоятельный и считался источником финансирования, о котором госпожа Сирни рассказала госпоже Глезер, когда говорила, что, вероятно, в скором времени она вновь займется бизнесом.

Наташа не находилась, поиски виновных затягивались, давление на родителей возрастало, и, поскольку никакой любви между ними уже не было, они начали обвинять друг друга в исчезновении дочери.

Первые обвинения всплыли 22 марта 1998 года, когда мать Наташи рассказала местной газете «Кронен цайтунг», что во время поездок в Венгрию отец взял за обыкновение брать с собой Наташу в ночные клубы, которые в Австрии можно посещать только людям, достигшим 21 года. Она жаловалась: «Я спрашивала его, насколько взрослый может быть туп, чтобы брать с собой десятилетнюю девочку на дискотеки, где танцовщицы исполняют эротические танцы».

Версия Венгрии в качестве места преступления была быстро отброшена. И не только благодаря тому, что Наташины школьные друзья рассказали полицейским, сколько она говорила о том, как ей там нравится, но и тому, что сотни венгерских полицейских прочесали деревню, где у отца Наташи был дом, и опросили соседей. За самим домом было установлено наблюдение. Соседи организовали патрулирование, а в деревне постоянно дежурил полицейский. В итоге полиция склонилась к тому, что отец говорит правду и действительно не имеет представления, где находится его дочь.

Отец Наташи, в свою очередь изведенный несчастьем и находившийся отнюдь не в лучших отношениях со своей бывшей, пришел к убеждению, что замешана она, и выступил с

заявлением, обвинив ее в соучастии в похищении их дочери. Позже он отказался от своих слов, а когда Наташа наконец-то нашлась, извинился. Он заявил: «Главное, что моя маленькая девочка вернулась, остальное неважно. Я не хочу, чтобы оставалось что-то плохое».

Снимки Наташи тогда, как и сейчас, мелькали по всей Вене — все более безнадежные поиски продолжались. Она смотрела с плакатов, расклеенных по всей столице. Ее фотография висела даже в придорожном кафе «У Кристины», вне всяких сомнений вызывая у Приклопиля чувство некоего странного удовлетворения, когда он заглядывал туда выпить яблочного соку или перекусить сосиской.

Ей был посвящен выпуск австрийской версии телевизионной программы «Наблюдение за преступлениями» под названием «Aktenzeichen XY... ungelöst» («Нераскрытые дела XY»), в ходе которой в студию позвонил зритель и сообщил, что ее видели в машине с венгерскими номерами.

«Если бы у нас было место преступления, все было бы проще», — жаловался Хаймедер из SB. После совещания в SB, проведенного накануне вечером, полиция решила поменять стратегию. «Время крупной поисковой операции прошло», — заявил он. Полиции пришлось переключиться на более детальные и мелкомасштабные акции.

Родители Наташи сообщали, что к ним продолжают обращаться люди, утверждающие, что видели их дочь. Неоднократно звонил некий мужчина, говоривший, что он живет в Лангерцерсдорфе, а затем в Гензерндорфе. «Он говорил, что похитил Наташу потому, что она напоминает ему его умершую дочь. Это вполне соответствовало показаниям, в соответствии с которыми нашего ребенка увезли в автобусе с гензерндорфскими номерами», — рассказал Людвиг. То, что другие люди могут с ними так жестоко развлекаться, причиняло им боль, изумляло и утомляло их.

Найденные в августе 1998 года в Хорватии части человеческого тела вызвали в Вене переполох, когда Интерпол сообщил по факсу оперативной группе, что расчлененные останки принадлежат девочке в возрасте от десяти до четырнадцати лет. Родители приготовились к худшему, однако уже через несколько часов, когда соответствующую документацию и образцы ДНК прислали в Загреб, было объявлено, что это не Наташа.

В октябре поиски приняли сверхъестественный характер. Главный инспектор Хельмут Гросс отправил крупный отряд полицейских обыскивать склад боеприпасов времен Второй мировой войны, поскольку один экстрасенс сообщил ему, что там

удерживается Наташа. Ни живой, ни мертвой девочки не нашли.

В декабре 1998 года оперативная группа получила возможность пользоваться новой компьютерной системой под названием VICLAS (Violent Crime Linkage Analyze System, Система анализа связей насильственных преступлений), которая регистрирует и сравнивает характер поведения преступников, в том числе и на сексуальной почве. Также программа оценивает вероятность того, что определенные преступления были совершены одним и тем же человеком. «В прошлом на эту работу у нас ушли бы недели, даже месяцы», — заявил Томас Мюллер, глава психологического отдела полиции. Мюллер работал по делам сумасшедшего подрывника Франца Фукса и серийного убийцы Джека Унтервегера, в прошлом был начальником отдела криминальной психологии SB — единственным сотрудником которого являлся он сам. Его книга «Человек-зверь» стала в Австрии бестселлером 2004 года. Компьютерная система называлась настоящим прорывом в сыском деле, однако у нее был один изъян: она могла оперировать только с преступниками, которые были внесены в систему.

У Вольфганга Приклопиля едва ли было что-то серьезнее, чем талон предупреждения за превышение скорости и внушение за убийство воробья. Он находился вне поля зрения полиции.

Настало и прошло Рождество. Родители Наташи купили ей подарки, обернули их в красочную упаковку и положили под елку в ее комнате. Этот обряд был необходим им для сохранения психологического равновесия, это послужило опорой их веры в то, что она жива. Перед лицом всех признаков, что она, вероятно, уже давно мертва, эта вера помогала им сохранять здравый рассудок.

Теперь поиски и в самом деле переметнулись из нашего мира в иной. Экстрасенсы, уже инициировавшие один обыск, будут играть в деле роль более заметную.

«За прошлые годы прорицатели связывались с нами несколько раз, — рассказывал глава SB Эдельбахер, — но не столько, сколько сейчас». Из более чем тысячи подсказок, полученных оперативной группой по делу Наташи о ее исчезновении, каждая десятая исходила из того, что он назвал «четвертым измерением».

На официальном уровне полиция заявляла, что они отнюдь не рады тому обилию информации, что поступает от владельцев планшеток для спиритических сеансов, предсказателей и хранителей магических кристаллов. Неофициально же, говорил Эдельбахер, «в деле Наташи мы не хотим оставлять что-либо непроверенным. В конце концов, у нас у всех есть дети».

Поэтому троим полицейским из отдела по борьбе с наркотиками было поручено в свободное время заниматься экстрасенсорными контактами с Наташей Кампуш. Среди венских полицейских коллег они были известны как «Отдел по секретным материалам».

Из десятков экстрасенсов, к которым обращалась семья или же которые сами предлагали свои услуги, один выделяется особо. Примерно через год после исчезновения Наташи австрийский государственный телеканал ORF пригласил принять участие в обсуждении дела ясновидящую Халлер. Впервые Халлер оказалась вовлеченной в него, когда к ней обратилась полиция, — однако она отказалась назвать высокопоставленного сотрудника, как-то заехавшего, по ее словам, к ней за советом.

Предсказание, которое она дала по телевидению, было тем же самым, что она поведала и полиции, и которое оказалось поразительно точным. Она рассказала зрителям, что обнаружила «энергию Наташи на северо-востоке Вены, за плавательным бассейном в Хиршштеттене», — который находится между местом похищения Наташи и ее тюрьмой в подвале.

Она также видела железнодорожные пути: дом Приклопиля располагался рядом с одной из крупнейших станций Вены. Говорила она и о кафе, куда частенько наведывался похититель. Она описала его как простую одноэтажную закусочную, типичную для пригорода, с засыпанной щебенкой подъездной площадкой. Одна ступенька у двери, старый деревянный пол и «что-то» внутри зеленое — либо дверь, либо стулья.

Кафе «У Кристины», где, как предполагается, Приклопиль впервые и увидел Наташу, тоже обыкновенное одноэтажное строение, каковых по всему городу десятки, с щебенкой у входа и единственной ступенькой, ведущей внутрь, но дверь желтая, не зеленая.

Халлер добавила: «Похититель привиделся мне стройным мужчиной примерно сорока лет». Ясновидящая, теперь уже шестидесяти одного года, все так же регулярно появляется на австрийском телевидении и радио, а также на страницах газет; стаж ее ясновидения составляет сорок лет. То, что она предсказала, будто Наташа находится там, где в конечном счете и была обнаружена, никак не комментировалось полицией, которая также не подтверждает ее заявления, что к ней за помощью приезжал один из руководящих сотрудников оперативной группы по делу Наташи. Поэтому неизвестно, пытался ли когда-либо этот сотрудник сопоставить ее указание с имевшимися в досье, что могло бы сделать Приклопиля подозреваемым еще на ранней стадии расследования.

Наравне с экстрасенсами появились и сумасброды. Бывший судья и кандидат на пост президента Австрии, Мартин Вабль, начал собственное расследование по делу и впоследствии выступил с заявлением, что в исчезновении дочери замешана мать. Однако, когда его убеждение переросло в одержимость, его заявления утратили всякую правдоподобность, и госпожа Сирни выиграла у него дело по обвинению в клевете. В итоге он был арестован за то, что выдавал себя за полицейского, пытаясь собрать против нее улики.

В 1999 году, позабыв о разногласиях, родители обратились с призывом пожертвовать средства в фонд в один миллион шиллингов в качестве награды за информацию о местонахождении Наташи. Однако мир неумолимо шел дальше. Наташа оставалась аурой, чем-то мистическим в городе и сознании миллионов, но со временем первые полосы газет и сенсационные выпуски новостей заняли другие фигуры — Йорг Хайдер, покойная принцесса Диана.

Полиция признала, что она там же, где и год назад. «По сравнению с положением годичной давности в этом деле мы не продвинулись ни на шаг», — заявил Шерц в первую годовщину Наташиного исчезновения.

Еще одна критика действий полиции заключалась в том, что не было составлено детального психологического портрета преступника. Профилирование, разработанное в исследовательских лабораториях ФБР в Квонтико, штат Вирджиния, теперь повседневно используется полицией по всему миру. Попытки сделать психиатрические «наброски» типа человека, который мог бы ее похитить, предпринимались, однако источники в полиции сообщили авторам, что они оказались крайне неудовлетворительными.

Мотивы преступлений на сексуальной почве весьма различны. Согласно выводам экспертов, их можно разбить на пять видов — секс, насилие, гнев, власть и страх, без преобладания какого-то определенного из них. Если бы был составлен полный психологический портрет Приклопиля, то он представлял бы собой образ нелюдима, мужчины с массой свободного времени, возможно подвергшегося в детстве насилию, придерживающегося невысокого мнения о женщинах, вероятно девственника, и стремящегося к власти.

И у которого был белый фургон. Если бы полный психологический портрет привязали к информации о владельцах белых фургонов, тогда появилась бы вероятность, что владельцев машин, к которым наведывались в Австрии, рассмотрели бы заново и к тем, у кого нашлись бы совпадения с перечнем,

пришли бы снова.

Но этого не произошло.

Через год после похищения австрийская полиция распространила следующее заявление:

Мы проверти 2000 свидетельских показаний, тщательно изучили 150 подозреваемых, по различным поводам задействовали 500 полицейских, 200 жандармов и 13 поисковых собак, а также инспекторов Дунайского патруля, использовали поисковые вертолеты, в общей сложности проведшие в воздухе 150 часов. Мы сделали все возможное. Вероятность того, что Наташа стала жертвой преступления, высока. Но мы не исключаем и того, что она до сих пор жива. Все возможно.

В следующем месяце, после того как в Интернете обнаружили фотографии обнаженной девочки, пропавшей в Германии три года назад, следователи начали прощупывать венское подбрюшье детской порнографии. У города Габсбургов есть и темная сторона в виде принудительной детской проституции и хищников, извращенных душ, охочих до невинности. У Западного вокзала, подле парка Пратер, где на гигантском колесе обозрения катаются туристы, проституция процветает.

В домах известных педофилов были произведены облавы, с их компьютеров скачали отвратительные фотографии, которыми преступники обменивались по всей Европе. Полицейские целыми днями сравнивали все эти снимки с фотографиями Наташи. Было произведено несколько арестов. Но никто из них не был замешан в деле Наташи.

Полиция полагала, что похититель Наташи мог красть детей по заказу некоего мужчины, пытавшегося дважды за две недели похитить детей в пригороде Вены на своем фургоне «фольксваген». Во втором случае девочка укусила его за руку. Этого человека так и не поймали.

Следователи оперативной группы столкнулись с проблемой, что на предмет связи с делом Наташи приходилось рассматривать каждое изнасилование, попытку похищения или совращения малолетних. Это подразумевало изнурительные и потраченные впустую часы проверок и перепроверок по всей стране. И все это время Приклопиль находился менее чем в двадцати пяти километрах от штаб-квартиры полиции, где его преступление все так же ставило в тупик всех искавших его.

Примерно в то же время в Нижней Австрии был арестован растлитель малолетних. Его арест вызвал сильную реакцию в

оперативной группе, не в самую последнюю очередь потому, что за год до этого он был зарегистрирован как проживающий на той же улице, что и Наташа. Как растлитель детей он состоял на учете уже долгое время, жил в одиночестве и слыл педофилом худшего качества. Однако в день похищения он находился в тюрьме за преступления на сексуальной почве.

Полиция снова обратилась к сверхъестественному. «Я хочу, чтобы убийца был найден», — заявил Франц Плаш, гадатель по маятнику, сообщивший «Кронен цайтунг» с пугающей уверенностью: «Наташа мертва. Ее убили на второй день после исчезновения».

Перед Плашем ради заметки в газете разложили карту Вены. Маятник, который он держал, упорно смещался к точке на северо-востоке города. «Здесь, рядом с так называемым „Перекрестком“, примерно в пятнадцати километрах от собора Святого Стефана, лежит ее тело. Убийца похоронил девочку в лесу на глубине около четверти метра».

Плаш мог указать лишь участок площадью примерно 300 квадратных метров. «К сожалению, более точное предсказание невозможно. Но я уверен, что полиция обнаружит тело и избавит ее родителей от мук неизвестности». Полиция надлежащим образом направила туда поисковый отряд с собакой. Конечно же, они ничего не нашли, однако в нескольких деталях Плаш был прав: она была под землей, на северо-востоке города и недалеко от собора Святого Стефана.

Настало новое тысячелетие, но и оно не принесло сдвигов в деле. В 2000 году один полицейский признался: «Наши познания остаются почти такими же, как и в 1998-м. К сожалению, мы нисколько не расторопнее, чем были в самом начале». В 1999 году было исследовано более 300 мест, на которые поступали указания, что там может быть похоронено тело Наташи.

В 2001 году в Австрии впервые по делу о пропавшем без вести был задействован Интернет. Полностью автоматизированный поисковый компьютер, снабженный фотографией Наташи, начал искать исчезнувшую девочку на двух миллионах страниц Всемирной сети. Программа немецкой компьютерной фирмы даже проделала цифровое взросление лица Наташи. Надежда была слабой, но все же была.

Не обошлось и без частного предпринимательства. Немецкая компьютерная корпорация «Кобион» разработала собственную поисковую машину, с помощью которой искать по всему миру изображение Наташи могла тысяча компьютеров. Помощь компании, которая обычно занималась поисками противозаконного использования своих логотипов и

изображений, была с благодарностью принята.

В 2001 году, через три года после исчезновения Наташи, Эрнст Гейгер, один из старших детективов в расследовании, заявил: «Дело уникальное. Со времени основания республики в 1945 году это единственный случай пропавшего ребенка моложе четырнадцати лет, который не нашелся или же не оказался мертвым».

Отец Наташи, все еще пребывавший в убеждении, что полиция упускает первостепенные улики, посвятил себя совместной работе с Пёчхакером по беспрестанным и всепоглощающим поискам новых свидетельств. Информация, которую он предоставил полицейским, привела к еще нескольким раскопкам в районе в безуспешных попытках отыскать ее тело. За восемь лет ни один из ее родителей так и не сдался, вопреки укоренившемуся мнению общественности, что она мертва.

В 2002 году SB было расформировано и подвергнуто унижительному слиянию с местным Отделом уголовного розыска, к которому SB столь долго относилось подчеркнуто высокомерно. Однако дело Наташи не переехало вместе с ними на новое место в ОУР. Оно стало «глухарем», самым худшим типом дел из всех, над которыми надо работать, равно как и самым худшим для родителей, ожидавших результатов.

Под нажимом Пёчхакера специальная комиссия из восьми полицейских принялась заново рассматривать все досье, показания свидетелей, материалы по поиску и даже намеки — не только из нашего мира, но и из потустороннего. Специальная комиссия местного отдела полиции в основном состояла из следователей из Бургенланда, первой ее задачей был разбор стосорокастраничного доклада и папок со свидетельствами, собранными частным детективом за четыре предыдущих года.

Однако, хотя команда из оперативной группы по делу Наташи и осилила тысячи страниц, первоначальные подозреваемые и свидетели так и не были повторно допрошены.

Пёчхакер рассказывает о своем разочаровании и повторных ложных версиях. Он сообщил, что в какой-то момент он и Кох планировали поговорить со знакомыми Людвиг из местных баров, поскольку он знал, что некоторые из них видели Наташу. По его словам, акция была отменена, когда госпожа Сирни позвонила им и потребовала, чтобы они занялись новой версией, которая, как оказалось, никуда не привела.

Кох попытался отказаться, но через час она позвонила ему снова и все-таки убедила. Пёчхакер заметил: «Без господина Коха мне, несомненно, было трудно подступиться к этому обществу».

Когда Наташа находилась в заточении уже пятый год,

полицейские, ведущие ее дело, были по принципиальным соображениям сменены. Все нераскрытые дела об убийствах неизменно пересматриваются, и новые полицейские, как это подразумевалось, подошли к делу Наташи беспристрастными и в ряде случаев «способными разглядеть то, что изначально было упущено их коллегами. Да и у свидетелей после нескольких лет зачастую появляются совершенно новые мотивы. Любовники предоставляют алиби, а бывшие любовники уже отказываются признаться в этом».

Однако сегодня есть и третья важная причина уделять время подобным глухим делам. Ханнес Шерц поведал: «За последние несколько лет судебная наука, особенно анализ ДНК по биологическим следам, открыла совершенно новую главу с огромными возможностями. Первым делом мы рассматриваем улики, что были собраны ранее. Затем ищем какие-либо следы, и в конечном счете точно оцениваем, чем же являются данные улики».

«Воли случая — вот чего они ожидают, — жаловался Пёчхакер. — Точно так же, как был найден убийца школьницы Алекс Шрифл — здесь, в Австрии, дело довольно громкое, — больше чем через десять лет, когда он по пьяни подрался с полицейским. Так они и раскроют загадку исчезновения Наташи. Только благодаря случайности». Он был почти прав.

Однако команда, занимавшаяся «глухарем», все же составила пятидесятистраничную докладную записку, в которой заявлялось, что «разные люди, замешанные в деле в различные периоды, давали показания, которые в корне не согласовывались». Источники сообщили авторам, что они пришли к заключению, что «в окружении Наташи были люди, которым было что скрывать, вроде незначительных преступлений... которые тем не менее могли оказаться связанными с исчезновением Наташи». Поэтому следствие вернулось к повторным допросам членов семьи, лиц, заметивших номера фургонов, соседей, за исключением отшельника в Штрасхофе, который должен был опасаться более всех, однако не тревожился.

Дело Наташи перетекло в едва ли не бездействие на законных основаниях. Полиция составляла запросы, время от времени призывала обращаться к ним новых свидетелей. Для Интерпола была даже сделана новая серия фотографий похожей одежды, в которой Наташа была во время исчезновения, — снимки были разосланы по всей Европе.

Генерал Роланд Хорнгачер, главный следователь по делу, сказал в отчаянии: «Дело Наташи Кампуш — кошмар для полиции. Мы сделали все, что могли. Но пока не будут найдены

новые следы, какие-либо нити, это дело просто нельзя закрыть».

Конечно, Хорнгачер был в праве дать такой комментарий, однако он был отнюдь не безукоризненной фигурой. С 1997 по 2002 год он возглавлял департамент по борьбе с экономическими преступлениями, с 2002 по 2005-й — ОУР, а с 2005 по 2006-й — полицию Вены. За службу стране он был награжден Золотой медалью за заслуги, однако в 2006 году был отстранен от службы и на время написания книги находился под следствием за злоупотребление служебными полномочиями и взяточничество, а также подозревался в передаче журналистам конфиденциальной информации.

В 2004 году поиски снова переместились за границу. Полиция обратилась к французским властям на предмет возможной связи с делом педофила Мишеля Фур-нире. Глава отдела по расследованию организованных и общеуголовных преступлений Службы уголовного розыска, Эрих Цветтлер, настаивал, что это «просто обычный порядок. Нет никаких улик или нитей, свидетельствующих о наличии связи». Фурнире показал, что часто ездил за границу в белом фургоне. «В Европе несколько тысяч белых фургонов, так что навряд ли можно сказать, что это версия», — уверял Цветтлер.

В ноябре того же года вышла книга Пёчхакера «Дело Наташи». В предисловии он выразил свое разочарование тем фактом, что из-за большого числа просчетов дело, которое можно было бы раскрыть без труда, затянулось на годы, и заключил: «Эта книга описывает один из крупнейших позоров полиции в современной истории Австрии».

Критика исходит едва ли не от каждого, кто непосредственно соприкасался с расследованием. Доктор Бергер, который сейчас играет такую важную роль в попытке излечения рассудка Наташи, критиковал полицию за ведение дела, заявляя, что они проявляют «слишком большую скрытность», а видный местный журналист Герффрид Шперль в своей колонке венской газеты «Дер штандард» заметил, что с полиции за многое нужно спросить.

Он задается вопросом: «Почему за домом Приклопиля хотя бы не установили наблюдение, если по каким-то причинам нельзя было получить ордер на обыск?» — и продолжает, вопрошая, сколько же из 800 человек, числящихся в настоящее время в Австрии пропавшими без вести, 200 из которых дети, претерпевают судьбу, схожую с Наташиной, будучи запертыми в темницах, в то время как над их головами жизнь течет как обычно.

Самое четкое подытоживание провала расследования исходит от одной из его ключевых фигур. Эдельбахер возглавлял в то

время венское СВ и вышел в отставку лишь за месяц до Наташиного освобождения. Он заявил:

Никто — ни я, ни какой-либо другой полицейский — не верил, что она все еще может быть жива. Это сенсация. Однако это ужасно, что ее удерживали в нашем районе целых восемь лет, в то время как ее безрезультатно разыскивали тысячи полицейских. Да, нужно задаться вопросом, где мы ошиблись. Мы об этом столько думали, перебрали столько версий, даже такую, что она попала в руки занимающихся детской порнографией, — да все, какие только можно. Поэтому многие следователи жертвовали своим самым дорогим, чтобы вернуть ее.

Итак, за восемь с половиной лет Наташиного дела карьеры двух полицейских рухнули. Расследование провалилось на многих уровнях. Не было предпринято обыска ни дома Приклопиля, ни его фургона — хотя бы одними полицейскими либо с собаками. Не было сделано его фотографий, не был составлен его полный психологический портрет. Полиция полагалась на компьютерную систему, которая оперировала лишь с известными преступниками, и, по-видимому, так и не была проведена связь между кафе «У Кристины», похитителем и семьей Наташи и тамошними завсегдатаями. Дело не в том, что следствию не доставало энергичности, ему не доставало связности. Оно велось в неверном направлении, растрачивалось впустую и, конечно же, неправильно управлялось.

Глава 6

ОГРАНИЧЕННАЯ СВОБОДА

Времена года сменялись одно за другим. Наташа беспокоилась за своих дедушку, бабушку и тетюшек. Хотя кожа ее и становилась все белее, ум оставался таким же пронизательным. Она думала о своих взрослеющих племянницах и с нежностью вспоминала выходные в Венгрии. Ее словарный запас стремительно увеличивался, и она знала о мире гораздо более широком, нежели пространство площадью 160 квадратных метров, которое она разделяла с Вольфи. Книги, телевизионные документальные фильмы, радиопередачи — как пергамент впитывает чернила, так и Наташа впитывала информацию.

Пока она не заслужила выход в тот мир, о котором узнала столь много. Однако на ее восемнадцатилетие в доме было устроено торжество. Согласно полицейским источникам, у них состоялся праздничный обед, а затем на столе появился специальный торт, который Приклопиль купил в кондитерской подальше от Хейнештрассе. Судя по всему, именно после этого обеда он впервые и объявил ей, что она «заслужила» право выходить вместе с ним из дома. Он начал разрешать ей гулять в саду, брать с собой в магазины, на прогулки, но всегда при этом напоминая, что он вооружен до зубов.

Когда Наташа сбежала и ошеломила мир, пытавшийся постичь весь ужас ее опыта, общественное мнение, всегда столь непостоянное, обернулось против нее именно из-за этих редких вылазок во внешний мир. Девочка в подвале внезапно обрела новый и нежеланный имидж «пленницы временами», с более чем тридцатью появлениями в публичных местах Австрии вместе с Приклопилем, которые в данное время проверяются полицией.

Согласно источнику, близкому к Наташе, поделившемуся сведениями на условиях анонимности, когда ей было шестнадцать или семнадцать, Приклопиль немного смягчил свой режим. Она рассказала, что он стал вести себя с ней немного «теплее». Некоторые придерживаются мнения, будто он уверовал, что на определенной стадии сможет жениться на ней, что его подготовка принесла свои плоды: она наконец-то влюбилась в него. «Эта идея, несомненно, была частью его большого воображения», — заметил некто из ее узкого круга.

Ко времени, когда ей исполнилось семнадцать, он, однако, заметил, что дела идут отнюдь не так, как он того ожидал; также он понял, что ее личность становится все сильнее. Она рассказала

своим консультантам, что он считал ее «нахальной» и «требовательной». Авторам же сообщили, что, вопреки грядущим выходам в свет, в последний год их совместного проживания он ужесточил режим, иногда даже бил ее и отправлял назад в тюрьму, когда она была «непослушной». Один консультант поделился своими соображениями:

Дела пошли хуже, когда он, как я полагаю, осознал несомненный факт своего неминуемого поражения. Он оказался не способен сформировать из этого ребенка женщину, какую хотел получить; его нездоровый эксперимент полностью провалился. Она также это хорошо понимает и поэтому-то и считает, что он в каком-то смысле дал ей возможность убежать.

Она рассказала нам, что он никогда не позволял ей находиться у него за спиной, ему необходимо было постоянно наблюдать за ней. Однако на последних стадиях их совместной жизни он все-таки начал поворачиваться к ней спиной, а в день ее побега даже простоял так несколько минут. Тогда-то она и сбежала. Такое и в самом деле могло означать, что он — сознательно или же бессознательно — хотел, чтобы она сбежала, дабы освободиться от нее.

В период ограниченной свободы Приклопиль заставлял Наташу помогать ему с ремонтом домов и брал ее с собой в «Хорнбах». Там она улыбнулась обратившемуся к ней продавцу, однако Приклопиль отослал его. То же самое произошло и в супермаркете, где он быстро увел Наташу, когда она начала подмигивать другому покупателю.

Жители Штрасхофа вспоминают, что часто видели Приклопиля в закусочной «Кура-гриль», где он удовлетворял свой аппетит, в то время как Наташа оставалась в его BMW. Даже ближайший сосед Приклопиля, Йозеф Янчек, утверждает, что видел Наташу на участке похитителя «все чаще и чаще». Когда же он спросил у него, не новая ли это его подружка, Приклопиль лишь ответил, что это девушка из Югославии, которую он нанял. Господин Янчек рассказал:

В прошлом году я видел девушку в саду довольно часто. Еще они вместе уезжали на его машине, и каждый раз она дружески махала нам рукой. Когда я спросил, кто она такая, он сказал, что это «югославская помощница», которую он «взял на время» у коллеги для помощи в домашней работе.

Мы и знать не знали, что это похищенная Наташа Кампуш. Когда я спросил его, не его ли это подружка, он лишь сказал, что

нет, она помогает ему по дому.

Наташа говорила, что она не осмеливалась поднять тревогу при нем, — она действительно была уверена, что Приклопиль не задумываясь убьет доброго старика.

«Вы только представьте себе, каково это было, не прошло бы и мига... как он схватил бы меня, а господина Янчека убил бы. Было слишком рискованно», — скажет она позже.

Другая соседка, госпожа Стефан шестидесяти одного года, поведала: «За последнее время я дважды наблюдала, как он ехал по нашей улице с девушкой. И один раз я заметила, как они шли по главной улице. Моя подруга, которая живет здесь же по соседству, тоже говорила мне, что видела, как они гуляли, держась за руки.

Она выглядела очень юной, но на вид была в хорошем настроении и уверенной. Мы думали, что они пара, решили, что он наконец-то завел себе девушку».

Наташа рассказала, что каждый раз, когда они выходили, Приклопиль пребывал в напряжении. Позже она объяснит, как осторожен он был, почти не отходя от нее. Несомненный параноик, Приклопиль впадал в панику, если она отдалялась от него хотя бы на три сантиметра, утверждает Наташа:

Он хотел, чтобы я всегда ходила впереди него, и никогда сзади. Чтобы он всегда мог следить за мной. И я не могла ни к кому подойти. Он постоянно угрожал, что сделает что-нибудь с теми, кому я скажу хоть слово. Что он убьет их. И я не могла рисковать.

Было много людей, которым я пыталась подать знак, но они не подозревали о подобных вещах. Они не читают газет и не думают: «Ах, ведь это может быть та девочка, о которой я читал...»

Но в основном было недостаточно времени. Издай я хоть звук, он тут же утащил бы меня... А если бы было слишком поздно, то убил бы того человека или меня.

Еще хуже было с вежливыми людьми. Как с любезными продавцами в «Баумаркте». Один спросил меня: «Могу я вам чем-нибудь помочь?» А я стояла в полнейшей панике и напряжении, едва дыша, с колотящимся сердцем. И не могла пошевелиться. Мне пришлось беспомощно наблюдать, как он отсылает продавца. Мне удалось лишь улыбнуться этому продавцу, потому что он такой добροжелательный. То есть он ведь не понял, что что-то не так.

Я всегда старалась улыбаться так, как на своих старых фотографиях, на случай, если кто-нибудь вспомнит мои снимки. Но иногда, в самом начале, мне было невыносимо находиться среди людей. Я не привыкла к этому, и скопление народа вызывало у меня

беспокойство. Было очень неловко.

Наташа также вспоминала те жуткие интеллектуальные игры, в которые Приклопиль играл с ней перед выходом наружу: «Время от времени, в своей манере, он давал мне советы, как я могу оказаться за его спиной и сбежать. Должно быть, его осенило в приступе параной. Он как будто и вправду хотел, чтобы я однажды освободилась. Чтобы все рухнуло, чтобы справедливость как-то восторжествовала».

Пару часто видели в супермаркетах. Пенсионер Ганс Георг, шестидесяти семи лет, утверждает, что она подмигивала ему во время одной из их поездок за покупками. Он рассказал: «Про себя я подумал, с ней что-то не так. Я хотел подойти к ним и спросить, в чем дело, но ее товарищ взял ее за руку и увел. Он зло на меня посмотрел».

Наташу с Приклопилем также видели и в другом магазине «сделай сам», когда они покупали строительные материалы и краску — которые, очевидно, использовались, когда она помогала ему ремонтировать квартиру в 15-м районе Вены, что он хотел сдать им-мигрантам-славянам: та самая квартира, о которой он будет разговаривать с потенциальным съемщиком, позвонившим ему на мобильный телефон в день Наташиного побега.

Наравне с выходами наружу Наташа также добилась и права выбрать мебель для своей темницы в подвале, поэтому Приклопиль взял ее с собой в мебельный магазин и купил обстановку, которую она указала. Однако иллюзия нормальной совместной жизни порой рушилась из-за самых простых вещей. Приклопиль был маниакально бережлив. Он отказывался покупать свежий хлеб, пока старый не съедали до последней корки.

Он даже пытался, иногда не без успеха, навязать свои невротичные идеи и ей. Если ей нездоровилось, он отказывал ей в лекарствах и убеждал, что они все напичканы «тяжелыми металлами». Со слов ее консультантов, это внушение внедрилось в ее хрупкий разум так глубоко, что она считает так и по сей день. Например, она изучает состав на этикетках продуктовых консервов с усердием микробиолога.

За время их вынужденного союза были моменты и большего расслабления, когда она помогала ему ухаживать за садом, сажать розы или поливать огородик рядом с неизменно пустым бассейном. Для нее это было возможностью насладиться дневным светом, почувствовать своей бледной кожей свежий ветерок и послушать пение птиц на деревьях вокруг опостылевшей тюрьмы.

Герхард Ланг, руководитель отдела планирования

Федерального управления уголовного розыска, ставший представителем пресс-службы по делу Наташи после ее освобождения, рассказал:

В доме Приклопиля было множество видеокассет и книг. Книги, как правило, по земледелию, естествознанию и тому подобное. Фильмы большей частью голливудские, которые можно увидеть в любой другой коллекции, я запомнил только, что там был «Мистер Бин». Также было предостаточно записей новостных программ, которые явно были отредактированы на предмет удаления всего, что похититель считал лишним. Она знала все о введении евро, хорошо была информирована, например, об австрийских политиках. Все это она узнала из новостей. Остальному сама научилась по книгам. Она научилась вязать по учебнику.

Однако чтение, вязание и просмотр телевизора чередовались с периодами принудительного тяжелого труда, несмотря на то что она, по ее словам, часто была ослаблена вынужденным голоданием, являвшимся частью попытки похитителя сломить ее волю. Когда Приклопиль строил второй гараж, для фургона, на котором и похитил ее на улице, он заставлял ее таскать тяжелые ведра с землей, а также громоздкий строительный материал.

Вопреки ее утверждениям, что у нее был один, и только один шанс вырваться на свободу, возможностей для побега, на первый взгляд, было много больше, и они были весьма разнообразны. Одна женщина из Граца, что более чем в 200 километрах от Вены, сообщила полиции, что Приклопиль приезжал к ней ремонтировать компьютер, а Наташа на протяжении примерно часа ждала внизу в его BMW. По имеющейся информации, эта женщина спустилась к ней, открывала дверцу автомобиля и спросила ее, не хочет ли она подняться и выпить кофе, однако Наташа вежливо отказалась и осталась в машине.

«Наш компьютер сломался, — поделилась неназванная женщина, — и нам прислали ремонтника из Нижней Австрии. Когда я увидела в газетах фотографии господина Приклопиля, я сразу же его узнала».

Она заявляет, что проводила Приклопиля до машины, где сидела Наташа и ждала его. Пенсионерка добавила: «Тогда я сказала ему: „Вы заставили свою девушку ждать довольно долго“. Он только рассмеялся и уехал».

Эрнст Хольцапфель, бизнесмен, продавший Приклопилю 24 процента капитала своей компании по восстановлению недвижимости за немногим более 8000 евро, также встречал ее

незадолго до того, как она приняла решение бежать.

Хольцапфель, сорока двух лет, в расследовании вызвал у полиции значительный интерес. После обнаружения тюрьмы его допрашивали дважды — первый раз в день побега Наташи. Однако все подозрения в соучастии в похищении и последующем заточении девочки с него были сняты. Его воспоминания о встрече с ней схожи с показаниями случайных знакомых или прохожих просто потому, что никому и в голову не приходило столь невероятное предположение о такой вежливой и на вид асексуальной личности, какой был его компаньон. Он также был одурачен, когда находился всего лишь в нескольких дюймах от Наташи.

Хольцапфель, которому в конечном счете придется опознавать тело своего друга и коллеги, был также и последним, кто разговаривал с ним. Он рассказал на довольно напряженной пресс-конференции вскорости после смерти Приклопиля:

Я познакомился с господином Приклопшлем, когда трудился на «Сименсе» в восьмидесятых. После этого мы время от времени поддерживали друг с другом отношения. В девяностых он работал в моей компании и выручал с ремонтом и модернизацией недвижимости.

Я всегда считал, что если на протяжении многих лет так серьезно с кем-то сотрудничаешь, то и основательно его узнаешь. Поэтому-то я и шокирован более остальных произошедшими событиями. За все время я ни разу не заметил ничего предвещавшего. Господин Приклопшль вел себя со мной как обычно. Я и думать не думал, что подобный ужас окажется возможным. Я совершенно сбит с толку этим страшным деянием. Я никогда бы не поверил, что он может быть похитителем.

Я ни разу не видел господина Приклопиля с какой-нибудь девушкой. Конечно же, мы говорили о его семье, его матери и других обычных вещах, как это принято среди добрых коллег.

За последние годы я от случая к случаю наведывался в его дом в Штрасхофе, чтобы взять или привезти обратно инструменты и оборудование. Однажды я побывал в гараже и заглянул в смотровую яму. Для меня в этом не было ничего необычного, я ведь знал, что господин Приклопшль часто возится со своими машинами.

Насколько я знаю, он выполнял всю работу по дому исключительно сам. Он брал для этого у меня инструменты и оборудование вроде лебедки или строительных лесов.

Где-то в середине июля этого года господин Приклопшль позвонил мне и сказал, что хотел бы взять мой трейлер. Я

ответил, что нет проблем, трейлер стоит перед многофункциональным залом. Он появился часом позже в сопровождении девушки. Она стояла перед дверью с господином Приклопилем. Они оба ждали, пока я выйду из зала. Когда я открыл дверь, он представил девушку как свою знакомую, но так и не назвал ее имени.

Мы пожали друг другу руки, и она вежливо поздоровалась. Она казалась радостной и счастливой. Я очень удивился и не мог понять, была ли она его девушкой или просто знакомой. К сожалению, у меня оказалось мало времени и очень скоро мне пришлось с ними попрощаться. Ясное дело, тогда я не знал, что это была Наташа Кампуш. Только после допроса в полиции мне показали фотографию, на которой я и узнал ту девушку.

Позже полиция дала понять, что среди толпы журналистов находились переодетые агенты, пытавшиеся выявить какую-либо мимику, жесты или позы, которые могли бы свидетельствовать о его недостаточной правдивости. Затем они заявили, что он ни в коей мере не подозревается в соучастии ни в похищении, ни в последующем заточении Наташи.

Самым необычным из всех выходов наружу, который Наташа поначалу отрицала, до того как ее адвокаты распространили заявление, противоречащее словам их клиентки, была поездка на один из лучших австрийских лыжных курортов — место, наполненное отдыхающими, которые смеялись, шутили, катались на лыжах и просто гуляли на расстоянии всего лишь нескольких футов от нее. Этот грандиозный Наташин день свободы имел место в феврале 2006 года, вскоре после того, как ей было разрешено выходить из дома, на курорте Хошкар, в 150 километрах от Хейнештрассе, 60.

Более того, в тот же день в ходе обычной дорожной проверки Приклопиля останавливала полиция. Наташа ничего не сделала. Она просто сидела на своем месте. И улыбалась полицейским. Она осталась пленницей.

Когда один немецкий журнал рассказал об этой лыжной поездке с Приклопилем, Наташа резко опровергла это утверждение, ее же адвокаты по своему обыкновению пригрозили процессами.

В интервью крупнейшей австрийской газете «Кронен цайтунг» она назвала сообщения об этой поездке «чушью», сказав: «Я никогда не каталась на лыжах. Кто это говорит? Чушь все это». Один из ее адвокатов, доктор Геральд Ганцгер, пригрозил прессе судебными исками и заявил, что его фирма будет жестко реагировать на любые посягательства на личные права Наташи.

«Мы уже накопили толстую папку подобных посягательств», — продолжил доктор Ганцгер, говоря о сообщениях прессы, которые его контора была готова оспорить законным порядком. Однако он тут же в некотором роде косвенно подготовил общественность к грядущим откровениям: «Когда Кампуш удалось сбежать, она весила всего лишь 42 килограмма вследствие недоедания и проблем с сердцем и кровообращением. Если бы я похитил кого-нибудь, удерживал его в заложниках на корабле и кормил икрой, то это не изменило бы того факта, что он был пленником».

Тем не менее уже в тот же день свидетельства вынудили его контору признать, что лыжная поездка действительно имела место. Другой адвокат Наташи, доктор Габриэль Лански, ясно осознал, что после изначального отрицания Наташей поездки будет уместно частично возместить нанесенный ущерб: «Если поставить себя хотя бы на секунду в подобное положение, то будет понятно, что в действительности поездка жертвы на лыжный курорт отнюдь не подходит для того, чтобы воспользоваться первой же возможностью в жизни и сбежать. Надо четко уяснить: у Кампуш был только один шанс совершить побег».

Доктор Лански заявил, что он и его клиентка не рассказывали об этой поездке из опасения, что подобное откровение принизит весь ужас похищения, и добавил: «Мы будем пресекать любые попытки фабрикации новых историй и упорному удержанию этого медийного витка с целью превратить жертву в преступника».

И далее: «Она являлась пленницей восемь с половиной лет. Ее единственными контактами с внешним миром были ее похититель и средства массовой информации вроде радиостанции Ö1. И у них не было программ с названиями типа „Как себя вести, если вы стали жертвой похищения“».

Также адвокаты Наташи предположили, что Приклопиль просто получал удовольствие в таком наглом выходе во внешний мир со своей пленницей, сама же Наташа позже заявила, что на курорте она все-таки пыталась обратиться к одной женщине, когда была в женском туалете. К несчастью, та женщина оказалась туристкой, не знавшей немецкого языка.

Так Наташа и вернулась заложницей, вынужденной и, несомненно, беспомощной. В его доме она продолжала исполнять обязанности фальшивой жены, пока не появлялась настоящая госпожа Приклопиль в образе слепо любящей матери, приехавшей погостить, и снова ей приходилось возвращаться в тюрьму, пока та не уедет.

Правда, в визитах госпожи Приклопиль была и некая компенсация: хотя они и влекли за собой длительное пребывание под землей, Наташа вынуждена была признать, что после них дом был «безукоризненным».

Наташа, ясное дело, многое узнала об узах между матерью и сыном, и она начала испытывать к ней сильные чувства, хотя в заключении ни разу с ней не встречалась. Она полюбила ее и прониклась к ней уважением со слов своего похитителя и тех семейных фотографий бесчисленных праздников и поездок, что он ей показывал.

Вальтрауд Приклопиль была в конечном счете эталоном, по которому Вольфганг судил о женщинах. Пришел он к выводу или же нет, что за все те годы, что они разделили вместе, Наташа Кампуш приблизилась к этому идеалу совершенства, — тайна, которую он унес с собой, приняв смерть в одиночестве.

Все появления на людях, полицейская проверка на дороге, неудачные попытки предупредить персонал магазинов, что она хочет освободиться от оков последних восьми лет, показывают, что Наташа оставалась верна обещанию, данному самой себе в двенадцать лет, — однажды она будет свободной. Однако упущенные возможности для побега станут камнем преткновения в первые же недели свободы, когда таковая наконец-то настанет, и поднимут вопросы, почему она решила положить конец своему заключению именно тогда, когда она сделала это.

Пытаться представить, что происходило в мозгу Приклопиля в течение этих долгих лет, едва ли возможно. Известно очень мало. Однако Приклопиль, чьи чувства остановились в развитии раздорами с отцом в детстве и исключительной зависимостью от матери, продолжал посещать небольшое придорожное кафе под названием «У Кристины» в течение всего периода Наташиного заточения. Быть может, он, опираясь на стойку, слушал, как ее отец стенает из-за отсутствия сдвигов в расследовании, подслушивал, как завсегдатаи обсуждают горе семьи, и смотрел, как желтеет лицо Наташи на плакате «Пропала без вести».

Ничто, однако, так и не поколебало его уверенности, что награда стоит всей боли — боли других людей.

В поисках ответов полиция сосредоточила свое внимание на компьютере «Коммодор 64», обнаруженном в доме Приклопиля. Из-за человека, обладавшего непомерными познаниями в технике, выписывавшего десяток технических журналов и напичкавшего свой дом последними достижениями в системах сигнализации, сиренах, датчиках и прочих устройствах безопасности, этот компьютер остается, как и сам владелец, непростой загадкой.

По всем показателям компьютер был устаревшим. Машина

бежевого цвета была популярна в 80-х годах, сегодня же считается антиквариатом, хотя ее все еще используют на кое-каких вечеринках электронной музыки и ее обожают любители ретрокомпьютеров. Уже сам возраст компьютера является для полиции проблемой, как его взломать, ибо его память функционирует совсем не так, как у современных ноутбуков или персональных компьютеров. Любая попытка скачать его секреты приведет к потере некоторых данных: детективы надеются, что это не уничтожит ключевые улики — если они существуют, — как он выбрал в качестве жертвы Наташу, как он готовился к этому психически и физически. У «Коммодора 64» существует внешняя память в виде дискет или кассет, и в настоящее время полиция консультируется с экспертами по электронике относительно лучшего способа разрешения вопроса по извлечению его секретов.

А секреты там должны быть. Эксперты и полиция пришли к выводу, что Приклопиля принадлежал к одному из двух типов — был либо педофилом, либо обычным сексуалом. Последнее уже практически исключено, что оставляет следователям лишь тот вариант, что он был сексуальным падальщиком наихудшего типа.

Теоретическое осмысление расстройства Приклопиля достигается посредством клинических исследований педофилии. Педофилы редко действуют в одиночку. Сама та тяга, что влечет их к запретным объектам своего желания, по своей природе влечет их и в тайный мир родственных хищников. Возбуждение достигается при помощи фотографий тех, кого они насилуют, держат в плену или мучают как-то по-другому. Фотографии и фантазии, которые они порождают, для педофилов сродни высокооктановому топливу. Сотрудники правоохранительных органов, непосредственно связанные со следствием, поведали авторам, что именно такие снимки они и продолжают искать. До сих пор неизвестно, подвергалась ли Наташа сексуальному насилию, сама же она отказалась отвечать на вопросы касательно «интимных личных дел», однако в изучении аналогичных индивидуумов и того, на что они способны, дабы от подобной ужасной судьбы уберечь и других детей, психологический портрет Приклопиля весьма важен и значителен.

Кристоф Йозеф Ахлерс, видный немецкий психолог, лечащий педофилов в прославленной клинике «Шарите» в Берлине, подчеркнул исключительный характер дела:

Дело Кампуш согласуется с моделью, хорошо известной по исследованиям педофилии, когда педофил похищает маленькую девочку и живет с ней на протяжении нескольких лет.

Подобное не является необычным и происходит очень часто, но

только в воображении педофила. До этого самого дня я еще не слышал, чтобы такая фантазия ко-гда-либо воплощалась в действительность. Наиболее схожие попытки длились лишь короткий период времени, и многие заканчивались смертью жертвы.

Причина этого, вероятно, в том, что воплотить такого рода фантазию и выйти сухим из воды весьма трудно, если не невозможно. В этом смысле озадачивающее дело Кампуш есть событие уникальное во всем мире.

Еще десять лет назад педофилия была запретной темой, редко когда широко поднимавшейся в средствах массовой информации. Препоны для историй, разоблачающих растление малолетних дома, в школе и конгрегациях по всему миру и приводящих к расследованию и уголовному преследованию, исчезли лишь после дела Дютру в Бельгии — чудовища, державшего детей в подвале, насиловавшего их и предлагавшего для того же самого своим друзьям. Полиция полагает, что широкое освещение, которое получило дело Дютру, возможно, разожгло желания Приклопиля и подтолкнуло его к переходу от мечтаний к действиям.

«Я была строптивой маленькой госпожой», — сказала Сабина Дарденн, одна из выживших жертв Дютру. Таковой, по общим отзывам, была и Наташа Кампуш. Ее воспитательница из детского сада, смотревшая телевизионное интервью с ней, подтвердила это. В одном эпизоде она заметила, как Наташе, по-видимому, пришлось бороться с силами, чтобы сдержаться, когда ей не понравилась форма заданного вопроса. «Вот такой я и помню ее, всегда импульсивной, всегда желающей оказаться правой», — говорила она.

Детская строптивость, уверенность в себе, кротость или податливость — ничто не оправдывает педофилию. И все же Наташа настаивает, что все, что было между ними, происходило по согласию, чего, конечно же, быть не могло. Если имело место принуждение к сексуальным действиям, то оно, с юридической точки зрения, не могло произойти по согласию до шестнадцатилетия. Далее, если и были какие-либо согласованные деяния, проблема согласия должна морально оправдываться тем фактом, что эта девочка удерживалась в качестве заложницы в таких чудовищных условиях.

Сам Вольфганг Приклопиль считал, что его деяния с этой маленькой девочкой в течение 3096 дней заслуживают никак не меньше чем смерти — это уж точно.

Значительная часть индивидуумов с данным расстройством

подвергалась в детстве сексуальному насилию. Есть и такие, кто утверждает, что педофилия может также происходить из чувства неполноценности по отношению к сверстникам, вследствие чего проистекает перенос полового влечения на детей. Данное расстройство характеризуется либо интенсивными сексуально возбуждающими фантазиями, половым влечением, либо поведением, затрагивающим сексуальную активность с ребенком обычно тринадцати лет или младше. Чтобы подпадать под этот термин, индивидуум должен быть по крайней мере шестнадцати лет и старше ребенка по меньшей мере на пять лет.

Общепринято, что педофилия не является болезнью и не может «излечиваться», — поэтому, по определению, она является маниакальным образом поведения на всю жизнь. Вследствие этого всегда будет существовать риск, что личности, которым она приписывается и которые уже были осуждены за соответствующие преступления, могут вновь пойти на преступление.

Педофилов обычно привлекают дети определенного пола, хотя некоторых влечет и к детям обоих полов. В случае влечения к мальчикам, как правило, это мальчики в возрасте до полового созревания, хотя бывают и исключения. В случае же девочек, большинство педофилов привлекают девочки от одиннадцати до пятнадцати лет.

Педофилы, как показывает судебная практика, часто вступают в половые отношения с большим числом детей. На сегодняшний день нет никаких указаний на то, что Приклопиль когда-либо имел подобные контакты с другими детьми. Однако по медицинским и криминальным исследованиям хорошо известны так называемые ситуационные совратители: люди, которые могут испытывать половое влечение к определенному ребенку, но необязательно их половое влечение распространяется на детей вообще, — попросту говоря, которые фокусируются на одной-единственной жертве и становятся одержимыми ею.

Судя по имеющимся на настоящее время свидетельствам, Вольфганг Приклопиль в точности отвечает требованиям ситуационного совратителя.

Главный герой «Коллекционера» не единственный литературный персонаж, с которым напрашивается сравнение Приклопиля. Печально знаменитый литературный вымысел, вышедший из-под пера одного из величайших романистов двадцатого века, превосходно раскрыл как раз одного такого «ситуационного педофила» и стал художественным эталоном в анализе расстройства педофилии, И он волнующе близок к австрийской истории, от которой стало дурно всему миру.

Мог ли Приклопиль быть австрийской пролетарской версией, вероятно, самого знаменитого литературного педофила, профессора Гумберта Гумберта из скандального шедевра Владимира Набокова, романа 1955 года «Лолита»?

Мелочный и педантичный, ненормальный педофил Гумберт и вправду до некоторой степени обладает жутким сходством с невидимкой из Штрасхофа. В детстве Гумберт из-за смертельной болезни потерял свою возлюбленную, и у него появилась и развилась пожизненная извращенная тяга — вопреки его во всем остальном разборчивому характеру — к тем, кого он называл «нимфетками»: девочкам в возрасте до полового созревания, представлявшимся ему сексуально притягательными.

Однако Гумберт, как и Приклопиль, становится одержимым одним-единственным ребенком, своей двенадцатилетней падчерицей Долорес Гейз, или Лолитой. Он женится на матери Лолиты, Шарлотте, единственно для того, чтобы быть ближе к Лолите, и в конечном счете совращает девочку, когда ее мать насмерть сбивает машина.

Поскольку мать девочки ему уже не мешает, Гумберт отваживается на педофильские отношения с Лолитой, выдавая себя за ее отца. Почти так же, как и Приклопиль, Гумберт превращается в полнейшего параноика, опасаясь погони и возможного разоблачения, и его изводят ревность и страх лишиться своей драгоценной добычи из-за другого мужчины. Однако, вместо того чтобы запереть девочку, которую он вырвал из нормальности, он начинает с ней путешествие — другая разновидность похищения, — переезжая с одного места на другое в надежде, что сможет спрятать свое преступление от общества.

Хотя подсознательно Гумберт и понимает, что его попытка создать подобный брачному союзу со своей малолетней жертвой обречена, он, как и его приземленный двойник из реальной жизни Приклопиль, отчасти преуспевает в том, чтобы стать для Лолиты другом и отцом, равно как и любовником. Эксперты предположили, что в своих сложных взаимоотношениях с Наташей Приклопиль исполнял роли «отца, брата, друга и, весьма вероятно, любовника».

С помутненным разумом и волей, поглощенной нездоровой страстью, Гумберт постепенно доходит до того, что начинает исполнять каждую прихоть Лолиты, но в конце концов ее все-таки уводит другой педофил. После поисков, которые затягиваются на несколько лет, он в последний раз видится с Лолитой, уже семнадцатилетней, замужней и беременной. Однако его извращенная страсть уже прошла: теперь Гумберт видит лишь тень той нимфетки, каковой он когда-то ее себе представлял, ибо

как взрослая женщина она его больше не привлекает.

Несмотря на существенное отличие — Лолита не содержалась в заключении, ее похититель не наказывал ее жестоко, когда считал это необходимым, — параллели между вымышленной и реальной историями поразительны. Как и Лолита, Наташа со временем научилась обращаться со своим тюремщиком и даже контролировать определенные ситуации — например, когда она, по ее словам, «заставила» его отмечать Рождество и дарить ей подарки.

Гумберт утрачивает свое бесовское влечение к Лолите, когда ребенок становится женщиной. Ведущие психиатры и даже сама Наташа предположили, что и Приклопиль ближе к концу был просто уничтожен тем фактом, что его некогда беззащитная жертва превратилась в девушку, во многих отношениях сильнее его самого.

Быть может, и он, подобно Гумберту, несколько утратил свое влечение к ней, осознав, что его безумным фантазиям уже никогда не суждено стать реальностью.

Она выросла. Зеркало треснуло. Чары спали.

«Он не смог справиться со все более независимой, взрослой женщиной, которой она стала, и я уверен, что он хотел как-нибудь от нее избавиться», — сказал один психиатр, добавив, что Приклопиль, вероятно, «сознательно или бессознательно хотел, чтобы она сбежала».

По мере того как Лолита все более отдаляется от своего патологического тюремщика, тот пытается запугать ее, что во внешнем мире лучшего выбора у нее не будет, — так же как пытался и Приклопиль, порой не без успеха, привить Наташе свои параноидные, безумные идеи. Однако в определенный момент Гумберт произносит то, что теперь может представляться зловещим предсказанием Наташиного настоящего, — еще один пример, как жизнь следует за вымыслом.

Гумберт говорит Лолите: «Просто говоря, если нас с тобой поймают, тебя проанализируют и заинтернируют, котенок мой, *c'est tout*. Ты будешь жить, моя Лолита будет жить <.. > под надзором уродливых ведьм. Вот положение, вот выбор. Не находишь ли ты, что, при данных обстоятельствах, Долорес Гейз должна оставаться верной своему старому папану?»^[16]

Для раскрытия секретов Приклопиля необходимо использовать высокотехнологичное оборудование, однако, чтобы выслушать рассказ Наташи о том, как она проводила время в заточении, в особенности месяцы между февралем и августом 2006, когда она вкусила некое подобие свободы, экспертам оно не

требуется. Для этого им нужно бесконечное терпение и внимание.

История Наташи выходит за рамки опыта профессора Бергера и его команды психиатров. Ибо то, через что она прошла, было уникальным, и, когда они приступили к ее лечению, нужных учебников не оказалось.

«У нас не было опыта, которому мы могли бы следовать, — поведал профессор Бергер. — Для кого-то вроде Наташи не было описания из учебника — она сама его написала».

В научном мире не существует записей ни о преступнике с психологическим портретом Приклопиля, ни о жертве, чье испытание было бы сопоставимо с тем, что Наташе пришлось переносить на протяжении почти десятилетия.

«Мы можем кое-что узнать из проводившихся в 50-х и 60-х годах исследований эмоциональных травм бывших узников концентрационных лагерей», — продолжил Бергер, добавив, что повествование 1945 года известного венского психиатра доктора Виктора Э. Франкла, как он выжил в Освенциме, самом страшном лагере смерти, будет весьма ценным в залечивании психических травм Наташи.

В своей книге «Человек в поисках смысла» доктор Франки приводит страшное описание выживания в лагере смерти, существования между «растительной жизнью» и «внутренней победой», и подробно описывает, как «ненормальная реакция в ненормальном положении» медленно становится «нормальным поведением».

Будучи заключенным Освенцима и ожидая, что каждый день может стать для него последним, доктор Франкл разработал собственные умственные упражнения, во время которых он мысленно разговаривал сам с собой на протяжении нескольких часов, а также анализировал и проигрывал на вид не относящиеся к делу будничные ситуации, в которых оказывался до заключения в лагерь. В то же время он никогда не вычеркивал из сознания постоянную угрозу смерти, таившуюся в каждой секунде его неволи.

Доктора говорят, что именно этим путем Наташа и шла с самого первого дня. Ей постоянно приходилось опасаться за собственную жизнь, когда Приклопиль запер ее за стальной дверью в бетонном подвале, который легко мог стать ее могилой, случись что-ни-будь с ее похитителем. Однако в отличие от выживших узников концлагерей невинному ребенку приходилось также опасаться и за жизнь своего тюремщика, поскольку он неизменно повторял, что покончит с собой, если она попытается сбежать.

Психолог Филипп Шварцлер из венского Центра защиты

детей тоже сравнивал положение Наташи с положением жертв наихудшего рукотворного ужаса двадцатого или любого другого века — заключенных концентрационных лагерей. «Люди действуют посредством жажды выжить, которая проявляется в самых ужасных ситуациях», — сказал Шварцлер.

Он продолжил: «Для этого психика обращается к защитному механизму: прекращение мышления, отделение всего страшного и избавление от него. Никто не может жить в постоянном сопротивлении, потому как это лишь усугубляет мучения. Жить с чем-то невыносимым, несомненно, опасно, однако в кризисных ситуациях это необходимо для выживания».

А Кристоф Ступпак, главный врач Университетской психиатрической клиники в Зальцбурге, заметил, что «стокгольмский синдром» выражен столь ярко в деле Наташи Кампуш главным образом как раз по этим причинам. «Отождествляться с противником есть стратегия выживания. Если нельзя победить врага, тогда проявляется общность с ним», — объяснил он, указывая, почему она была не способна сбежать в предыдущих случаях, даже если тогда и подворачивалась какая-то малейшая возможность.

«Когда есть только один человек, к которому можно привязаться, то способность к общению утрачивается, — говорит Ступпак. — Она была лишена всего того опыта, что накапливается у человека по мере взросления».

Шварцлер также утверждает, что способность привязываться и устанавливать взаимоотношения может быть восстановлена. Однако даже с самым лучшим лечением мучения Наташи стереть полностью невозможно. «Ей придется научиться жить с этим. Это отнимет много, очень много времени».

Однако психологическое превосходство Наташи очевидно. Когда доктора Бергера спросили, действительно ли она из них двоих была сильнее, он лишь ответил: «На это есть простой ответ: ее спасение и есть доказательство ее силы. Она жива, а он мертв».

Глава 7

ПОБЕГ

Вольфганг Приклопиль спланировал и осуществил похищение Наташи Кампуш с точностью инженера, каковым он и был. Напротив, ее решение освободиться из его лап 23 августа 2006 года было таким же спонтанным, какими и должны быть решения восемнадцатилетней девушки, выбирающей новую ленту для волос или же оттенок блеска для губ. Импульс, а не планирование подсказал ей, что ее день настал.

До этого она уже несколько раз подходила к садовой калитке на Хейнештрассе, 60, — к этому настороженному, молчаливому часовому, охранявшему владения ее тюремщика, — полная решимости пересечь границу, отделяющую планету Приклопия от всей остальной вселенной, только для того, чтобы вернуться на его чуждую орбиту. Ее затягивали назад противоборствующие силы страха, мрачных опасений и, быть может, некоторой привязанности к выростившему ее мужчине.

Может, даже любви?

Множество раз она пыталась, хотя и безуспешно, попасться на глаза незнакомцам в магазинах, обращая к ним умоляющий взгляд или улыбку, которую старалась изобразить настолько схожей с улыбкой на своей школьной фотографии, насколько могла. Она рыдала в отчаянии, мечтала о родителях, записывая свои сокровенные чувства в тетради, которые ей удалось сохранить в тайне от него, — и вот теперь, в этот день, в 12.53 по центрально-европейскому времени, ей улыбались все боги. Вольфганг Приклопиль решил, что денек достаточно хорош, чтобы навести лоск на свою машину.

Точнее, он решил, что день хорош, чтобы позволить своей собственности привести для него в порядок машину. Никаких усилий для него, а для нее возможность подышать свежим воздухом на воле. Что может быть лучше?

Для Наташи настало время повзрослеть и убежать.

Погода стояла хорошая. Наташа получила пылесос и, как и всегда, услышала, что он будет «прямо за тобой». Как будто ей требовалось напоминание. Он был аурой, вездесущим, готовым наброситься, когда бы его иллюзия обладания этой совершенной женщиной-ребенком ни подверглась опасности.

В итоге фанатик техники оказался побежден самым важным из персональных технических средств двадцать первого века — мобильным телефоном.

Он ответил на звонок, пока Наташа делала то, что ей было приказано: сначала чистила водительское сиденье его любимого BMW, затем перебралась к переднему пассажирскому и, наконец, к заднему. Звонивший наводил справки насчет аренды квартиры на Халлергассе, которую Приклопиль ремонтировал с Наташиной помощью.

Из-за шума пылесоса и плохого приема на том месте, где он стоял, Приклопиль на минуту оставил свой пост. Он был поглощен разговором с молодым австрийским специалистом по информационным технологиям, расспрашивавшим о квартире, когда она будет готова и сколько он хочет за ее аренду.

Звонивший, сам того не зная, освободил девушку из заключения. Элементарное дело с банальным человеком разорвало цепи, сковывавшие ее более восьми лет.

Позже полиция перезвонила начальнику Вольфганга и рассказала, как невинное дело о месте для жилья его служащего положило конец кошмару Наташи, ее семьи и каждого, кто о них беспокоился. Господин К. — по его просьбе полиция не обнародовала его полное имя — до сих пор изумляется своей роли в этой истории:

Я искал квартиру, которую можно было бы снять, и нашел в Интернете объявление о квартире на Халлергассе в венском районе Рудольфсхайм.

Господин Приклопиль ответил на мой звонок почти сразу. Однако я на самом деле полагал, что разговариваю с господином Хольцапфелем. Я помню этот разговор очень хорошо, хотя сделал в тот день множество звонков, потому что он был одним из немногих, кто был со мной вежлив. И он производил впечатление серьезного человека.

Он закончил разговор совершенно нормально, мы договорились встретиться в пятницу вечером. Он совсем не нервничал, не был как-то возбужден. Разговор длился всего лишь несколько минут.

Я счастлив, что помог ей, хотя уверен, что рано или поздно она все равно избавилась бы от этой тирании. Я считаю, что ее нужно оставить в покое. Надеюсь, она сможет зажить нормальной жизнью. И я не хочу, чтобы меня переоценивали, я всего лишь маленький винтик в ее истории.

Отнюдь нет. В саге он был чертовым колесом, которому случилось остановиться в нужном месте в нужное время.

Когда Наташа всего лишь через четырнадцать дней появилась на телевидении в одной из самых популярных программ, когда-либо выходивших в Австрии, она, все еще едва способная что-

либо объяснить, призналась: «Я просто знала, что если не сейчас, то, быть может, уже никогда. Я посмотрела на него. Он стоял ко мне спиной. Как раз за несколько минут до этого я сказала ему, что больше не могу так жить, что попытаюсь сбежать. Да, подумала я, если не теперь...»

И все же, когда она закрывала дверь в его жизнь, это была тем не менее совместная жизнь, жизнь со своими яркими моментами, нежностью, слезами, смехом — полным спектром человеческих эмоций, разделенным на 74 304 часа, не все из которых были совершенно несчастными. По ее собственному признанию, Приклопиль уберег ее от наркотиков, курения, плохих людей, неправильных решений. Какой бы искаженной ни была ее аргументация, в ее сердце, в ее разуме всегда будет место для человека, с которым она в этом плавании по жизни «сидела в одной лодке».

Даже в те наносекунды, за которые рецепторы ее мозга включились и велели ей бежать, если она хочет обрести свободу, рачительная черта Наташи тоже взывала к ней:

Также я очень беспокоилась, что разрушатся представления о нем у его матери, близких друзей и соседей. Я имею в виду, что для них он был милым и внимательным человеком. Всегда дружелюбным и всегда корректным. Я не хотела таким образом разочаровывать его мать, показывать ей другую сторону ее сына. Он всегда говорил мне, какие чудесные у них отношения. Что она любит его, а он ее.

Мне и вправду очень жаль госпожу Приклопиль. Что ее представления о сыне оказались разрушенными. И что в тот день она лишилась всей веры. Своей веры в сына. И самого сына.

И в этот день господин Приклопиль сделал из меня... Что ж, я полностью отдавала себе в этом отчет, потому что была той самой, которая сбежала, я знала, что приговорила его к смерти, потому что он постоянно угрожал совершить самоубийство. Но в тот день он превратил меня — так же как и человека, подвезшего его до станции, так же как и машиниста — в убийцу.

Однако важное решение было принято, и Наташа побежала. На фоне гула пылесоса и повернувшегося к ней спиной похитителя она воспользовалась единственным шансом и помчалась стрелой. В ее мозгу промелькнули предыдущие, неудавшиеся попытки освободиться.

«Однажды я хотела выпрыгнуть из машины на ходу, но он крепко схватил меня и дал газу, так что меня бросило на дверцу», — позже расскажет она. На этот раз она удостоверилась,

что он ее не достанет.

У нее ушло несколько минут, чтобы перебраться через изгороди по соседским садам и достичь двери почтенной дамы, ошеломленной и подозрительной. Наташа, быть может, и была недокормленной, с кожей нездорового цвета, но не дрогнула. Она боялась, что если за ней идет Приклопиль, то эта старушка, которую она через окно умоляла вызвать полицию, будет мертва. Вот как она вспоминала свой побег:

Для меня это было вечностью, хотя в действительности все длилось десять-двенадцать минут. Я просто побежала по садам, перепрыгивая через множество изгородей. В панике двигалась по кругу, высматривая, есть ли где-нибудь люди. Сначала позвонила в дверь того дома, но звонок почему-то не сработал, и затем увидела какое-то движение на кухне.

Я должна была ясно и точно дать понять — у меня крайняя необходимость. Та женщина была очень поражена, поэтому никак не могла сообразить, что к чему. Она все твердила: «Я не понимаю, я не понимаю». Она повторяла это снова и снова: «Я ничего не понимаю».

Она не впустила меня. На долю секунды я изумилась. Однако разрешить войти в свой дом совершенно незнакомому человеку — нужно понять ту женщину в маленьком домике, у которой к тому же больной муж.

Пожилая дама, чье полное имя полиция средствам массовой информации не раскрыла, позже рассказала: «Она вдруг оказалась перед моим кухонным окном. Вся в панике, бледная и трясущаяся. Она спросила меня, есть ли у меня какие-нибудь старые газеты за 1998 год, но я так и не поняла, кто она такая, пока не приехала полиция.

Я думала о ней всю ночь. У нее не было детства, и ей пришлось стать девушкой совершенно самостоятельно».

Пока Наташа ждала, она все боялась, что вот-вот появится Приклопиль.

Я не могла позволить себе даже спрятаться за кустами, Я боялась, что преступник убьет хозяйку, или меня, или нас обеих.

Это-то я и сказала. Что он может нас убить. Но женщина все еще была напугана и не разрешала мне ступить на ее крохотную лужайку. Я была потрясена. Чего я действительно опасалась, так это приезда местной полицейской машины из участка соседнего Гензерндорфа. Я хотела говорить только с человеком, ответственным за «дело Наташи Кампуш».

Появились двое полицейских. Я сказала, что меня похи... нет, что я сбежала и что меня держали в заточении восемь лет.

Заключался ли какой-либо смысл в том, что она оборвала слово «похитили»? «Похи...» Оно незакончено, равно как и отказ сообщить, где по пути останавливался водитель белого фургона, выбравший именно ее.

Впоследствии вся сложность отношений, что у нее сложились с Приклопилем, приведет в замешательство людей, полагавших, что эта история была просто поучительной сказкой о добре, в конечном счете победившем зло.

Прибывшие полицейские действительно оказались местными, более привыкшими иметь дело с угнанными машинами, нежели с похищенными детьми.

Они спросили, как меня зовут, когда я родилась, мой адрес и так далее. Я отвечала на все вопросы. Естественно, все это было не очень-то здорово. Они немного растерялись, повторили мое имя, покачали головами, подумали немного и наконец сказали: «Это имя нам ни о чем не говорит».

Потом они повторили по рации всю полученную от меня информацию. А затем я все время убеждала их как можно быстрее отправиться со мной к их машине. Я просто не пойду через сад к машине, твердила я им.

Что бы годы изоляции с Приклопилем ни сотворили с Наташей Кампуш, они, помимо прочего, привили ей чувство собственной грядущей значимости как медиа-звезды. В те первые моменты в безопасности и на свободе она попросила лишь одеяло, чтобы накрыть им голову. «Как только я оказалась в полицейской машине, я потребовала одеяло, чтобы никто не видел моего лица, и меня нельзя было сфотографировать. Я подумала, что меня может сфотографировать через садовую ограду какой-нибудь раздраженный сосед, а потом продать снимок, — говорила она. — В принципе я всегда способна быстро реагировать на ситуацию. Я знала, что не могу позволить себе совершить какую-либо ошибку».

Когда ее привезли в местный полицейский участок, жизнь Вольфганга Приклопиля уже медленно вела обратный отсчет.

В машине, изъясняясь на великолепном немецком, которому она научилась за годы слушания радио, она рассказала полицейским, где ее держали и кто был ее тюремщиком. Развернулась крупномасштабная полицейская операция. На протяжении многих лет они обманывали ожидания Наташи, из-за

просчетов и их неэффективных действий она потеряла юность. Теперь они ее не подведут, обещали они. Но подвели — по крайней мере в ее глазах.

За несколько минут были мобилизованы сотни полицейских. Движение в северо-восточной части столицы было парализовано — буквально десятки полицейских машин перекрыли дороги, а в районе дома в Штрасхофе завис вертолет. Все важные транспортные артерии были блокированы, равно как и все подъезды к границам, создавая многокилометровые заторы на улицах вроде Ваграмер-штрассе и S2 в городе и на автомагистрали A23. Приграничная полиция получила регистрационные номера автомобилей Приклопиля.

В полицейских участках открыли запертые оружейные сейфы и раздали автоматическое оружие с дополнительными обоймами. Были подтянуты специально обученные особые подразделения полиции. Приклопиль превратился в нечто большее, нежели просто в преступника в бегах, еще одного правонарушителя. Для работников правоохранительных органов он был ходячим воплощением зла, тем, кто водил их за нос почти десятилетие.

Эрих Цветтлер из полиции Вены отчитался: «Мы накрыли почти весь восток Австрии, чтобы предотвратить любые попытки побега через границу. Мы задействовали все, что у нас было, сотни полицейских». Когда распространилась новость, что исчезнувшая маленькая девочка восстала из мертвых, и об этом заговорила пресса, радиостанции оповестили о деталях поисков Приклопиля. Это принесло результат. Водители, запертые в пробках, образовавшихся из-за полицейской операции, начали звонить в полицию, сообщая, что видели BMW с Приклопилем за рулем, несущимся словно безумец по улицам столицы.

Моторизованный патруль заметил его автомобиль около Брюннер-штрассе — района с многоэтажками вроде той, где когда-то жила Наташа, — и попытался преследовать его, но не смог тягаться с его двенадцатицилиндровым BMW. Благодаря его вниманию к мелочам его автомобиль постоянно находился в прекрасном рабочем состоянии, и он мог разогнаться до скорости свыше 140 миль в час. Вскоре после этого ему удалось ускользнуть и от второго патруля, попытавшегося погнаться за ним близ Эрцгерцог-Карл-штрассе.

Господин Заурядность умел водить, скажет позже полиция, несколько сконфуженная, что похититель оказался не по зубам специально обученным полицейским, прошедшим курсы по преследованию нарушителей скоростного режима.

Кристина Палфрадер, чье придорожное кафе сыграло

центральную роль в драме, видела несущийся по улице в направлении от Штрасхофа BMW Приклопиля. Позже она вспомнила, как он на высокой скорости сделал крутой поворот на перекрестке, где располагается ее кафе.

Это было как в кино, он подъехал на огромной скорости, а затем сделал резкий левый поворот и на секунду остановился как раз напротив моего кафе. Я ясно видела его лицо. Его лоб покрылся испариной, но выглядел он невозмутимым, и ему понадобилась доля секунды, чтобы решить, куда ехать.

Я думаю, он услышал полицейские сирены, приближавшиеся издали, и быстро съехал на боковую дорогу. Эту небольшую дорогу знают только местные. Это его и спасло, потому что так он поехал бы прямо на них, на заграждение, которое они установили на главной дороге. Они схватили бы его, и у него не было бы возможности покончить с собой.

Он несомненно был классным водителем, раз проделал все это и не потерял на огромной скорости управления такой большой машиной. Пахло горелой резиной, наверное, от покрышек; мы потом увидели на дороге его тормозной след.

Другим свидетелем погони был Крис Уайт, двадцати шести лет, британский сотрудник ООН, офисы которой располагаются в пяти минутах езды на метро от того места, где был найден автомобиль Приклопиля. Он описывал полицейскую акцию так:

Была среда, и я, как обычно, по дороге домой с работы остановился в торгово-развлекательном комплексе «Донауплекс» перекусить, выпить пару кружек пива и поиграть в бильярд с друзьями. Вдруг я поднял глаза и увидел, что место наводнено десятками полицейских, их было по крайней мере пятьдесят. В этот момент позвонил мой папа и сказал, что услышал по радио экстренное сообщение о той девочке, которую похитили, когда я был совсем юным, и что полиция окружает торговый центр, в котором я нахожусь. Я вышел из бара, чтобы лучше его слышать, и увидел полицейских по всему зданию, явно кого-то искавших и быстро переходящих из одного бара в другой. Я также заметил десятки полицейских машин, стоявших снаружи, и копов, направляющихся вниз, чтобы обыскать большую подземную автостоянку.

Несмотря на десятки заградительных постов и брошенную на поимку уже почти тысячу полицейских, которым помогало население — предупреждения и сообщения поступали едва ли не

ежесекундно, — Приклопилю удалось остановиться на подземной автостоянке крупного торгового центра «Донауштадт». Он вернулся в район, где все началось. Где все и закончится.

Крушение его замыслов началось с того телефонного звонка, который позволил Наташе сбежать. Теперь настал черед Приклопиля попытаться заключить мир с тем единственным человеком, которого он считал своим другом. Последнее изображение живого похитителя, как раз перед его звонком Эрнсту Хольцапфелю, было сделано камерой видеонаблюдения над информационным табло торгового центра. Камера дает вид сверху сдержанного Приклопиля, за его спиной снуют дети и покупатели. Он не выглядит зловеще, лишь напряженно.

Через несколько минут он позвонил своему деловому партнеру. «Пожалуйста, помоги мне, приезжай скорее», — раздалось бормотание в трубке Хольцапфеля.

Позднее, в своем единственном заявлении об отношениях с Приклопилем, когда он рассказывал о встрече с ним и Наташей, Эрнст Хольцапфель поведал и об этом телефонном разговоре с человеком, которого когда-то называл другом, — с человеком, о котором он, как думал, знал все.

В то утро я уже разговаривал по телефону с господином Приклопилем об аренде отремонтированной квартиры в 15-м районе. Он снова позвонил мне днем и сказал: «Я в „Донауцентрум“ у старой почты. Заедь за мной, пожалуйста. Это срочно. Пожалуйста, выезжай немедленно».

Он казался возбужденным, поэтому я не стал задавать вопросов и отправился к «Донауцентрум». Он сел в машину, как только я появился, и сказал, чтобы я ехал по Ваграмер-штрассе в сторону города. Еще он сказал: «Пожалуйста, трогай, потом объясню». Так что мы проследовали по Ваграмер-штрассе за станцию на Дрезденерштрассе в 20-м районе. Там мы нашли автостоянку. Он попросил меня выключить мобильный телефон, чтобы мы могли спокойно поговорить.

Он рассказал, что был пьян и промчался на скорости мимо полицейского поста. Он очень нервничал и повторил несколько раз: «У меня отнимут права. Без машины будет тяжело. Я больше не смогу навещать мать». Я пытался его успокоить. Я знал, что машины и водительские права для него были «священны». Я был знаком с ним довольно давно, и потому его объяснения не вызвали у меня сомнений. Он был очень возбужден, я никогда не видел его таким прежде. Поскольку он обычно никогда не употреблял алкоголь, я решил, что это вызвано выпивкой.

Я попытался успокоить его, заговорив о работе. Мы долго

обсуждали ту квартиру и недоделки, которые еще предстояло закончить. Мы поговорили о возможной арендной плате и подсчитали доход. Все это как будто действительно его успокоило. Я пытался убедить его, что ему нужно сдать самому, и тогда, быть может, его лишат прав всего на несколько месяцев. Он пообещал так и поступить и вышел на Дрезденерштрассе. Поскольку я знал его как человека, на которого можно положиться, я не сомневался, что он сделает то, что сказал.

Затем я поехал назад в многофункциональный зал, занялся кое-какой работой и встретился с клиентом. Где-то около десяти вечера, когда я шел к своей машине, ко мне подошли полицейские. Только на допросе мне рассказали об этом ужасном деянии. Я пришел в полнейшее замешательство, я даже не мог представить, что это правда. Я просто не мог поверить, что господин Приклопиль был способен на что-то подобное.

Также в полицейском участке мне пришлось опознавать господина Приклопиля по фотографии, сделанной после самоубийства. Это было ужасно, опознавать его.

Возможно, ему следовало сказать, что он опознавал то, что осталось от него. Двадцать третьего августа 2006 года, в 20.59, Вольфи выполнил свое обещание, данное Наташе, — он покончит с собой, если она когда-нибудь покинет его. Пассажиры пригородного поезда, направлявшегося к северному вокзалу города, рассказали, что почувствовали слабый «толчок».

В пределах видимости со знаменитого гигантского колеса обозрения в венском парке развлечений Пратер, на котором в киноверсии «Третьего человека»^[17] психопат Гарри Лайм спрашивает своего циничного бывшего друга Ролло Мартенса, пока они смотрят вниз на «точки» людей внизу, сколько стоит человеческая жизнь, Вольфганг Приклопиль закончил свое мученическое существование под колесами поезда. Между станциями Пратерштерн и Трейзенгассе Приклопиль обезглавил себя. Его тело было сильно изуродовано, однако в кармане брюк вместе с другими личными вещами оказались ключи от его любимого BMW, который полиция нашла примерно за четыре часа до его самоубийства.

Что он делал четыре часа между тем последним телефонным звонком и самоубийством, остается загадкой. Никто так и не сообщил, что видел, как он выпивает в баре, сидит в парке или идет по улице. Словно призрак, каковым он часто бывал в жизни, огромные скопления народа так и не заметили его, пока истекали минуты до его смерти в одиночестве.

Все, что мы когда-либо узнаем о нем, будет преломлением

сведений из прошлого, подобно свету звезд в телескопе, от единственного человека, кто, пожалуй, действительно хорошо его знал.

Ибо он так долго руководил всем представлением. Он был главным актером, режиссером и продюсером тайной драмы в Штрасхофе. Теперь же занавес поднимался над Наташей Кампуш, мегазвездой.

С тех пор как Хайдер и его Партия свободы вошли в правительство в 2000 году, Австрия не видывала такого неистовства средств массовой информации. Когда весть о Наташином побеге и смерти ее похитителя попала в новостные ленты, Вена оказалась в центре беспрецедентной истории. Наташа Кампуш превратилась в принцессу Диану из простолюдинов: за ней охотился, ее преследовал и требовал информации падкий до сенсаций мир, собираясь насытиться подробностями происходившего за долгие годы ее заточения. Но по мере того как с луковицы снимали шелуху, госпожа Кампуш — как она требовала, чтобы к ней обращались во время интервью, — озадачила мир своими чувствами к собственному мучителю. Ее отношения с семьей также были поставлены под сомнение, и от обоих родителей последовали горькие обвинения, что Наташины специалисты укрывают ее от них и манипулируют ею, словно неким современным «Маньчжурским кандидатом»^[18], превращая в далекую и чужую.

Девочки в подвале больше не было: битва за ее душу, ее историю, ее разум и чувства только начиналась.

Первые несколько часов после побега она провела с полицейскими в Дойч-Ваграме, недалеко от дома на Хейнештрассе. Эрих Цветтлер из отдела по расследованию организованных и общеуголовных преступлений сообщил местной прессе, что Наташа «серьезно подвержена стокгольмскому синдрому», также появилось несметное число сообщений, приписываемых полиции, что она стала жертвой сексуального насилия.

Полицейский инспектор Сабина Фрейденбергер первой беседовала с Наташей и быстро с ней подружилась, укутав ее в свой китель и подарив часы. Она рассказала: «Она восхищалась моими украшениями и печалилась, что у нее никогда таких не было. Похититель говорил ей, что на это у него нет денег. Вот я и подарила ей свои часы».

Она добавила: «Наташа обладает обширным словарным запасом; похититель обучал ее, снабжал книгами. Также он

заявил ей, что выбрал именно ее. Если бы он не похитил ее в тот день, то сделал бы это в другой. Она оказалась очень словоохотливой. Рассказала мне всю историю от начала до конца. Она говорила, что целые дни только и делала, что слушала радио».

Женщина-полицейский заявила телекомпании ORF — той самой, посредством которой Наташа позже подаст собственную, тщательно отредактированную версию своего заточения и отношений с Приклопилем, — что она считает, что Наташа стала жертвой тяжкого сексуального насилия. Однако Фрейденбергер полагает, что сама Наташа не желает с этим соглашаться. «Ей это непонятно. Она все делала по собственной доброй воле», — добавила она. Скоро мутные воды станут еще грязнее.

Тем временем семью Наташи уведомили о ее возвращении. Когда ее отец Людвиг услышал новость, что его дочь жива и находится в Вене, он не выдержал: «Я надеюсь, надеюсь, так надеюсь, что едва могу это вынести, то есть я просто не могу в это поверить. Если это правда, то это будет величайшим событием из всех возможных». В семь часов того же вечера, менее чем за два часа до окончания срока жизни Приклопиля, в Криминальном управлении на Бергассе Наташа вновь воссоединилась со своим папой после восьми с половиной лет разлуки.

Согласно полицейским отчетам, когда Кох вошел, воцарилась долгая пауза, в течение которой отец и дочь смотрели друг на друга. Затем Наташа, на которой было лишь простое оранжевое платье до колена да туфли без каблука, в чем она и сбежала, вскочила и обняла отца за шею. Глава департамента полиции Хервиг Хайдингер рассказал, что они лишь обнимались и безудержно рыдали. Позже Людвиг Кох описал свои чувства: «Такое можно увидеть лишь в кино. Это было совершенно ошеломительно. Она упала в мои объятия и сказала, что любит меня. Потом спросила, остался ли у меня еще ее игрушечный автомобиль, ее любимый. Конечно, ответил я ей. У меня и куклы ее остались — все, что у нее были».

«Я никогда не переставал надеяться, — добавил Кох. — Но наконец-то получил облегчение. Она на сто процентов моя дочка. Для меня она как будто и не пропадала». Когда Наташа обнаружилась, ее мать Бригитта была в отпуске под Грацем, но уже через несколько часов вернулась в Вену для краткой встречи с дочерью.

Наташа оставалась вне поля зрения прессы две недели. От членов семьи и полицейских источников уже просочились кое-какие подробности, прежде чем круг специалистов по связям с общественностью и сметливые адвокаты начали пытаться скрыть

историю Наташи надежнее, чем Пентагон при ядерном нападении. Людвиг описывал свою дочь следующим образом: «Наташа истощена, у нее очень-очень белая кожа и синяки по всему телу. Мне невыносимо думать, как они появились. Она проживает в гостинице с женщиной-полицейским и психологом. Но мне сказали, что я могу видаться с Наташей когда захочу».

Австрийская полиция допустила фотографов в комнату, где содержалась Наташа. Комната, хотя и маленькая, выглядела почти как обычная детская, несколько в беспорядке, со светлорозовыми обоями, с разложенной повсюду одеждой, в том числе и весьма элегантным черно-серым комплектом, состоящим из юбки и блузки и висевшим на стене. Сервант был наполнен архивными папками ярких цветов, газетами и книгами, а рядом с кроватью висела красная дамская сумочка. Ошарашенный мир взирал на эту «тюрьму», но это был первый из множества примеров, когда Наташа жаловалась, что пресса «попирает» ее частную жизнь.

Детский психиатр доктор Макс Фридрих, который позже откажется разбираться с подозрительными детскими фотографиями обнаженной Наташи, возглавляет венскую Университетскую клинику детской психоневрологии, и на него в то время была возложена ответственность за ее душевное здоровье. Ей пришлось провести первый месяц своей свободы под опекой его команды, встречаясь с искалеченными душами вроде потенциальных самоубийц и больных анорексией, пока врачи пытались медленно и деликатно выяснить, что же с ней произошло и какова была природа ее взаимоотношений с Приклопилем.

По словам врачей, отметины на ее ногах являются скорее всего следствием кожного расстройства, нежели насилия. Данное утверждение было поддержано и ее матерью: «Они появились из-за недоедания, поскольку она получала практически одну лишь холодную пищу вроде бутербродов с ветчиной и никаких фруктов или овощей». Это совершенно не соответствует поздним заявлениям Наташи, что она готовила Приклопилю по рецептам из кулинарных книг, которые он покупал.

Госпожа Сирни добавила, что ей было очень тяжело увидеть по телевизору крошечную тюрьму Наташи. «Одежда в клетку, что висела на стене, — это платье, в которое Наташа была одета во время похищения. Наверное, она хотела, чтобы оно всегда было у нее на виду, — ведь это ее единственная связь с прошлой жизнью».

Больше подробностей удалось узнать от ее мачехи Георгины Кох, которая рассказала: «Ее первое желание — мобильный телефон. Мы пошли и сразу же купили его ей, хотя и не знаем,

сможет ли она им пользоваться. Она постоянно находится с психологами и полицейскими, даже когда у нее гости, там всегда кто-нибудь есть. Они даже не сразу разрешили принести нам ее детскую куклу».

Когда Людвиг спросили, не боится ли он, что похититель жестоко обращался с его дочерью, он ответил: «Он причинил ей достаточно зла. Мне хватило одного взгляда на нее, чтобы понять это».

Однако противоречивые чувства, которые Наташа испытывала к Приклопилю, обнаружились уже в первые часы ее свободы. Ей рассказали о его смерти на следующий день, и, по сообщениям как медицинских, так и полицейских источников, ее первой реакцией был яростный гнев на полицию за то, что они «позволили этому случиться», стремительно сменившийся глубокой скорбью. Она горько плакала. Доктор Бергер, детский и подростковый психиатр из Венского университета, являющийся одной из ключевых фигур в проводящемся психиатрическом лечении Наташи, заявил, что это «неудивительно», учитывая степень «близости», возникшей с человеком, подвергшим ее заточению.

«Конечно же, подобный опыт является очень тяжелой психологической травмой, особенно для такой незрелой личности, как Наташа, — прокомментировал профессор Бергер. — Здесь две стороны медали: с одной — жертва претерпевает страдания и боль из-за чинимого насилия, однако с другой — присутствует также и сильнейшая эмоциональная связь. Восемь лет, проведенные в обществе всего лишь одного человека, теперь вырванного из ее жизни, естественно повергли ее в шок».

Шокированными оказались и следившие за этими странными взаимоотношениями, когда выяснилось, что Наташа воздала дань почтения своему похитителю, проведя десять минут наедине с его телом в морге в Венском институте судебной медицины и поставив зажженную свечу перед закрытым гробом. При этом, что по его словам было «торжественной и глубоко личной скорбной церемонией, длившейся несколько минут», девушку сопровождал ее консультант-психиатр профессор Фридрих.

Местные средства информации предположили, что этот визит в морг был, вероятно, рекомендован профессором Фридрихом как часть примирения госпожи Кампуш с ее восьмилетним испытанием. Однако профессор Бергер заявил, что Наташа настояла на том, чтобы повидать гроб своего похитителя, поскольку ей не разрешили присутствовать на его похоронах — в неотмеченной могиле на неназванном кладбище.

«Она хотела пойти на похороны господина Приклопиля, —

рассказывал Бергер, — но я сказал ей, что это плохая идея, и отговорил ее. Тогда она отправилась в морг и попросила позволить ей провести десять минут наедине с его гробом». Ни он, ни профессор Фридрих, не говорили, плакала ли Наташа во время прощания, однако он подтвердил сообщения, что она действительно была разгневана на полицию, позволившую ему умереть. Он сказал: «Госпожа Кампуш винит себя в смерти господина Приклопиля и за те страдания, что обрушились на его мать. Она до сих пор испытывает чувство вины, но также и весьма разгневана на полицию, поскольку, по ее мнению, она дала ему умереть. Она обвиняет полицию в том, что та не предотвратила его самоубийства».

Вольфганг Приклопиль был похоронен в безымянной могиле в молчаливой церемонии без священника, в присутствии матери и сестры его делового партнера Эрнста Хольцапфеля Маргит Вендельбергер. Другими присутствовавшими на маленьком и безлюдном кладбище Лаксебурга в нескольких километрах к югу от Вены были примерно двадцать одетых в гражданское полицейских и два журналиста и фотографа, замаскировавшихся под служителей кладбища. Попытка сохранить в тайне последнее место обитания чудовища провалилась.

Церемония заняла лишь несколько минут. Две женщины тихо прочитали «Отче наш» и возложили красные и розовые розы и искусственный венок с надписью: «Последнее нежное „прощай“ от любящих тебя».

Новость о том, что Наташа скорбела у гроба Приклопиля и хотела пойти на его похороны, резко контрастировала с ее видимым безразличием к собственным родителям. Размолвка, которую ее знающие и дорогие юридические и медийные консультанты хотели сохранить в тайне, вскоре попала в газеты. И это вновь внесло свою лепту в то, что общественное мнение впоследствии обернулось против Наташи.

После освобождения Наташи ей был назначен психолог, как она и просила. Также она связалась с «Белым кругом» — организацией, занимающейся помощью жертвам насилия. Она узнала об их деятельности, слушая радио во время своего заключения.

Потом Наташа попросила связать ее с самым видным австрийским детским и подростковым психиатром профессором Максом Фридрихом, которого она также знала по его многочисленным интервью на радио. Профессор Фридрих немедленно взялся за работу, а затем пригласил профессора Эрнста Бергера и других экспертов-консультантов, чтобы те

занились различными аспектами ее лечения.

Алчное стремление прессы заполучить первые фотографии и интервью привело к людям, общавшимся с ее матерью, однако вскоре стало очевидно, что она не тот человек, с которым следует иметь дело, поскольку мать встречалась со своей дочерью после ее побега лишь раз. Наташа явно отдалилась от родителей и хотела проходить лечение без участия их обоих.

Затем Людвиг Кох попытался начать вести дела от лица Наташи и нанял посредника, Руперта Лейтгеба. Тот, однако, был оттеснен на второй план, когда выяснилось, что Наташе уже назначили собственного адвоката, доктора Гюнтера Харриша. Его пригласили психиатры, поскольку он уже сотрудничал с ними по другому делу австрийской девочки, которую мачеха держала в ящике.

Однако телефонные линии доктора Харриша тут же раскалились от звонков с предложениями дать интервью, вследствие чего был нанят профессиональный консультант — специалист по связям с общественностью и лоббированию Дитмар Эккер из фирмы «Эккер и партнеры», среди клиентов которой числится и Республика Сербия. Эккера пригласил профессор Бергер, поскольку они уже долгое время были друзьями.

Первый адвокат, доктор Харриш, отказался от работы уже примерно через неделю, признавшись, что дело его обременяет. «Я больше не могу им заниматься, — рассказывал он, — поскольку оно не оставляет времени для моих других клиентов. Также я не могу вести дело при таком невероятном давлении прессы. Я хотел бы приходить домой и не видеть десятков репортеров и телевизионных команд, осаждающих мою квартиру».

Доктор Харриш сам порекомендовал юридических представителей, работающих с Наташей и по сей день, — фирму «Лански, Ганцгер и партнеры», являющуюся одной из крупнейших австрийских юридических фирм, специализирующихся на законах о средствах массовой информации. Так начался процесс излечения — и торгашества — Наташи Кампуш. Неясно, какой из процессов пришел ей на ум первым, но спешка с назначением консультантов оставила в ее семье горький осадок.

Госпожа Сирни пожаловалась первой, что она едва виделась со своей дочерью с момента ее освобождения. «Дочери нужна ее мать», — говорила она, сетуя на медиков, пытавшихся объяснить всю глубину изоляции и смятения, испытываемых Наташей. «Почему мне нельзя увидеть своего ребенка?» — таков был заголовок одной из австрийских газет. «Наташа снова заперта — и это просто ужасает меня», — заявила госпожа Сирни в одном

интервью. И далее:

Психологи и врачи — да, все это важно и хорошо. Но тем не менее дочери нужна ее мать.

Каждый раз, когда звонил телефон, я испытывала волнение и тревогу. Я всегда ждала новостей о своей дочери, но страшилась думать, что они окажутся плохими. И так было каждый раз, и довольно часто, когда полиция просила меня прийти в участок для опознания одежды или вещей девочек, которых они находили, — будь то нижнее белье, школьная сумка или обувь. Каждый раз я шла словно на собственную казнь.

Порой я даже желала, чтобы нашлось хотя бы ее тело. Тогда, по крайней мере, я получила бы хоть какое-то облегчение и у меня была бы могила, где я могла бы оплакивать свою прекрасную дочку.

Но вместо этого я продолжала ждать, что она в любой миг войдет в дверь. А теперь... теперь мне нельзя с ней видеться.

Ничто не сделало бы меня счастливее, чем если бы Наташа переехала жить ко мне, но она больше не ребенок, и это решение ей придется принимать самой. В данное время мне даже не разрешают с ней встречаться, и это так мучительно для меня.

Она такая хорошенькая, почти как на своих старых фотографиях, только слишком вытянувшаяся. Для меня это непривычно, ведь она исчезла еще ребенком, а теперь она взрослая. Я всегда знала, что у нее железная воля. Просто невероятно, что она вынесла подобное испытание и оказалась достаточно сильной и достаточно сообразительной, чтобы сбежать. Я так горжусь ею.

После своего эйфористического воссоединения с Наташей Людвиг тоже жаловался, что опасается стать для нее чужим. Зная об исключительном интересе прессы, а также о стремлении дочери спланировать собственное будущее, он стenal в отчаянии: «Однажды я ее уже потерял, а теперь теряю снова. Я, отец, должен ее умолять, чтобы увидеться с нею. Ну не безумие ли это? Многие психиатры говорили мне, что это будет даже к лучшему, если она будет со мной. Почему же это не происходит? Не безумие ли то, что я не знаю, где она находится?»

Все, что бы Наташа ни пыталась сделать или же не сделать, общественностью, изучавшей и анализирувавшей ее и ее мотивы, как никого другого, так или иначе воспринималось как бессердечное безразличие к собственной родне. Как будто она погоню за славой и богатством предпочла любви и привязанности членов семьи, считавших, что они ее навсегда потеряли. Репутация — это все, когда вы медиа-звезда. Поэтому ее пресс-команде пришлось активно поработать, дабы попытаться

сохранить чистоту образа Наташи Кампуш, когда ей приписывали катание на «порше» и появление на коктейлях среди сливок общества.

Стало ясно, что Наташа превратилась в самое популярное в мире на тот момент «достояние» прессы. Некий журналист заметил, что если бы поймали Усаму бен Ладена в день выступления Наташи, то в вечерних новостях по сравнению с лидером террористов она оказалась бы фавориткой.

Подобный огромный интерес, с потоком предложений интервью и обещаниями фантастических сумм, вынудил Наташу озаботиться объяснениями, хотя бы отчасти, каково ей теперь приходится. Она сделала это посредством любопытного «Письма миру», опубликованного через пять дней после побега.

Уважаемые журналисты, корреспонденты и люди мира.

Я довольно скоро уяснила, какое сильное впечатление на людей произвела новость о моем заточении, но я прошу о понимании в удовлетворении огромного интереса публики. Я осознаю, какими ужасающими и волнующими должны быть мысли о моем пребывании в тюрьме и как нечто подобное вообще могло произойти. Я также понимаю, что условия, в которых я жила, вызывают определенное любопытство и желание узнать больше.

Но в то же время я хочу четко дать понять, что не желаю комментировать любые детали интимных личных дел, и я готова предпринять шаги, гарантирующие, чтобы этот интерес не выходил из-под контроля.

Далее она сообщает некоторые подробности своего заточения:

Мое личное пространство: моя комната была оснащена всем, что могло бы мне понадобиться, и она стала моим домом, который вовсе не предназначался для показа публике.

Моя повседневная жизнь: она была тщательно вымерена. В основном она начиналась с совместного завтрака — он все равно большую часть времени не ходил на службу. Работа по дому, чтение, просмотр телевизора, разговоры, готовка — вот и все, что было из года в год и было неизменно связано со страхом остаться в одиночестве.

О моих взаимоотношениях: он не был моим повелителем. Ведь я была так же сильна, как и он, но иногда, образно выражаясь, он был моей опорой, а иногда тем, кто грубо со мной обращался. Но во мне он нашел не ту, и мы оба знали это.

Он осуществил похищение в одиночку и все подготовил заранее. После мы вместе обставили комнату. Также я не плакала после своего побега. Причин для этого не было.

По моему мнению, его смерть была излишней. Если бы он просто получил тюремный срок, то это не было бы концом света. Он является большой частью моей жизни, соответственно я действительно ощущаю, что в некотором роде скорблю по нему. Это правда, что моя юность отличалась от юности других, но в принципе я не чувствую, что упустила что-либо. Наоборот, я избегала некоторых вещей — не начала курить, пить, не обзавелась дурными друзьями.

Послание прессе: единственное, что я хотела бы потребовать от прессы, — это прекращение оскорбительных репортажей, искажения действительности, поучающих комментариев и отсутствия уважения ко мне.

На данный момент я чувствую себя очень хорошо в том месте, где проживаю, хотя порой у меня возникает чувство, что меня слишком контролируют. Я самостоятельно приняла решение ограничиться в общении со своей семьей только телефонными контактами. И только я решу, когда захочу общаться с журналистами.

О моем побеге: это произошло, когда я чистила машину в саду и увидела, что он отошел, пока я пылесосила. Это был мой шанс, я бросила пылесос и скрылась.

Также я хочу подчеркнуть, что никогда не называла его повелителем, как он того требовал. Я думаю, что он хотел этого, чтобы к нему так обращались, но в действительности же таковым не был.

У меня есть адвокат, с которым я обсуждаю законы. Я полностью доверяю молодой адвокатессе Монике Пинтертис, равно как и доктору Фридриху и доктору Бергеру, с которыми могу разговаривать без стеснения. Следственная бригада была очень добра со мной, я очень им благодарна, хотя они и были слишком любопытными, — в конце концов, это их работа.

Интимные вопросы: каждый хочет задать вопрос на интимную тему, однако она никого не касается. Быть может, однажды я поговорю об этом со своим психологом, а может, и нет. Моя личная жизнь принадлежит только мне.

Она обратилась к человеку, который был другом ее похитителя:

Господин Х. не должен испытывать чувства вины, броситься под поезд было самостоятельным решением Вольфганга. Также я

сочувствую матери Вольфганга. Я могу поставить себя на ее место, и сострадаю ей и понимаю ее. Я и она, мы обе думаем о нем. Я хочу выразить благодарность всем людям, кто принял участие в моей судьбе. Но, пожалуйста, оставьте меня в покое на ближайшее будущее. Надеюсь, доктор Фридрих сможет с помощью этого письма разъяснить это. Теперь обо мне заботится множество людей. Пожалуйста, дайте мне время, пока я не почувствую, что могу говорить сама за себя.

«Господин Х.», упомянутый в последнем абзаце, — Эрнст Хольцапфель, человек, с которым она встречалась в период своего заточения и который принял последний телефонный звонок от Приклопиля перед его самоубийством.

Письмо Наташи все же не смогло загасить пламя любопытства. Скорее оно разожгло его еще больше. Ее очевидная привязанность к Приклопилю, позже выраженная в печати и ее знаменитом телевизионном интервью, вкупе с ее убеждением, что в жизни она многого не упустила, медленно начала замедлять курс неуклюжего супертанкера общественного мнения и через короткий промежуток времени развернула его на 180 градусов против нее.

Вечером 6 сентября, в среду, через две недели после освобождения, демонстрируя свою врожденную любовь и способность к контролю, Наташа Кампуш скоординировала направление тройного удара по прессе — телевидению, газетам и журналам — в попытке удержать главенство над тем, что виделось ей исключительно ее собственной историей, которая должна была быть преподнесена так, как того желала она.

Каждый из трех счастливых победителей в закулисной войне по предложению денег за первое интервью подписал контракт — все кандидаты были тщательно рассмотрены и окончательно утверждены списком самой Наташей на марафонски длительных совещаниях с ее адвокатами, в ходе которых пресса согласилась перечислить совокупную плату в фонд по ее выбору. Интервью газете «Кронен цайтунг», австрийскому журналу «Ньюс мэгэзин» и телевизионному каналу ORF экстренно вышли в свет с разницей во времени не более двух часов, как она и установила.

Первым по улицам ударил «Ньюс мэгэзин». Журнал был распродан в течение нескольких часов — читатели лезли в драку, чтобы ознакомиться с подробностями жизни девочки в подвале. Интервью изобразило более четкий портрет «жертвы», которая относилась с презрением к самому этому слову. В беседе с главным редактором журнала, Альфредом Вурмом, Кампуш

сказала:

С доктором Фридрихом все в полном порядке. Он очень умный и всегда понимает, что я имею в виду. Мои адвокаты и консультанты по прессе тоже поддерживают меня наилучшим образом. Я уже всех их приняла, а они, вероятно, приняли меня. Все они классные. По крайней мере, большую часть времени.

Между моим адвокатом доктором Лански и профессором Фридрихом возникло небольшое разногласие. Один хотел, чтобы я уехала из Венской главной больницы, другой же настаивал, чтобы я на какое-то время осталась. В конечном счете мне пришлось вмешаться и убедиться, что спор улажен.

Я знала, что лечению ссора не принесет ничего хорошего. Доктор Лански хотел, чтобы я съехала, доктор Фридрих — чтобы осталась. На данный момент я пока там и остаюсь, наслаждаясь дружбой с доктором Фридрихом.

У меня есть женщина-психолог, но я не хочу называть ее имени. Ее ужасает пресса любого сорта. При ней я могу — и это истинная правда — всегда лежать на кушетке. Настоящее клише: психиатр и пациент на кушетке.

На вопрос, каково ей живется новой жизнью, она ответила:

Ну, за исключением того, что я сразу же простудилась и подцепила насморк, я живу совершенно нормально. Мое возвращение к обычной жизни оказалось очень быстрым. Даже удивительно, как скоро это произошло. Теперь я живу с другими людьми, и у меня не возникает с этим трудностей.

Мне удалось встать на этот путь довольно быстро. Это было нетрудно, не в последнюю очередь благодаря тому, что я могу солидаризоваться со многим из того, что я вижу и переживаю здесь. Тут лежат пациенты, пытавшиеся покончить с собой, а также больные анорексией. И я хорошо с ними лажу, потому что могу сочувствовать им.

Когда ее спросили, почему ей легко понять пациентов с анорексией, она сказала: «Потому что они должны заставлять себя есть. А я сама во время своего заточения весила очень мало». О свободе же после заточения она заявила: «Я очень люблю свободу. Я переполнена ощущением свободы. Это должно сказать вам о многом.

Мои планы на будущее? Наверное, все подряд. Человек с моим прошлым в любом случае будет планировать самое неотложное: я хочу, чтобы мне сделали прививки от всех

болезней, прежде всего от гриппа. Как видите, я серьезно простудилась, а этого не произошло бы, если бы у меня была прививка. Вот один лишь пример относительно моего будущего».

На вопрос о возможной будущей профессии она ответила: «Я пока еще не решила. Я допускаю, что буду заниматься чем угодно — от психологии до журналистики и юриспруденции. Еще я всегда хотела стать актрисой, потому что постоянно интересовалась искусством».

Она твердо заявила, что ее отношения с Приклопилем большей частью не подлежат обсуждению, вновь разпалив общественный интерес к происходившему на Хейнестрассе, 60.

«Вам не следует говорить со мной столько о господине Приклопиле, ведь его здесь нет, чтобы защищаться. Если мы сейчас будем вдаваться в подробности, то никуда не придем. Бедная госпожа Приклопиль, несомненно, не желает, чтобы публика читала в газетах о ее сыне то, что никого не касается, за исключением разве что полиции».

Говоря о своем побеге, госпожа Кампуш сказала, что она спланировала его в мыслях уже давно.

Да, это так. К двенадцати годам или около того я начала мечтать о том, чтобы вырваться из своей тюрьмы, когда мне будет пятнадцать или же в возрасте, в котором я буду достаточно сильна для этого. Едва это время настало, я постоянно думала о побеге.

Но я не могла рисковать. У него была острая паранойя, и он был хронически подозрительным. Неудачная попытка побега означала бы, что я уже никогда не смогу покинуть свою темницу. Мне необходимо было постепенно завоевать его доверие.

Побег был совершенно спонтанным. Я выбежала из ворот гаража и припустила во весь дух. Впервые я ощутила, насколько я все-таки слаба. Но пока все шло хорошо. В общем, в тот день мой побег оказался удачным, и с точки зрения души, и с точки зрения тела. И у меня не возникло осложнений с сердцем. Я сбежала, когда увидела, что он разговаривает по телефону. В панике я попала в один сад и начала рассказывать о себе людям, но все было тщетно, потому что ни у кого из них не оказалось мобильного телефона. Они лишь пожимали плечами и продолжали заниматься своими делами. Поэтому я перемахивала через ограды разных садов, словно в боевике.

Представьте себе: я едва ли не задыхаюсь, и вдруг вижу открытое окно. На кухне кто-то был, и я заговорила с этой женщиной, попросила ее вызвать полицию.

Было бы лучше, если бы женщина позволила мне позвонить

самой, тогда я смогла бы потребовать нужное отделение полиции. Было не совсем здорово, что из-за полиции я прошла перед фотографом, пускай даже и с одеялом на голове.

На вопрос, было ли это частью ее плана, она ответила: «Нет, этого я не намечала. Но мысль об этом была. Есть разница между тем, что планируется, и тем, о чем, так сказать, есть только смутная идея. Это отличалось от планирования. Есть же компьютерные программы для моделирования. Я предвидела будущее, но не проектировала его».

Когда редактор предположил, что она наверняка очень верила в себя, она отозвалась: «Да, конечно. Меня также очень расстроило, когда я узнала, что меня искали с помощью экскаватора у Шоттертейха (водоем на месте гравийного карьера близ Вены). Они хотели обнаружить мое тело. Я просто обезумела, потому что у меня возникло чувство, что, хоть я все еще и жива, меня все равно уже списали со счетов. Это было так безнадежно. Я была уверена, что меня никогда не будут разыскивать снова, что меня никогда не найдут».

Поначалу я все-таки верила, что полиция или кто-нибудь другой отыщет меня, что кто-то видел преступника и свяжет с ним мое исчезновение. Или что появятся какие-нибудь нити, или какой-нибудь соучастник что-то расскажет».

На вопрос, а были ли соучастники, она ответила: «Пока это точно неизвестно, но я уверена, что не было. Насколько я знаю, соучастников не было».

Далее, на вопрос, как она боролась с одиночеством, она сказала:

Я не была одинока. У меня была надежда, и я верила в будущее. Я должна сказать кое-что о своей матери. Сейчас многие порицают ее за то, что она не со мной. А меня за то, что я не с ней. Но она приходила ко мне. Здесь нет ничего общего с бессердечием — в этом отношении мы тоже понимаем друг друга. Нам не нужно жить вместе, чтобы знать, что мы вместе.

Я все время думала о своей семье. Их положение было даже еще хуже, чем мое. Они считали, что я мертва. Но я знала, что они живы и угасают из-за мыслей обо мне. В то время я была счастлива, что могу использовать свои детские воспоминания как дорогу к свободе.

Люди несправедливы к моей матери, когда говорят о ней плохое. Я люблю ее, а она любит меня.

Я непрерывно искала логические подходы к разрешению проблемы. Сначала побег, затем уж все остальное. Можно ли мне

было просто побежать с криками по улицам Штрасхофа, ломиться к соседям? У меня даже была эта мысль, что после побега я стану мировой знаменитостью, и я размышляла, что мне нужно будет сделать, чтобы пресса не следовала за мной по пятам, чтобы у меня было какое-то время насладиться моментами свободы.

Наташа заявила, что Приклопиль, покончив с собой, «косвенным образом превратил в убийц не только меня и господина Х., подвезшего его до станции, но также и машиниста. Поскольку я знала, что он покончит с собой, о его смерти наперед. В момент своего побега я нисколько не сомневалась, что он покончит с собой. Я сказала об этом полиции, но к тому времени, когда они нашли его машину, он уже бросился под поезд».

Наташа сказала, что узнала об этом «на следующий день от полиции. Они не хотели мне этого говорить».

Когда ее спросили, печалится ли она о его смерти, она ответила: «Конечно. Я подготавливала его к своему побегу на протяжении месяцев. И я уверила его, что он вполне смог бы жить в тюрьме, потому что в действительности там не так уж и плохо. Только теперь я узнала, что за это преступление он получил бы максимум десять лет. Раньше я считала, что он получил бы двадцать».

Подготавливала его. Плененная маленькая девочка «подготавливала» своего тюремщика — человека, похитившего ее на улице, — к тому, что однажды она покинет его. Звучит как семейная ссора в тысячах несчастных, неудавшихся любовных отношений: «Если не одумаешься, однажды я уйду...» Относился ли он к этому как к обычным размолвкам и просто отмахивался, веря, что она всегда будет принадлежать ему? Или же тайно радовался, что эта женщина-ребенок-чудовище (по его мнению), больше не отвечающая его фантазиям, собирается покинуть его?

Наташа Кампуш тщательно подбирает слова: в ее заявлениях есть как неопределенность, так и полная ясность в зависимости от того, что обсуждается. Но в этом заявлении нет ни двусмысленности, ни неясности: она говорила ему, что придет день, когда она будет свободной. А он умрет.

Когда ей сказали, что Министерство юстиции планирует изменить закон, с тем чтобы Приклопиль получил бы двадцать лет, она отозвалась, что это хорошо.

«Я, несомненно, не смогла бы принять десять лет. Так или иначе, я пророчила, что он получит двадцать лет, и утешала его тем, что в наше время и шестидесятилетние находятся все еще в хорошей форме».

Она добавила, что, по ее мнению, самоубийство есть «просто поражение. Никто не должен убивать себя. Он мог бы дать мне много больше информации, равно как и полицейским. Теперь им приходится воссоздавать крайне запутанные обстоятельства без него. Но мы больше не хотим разговаривать о господине Приклопиле».

Она признала, что просила и получила последние полицейские отчеты по делу, а также страшный материал из отчета о вскрытии трупа Приклопиля.

Ее спросили об одиночестве, и она ответила: «Да, конечно же, у меня не было общественной жизни. Мне не доставало людей, животных. Я грустила из-за их отсутствия. Но я не испытывала чувства одиночества, потому что большую часть времени была занята. Я знала, как с толком использовать время за чтением и работой. Я помогала ему строить его дом.

Я была заперта. Я никогда не понимала, почему меня заперли, ведь я не сделала ничего плохого. Обычно запирают только преступников».

Когда же ее спросили, верит ли она в Бога, она ответила: «Ну, это весьма спорный вопрос. Да, немного. Я действительно молилась. Но потом перестала. Кроме этого, преступник тоже молился. Я думаю, даже Фидель Кастро молится».

Она продолжила, рассказав о кошках, по которым так скучала во время своего заточения. «И я скучала о дедушке и бабушке. Я также чувствовала, что уже никогда не увижу вновь ни их, ни моих обожаемых кошек. Моя бабушка по отцовской линии и дедушка по материнской за это время умерли. И еще другие мои родственники, мои двоюродные бабушки». Потом она заговорила о своих родителях:

У меня очень хорошие отношения с родителями. Да, я люблю своих родителей. У кого-то возникла мысль, что мы поссорились. Это не так. Помимо этого, на данный момент мне приходится столько делать, из-за чего у меня действительно нет времени, которое я могла бы посвятить родителям. После этого у нас будет его много.

Сейчас мои дела не так уж и хороши. У меня жжение в глазах, я постоянно кашляю, и все это не очень уместно при интервью. Надеюсь, во время телевизионного интервью я не упаду в обморок.

До этого вы спрашивали о моих планах на будущее. Я хотела бы наверстать учебу. Аттестат зрелости, может быть, степень. Хотя я не имею представления, в какой области. В чем-то, что быстро и легко. На самом деле меня интересует все, и я училась бы всю оставшуюся жизнь. В данный момент я читаю законы о прессе.

Но мне также интересны и дополнительные предметы — как он их назвал? — «орхидные предметы». (Немецкий термин для определенных гуманитарных предметов, считающихся редкими, привлекательными, дорогими и большей частью бесполезными для карьеры.)

Я сказала маме, что неплохо было бы отправиться в круиз. Не знаю куда, но он сделает меня счастливой. Еще я сказала ей, что нам надо как-нибудь съездить на поезде в Берлин, просто потому, что это было бы как телепортация. Садись на поезд здесь, и вдруг оказываешься в Берлине. Вот что такое на самом деле путешествие.

В ответ на реплику редактора, что вся Австрия и так «у ее ног», она сказала: «Да, правда. Но я хочу еще увидеть Лондон или Нью-Йорк, но все эти меры безопасности действуют мне на нервы. Впрочем, я понимаю, что длительные поездки пока невозможны. Я могу тяжело заболеть».

Она хочет встретиться со старыми друзьями, планирует создать реабилитационную программу для подвергшихся издевательствам мексиканских женщин, накормить голодающих Африки — «Я знаю по собственному опыту, что такое голод» — и иметь свою квартиру. Если бы все это не звучало после жизни на Хейнештрассе, 60, то выглядело бы так, будто она выступает на конкурсе «Мисс Вселенная».

В беседе с авторами профессор Бергер упомянул контролирующий аспект в характере Наташи, однако отметил, что он дает неверное представление о той неуверенности в себе, с которой ей пока приходится мириться. «С одной стороны, она весьма сильна и полнейшим образом контролирует, что вокруг нее происходит, с другой же — она очень неуверенна и крайне ранима». Он продолжил:

Госпожа Кампуш достаточно взрослая и выстроила детальные планы на свое будущее, в ближайшую неделю она начинает готовиться к экзаменам, с тем чтобы получить аттестат о среднем образовании и затем поступить в университет. Мы поговорили со школьной администрацией, и они заверили, что сделают исключение в ее случае и что готовы помогать ей во всем, чтобы она прошла процесс обучения как можно быстрее.

Она с удовольствием общается с представителями прессы и также обдумывает возможность своей карьеры в этой области. Но она полностью отдает себе отчет, что ей по силам, а что нет. Например, она просила предоставить ей кого-нибудь, кто заведовал бы ее финансами.

Госпожа Кампуш подберет команду, которая действовала бы в качестве ее медиа-представителя, а также, вероятно, ее семьи, и затем скорее всего появится и перед международной прессой. Это ее решение. Для жертвы похищения, после перенесенного испытания, несколько необычно столь стремиться к появлению в средствах массовой информации, но вы должны понять, что пресса была для нее единственной возможностью общаться с внешним миром.

В данное время она проходит курс лечения у человека, имеющего двойную квалификацию — психиатра и терапевта. Также она проходит групповую психотерапию в Венской главной больнице, где наладила хорошие отношения с другими членами группы, часть из которых больны анорексией.

Госпожа Кампуш настаивает на встрече с матерью господина Приклопиля, и позже они наверняка увидятся, поскольку пока еще слишком рано. На данный момент госпоже Приклопиль также консультирует психолог.

Касательно претензий госпожи Кампуш на дом господина Приклопиля, то она лишь сказала: «Это мой дом». Это место, которое она знает и к которому привыкла; нечто, на чем она может сосредоточиться. (Позже Наташа подтвердила, что она действительно хочет потребовать дом Приклопиля в собственность согласно положениям австрийской системы компенсации жертвам преступлений, дабы избежать того, чтобы он превратился в некий омерзительный «черный музей» для любопытствующих. Она дала понять, что хочет предложить матери своего похитителя жить в нем.)

Пока у нас нет каких-либо подтверждений тому, что госпожа Кампуш действительно подвергалась физическому насилию. Она не рассказывала об избиениях, и на ее теле нет их следов. У нее на ногах были какие-то синяки, но они появились не из-за насилия.

Подготовка была более чем очевидна во время Наташиного изысканного выступления в программе ORF. Хотя суть ее характера больше проявилась во время записи (в специальной комнате в больнице), нежели во время самой трансляции. Она вскочила с места после первого вопроса, отказавшись отвечать на какие-либо вопросы, касающиеся интимности, останавливала съемку, чтобы посмотреть, как она выглядит на экране, и, по словам одного из ассистентов съемочной группы, «в целом вела себя так, словно уже была на съемках в Голливуде».

Когда она села перед камерами, Кристоф Ферштейн, который вел интервью, спросил ее, была ли она одинока во время заключения. «Что за нелепый вопрос», — огрызнулась Наташа, тут

же встала и вышла из комнаты. Через некоторое время она вернулась.

Это интервью, которое смотрели 90 процентов австрийцев, ни в коем случае не демонстрировало естественного поведения. Наоборот, перед его съемкой она провела четыре часа со своим «медиа-консультантом» за пробным прогоном, подобным тем, которые устраивают политики, чтобы гарантированно не оказаться загнанными в угол во время избирательных дебатов. Ей показывали, как сидеть, как смотреть и как вести себя.

Она была подкована. Почти так же, как когда-то ее подготавливал Приклопиль, за исключением того, что на этот раз она обладала полным, а не частичным контролем. Она пресекала любые потенциальные вопросы о сексе, любви, о подлинной природе ее отношений с похити... — с человеком, с которым она провела детство. Один кадр, где ей не понравилось, как выглядят ее зубы, был должным образом уничтожен.

«Она распоряжается своими консультантами, словно они ее рабы, и все они весьма подобоострастны», — заметил господин Вурм, у которого во время его интервью для «Ньюс мэгэзин» сложилось собственное впечатление о Наташе.

Ее молодая адвокатесса, Моника Пинтертис, была, как и следовало ожидать, осмотнительна касательно ее рвения контролировать в медиа-кампании каждый шаг. Она посоветовала Наташе возвращаться в жизнь не торопясь. Однако ее предостережение было встречено резким отказом снизить темп. «Моей первой реакцией было сказать ей, чтобы она остановилась, позагорала на солнышке и отдохнула, — поделилась Пинтертис. — Но это не то, чего она хотела. А когда госпожа Кампуш что-нибудь решит, ее нельзя от этого отговорить».

Все эти интервью, тот темп, с которым она их навязывала, и тот факт, что она захотела похоронить себя под официальными контрактами, вместо того чтобы вольной птицей порхать над розами, многим говорят об иных намерениях и другой составляющей этой истории, весьма далекой от простоты. Приведенное выше замечание ее адвоката о его нежелании, чтобы после обнародования поездки на лыжный курорт его клиентку воспринимали как-то иначе, нежели как жертву, восходит к самой сути вопроса.

Консультанты Наташи знают, что ей нужно сохранить образ жертвы, чтобы она смогла пожинать сочувствие мира и получать голливудские гонорары. Как это лаконично выразил немецкий журнал «Шпигель»: «Консультанты Наташи быстро поняли, что ей нужны не только защита и лечение. С ней нужно обращаться как со звездой. И те, кто с нею теперь, являются одними из лучших,

кого может предложить Австрия. К группе присоединились адвокаты Геральд Ганцгер и Габриэль Лански — специалисты по медийному законодательству и компенсационным делам».

Нелюбовь Наташи к матери и ее избегание отца были классифицированы на конференциях как «искажение фактов». Так же как и соображение, что у нее могли быть возможности сбежать раньше, но она этого не сделала.

Адвокаты полагали, что тройным интервью в печати и на телевидении они предотвратили неприязненные сообщения в прессе. Однако общественное мнение непостоянно, и вскоре розы, цветы и открытки, которыми некогда полнились коридоры больницы, где она проводила первые недели, сменились кампанией, граничащей с полнейшей ненавистью.

В течение второй недели сентября 2006 года вебсайты и газеты наводнились письмами с оскорблениями, обвинявшими ее в мошенничестве и лжи; основной их поток хлынул после того, как ее адвокатам пришлось исправить ее первоначальное отрицание лыжной прогулки с Приклопилем. Один австрийский корреспондент писал: «По моему мнению, жертвы ведут себя несколько иначе, чем ты, а ты неплохо проводила время со своим „похитителем“». Другие заходились в крике: «Ты лгунья!» и «Она нас всех дурачит!».

«Ты была жертвой в детстве, спору нет, но вот насчет последующих лет крайне сомнительно», — заявлял следующий. В австрийском Интернете вошло в моду даже ставить под вопрос само ее заточение, и множество людей писало на форумах, что ее мать знала о неволе, поскольку сама состояла в отношениях с Приклопилем.

То, что между Наташей и Приклопилем сложились кое-какие отношения, бесспорно. Но вот что никто так и не подтвердил, так это переросли ли они когда-нибудь в физическую близость.

Ее отец, Людвиг Кох, высказался об этой «кампании ненависти против моей дочери»: «Если бы эти идиоты поговорили лицом к лицу с моей дочерью хотя бы минуту, они тут же прекратили бы свою омерзительную ложь. После всех этих лет в заключении она не так уж и крепка, как это можно предположить по интервью. Как жертва ужасного преступления она заслуживает нашей всесторонней поддержки, не говоря уж об уважении».

Однако уклонение Наташи от вопросов о подлинной природе ее взаимоотношений с Приклопилем — и даже ложь касательно этого — многих настроило против нее. Это станет заключительной главой ее повторного вхождения в мир, который она ребенком толком и не знала. То, как люди в конечном счете ее воспримут, полностью будет зависеть от правды, а вовсе не от

напыщенных угрожающих писем адвоката и медиа-консультанта, вцепившихся в восходящую звезду.

Ее отца Людвиг озадачивает этот медийный цирк. Он лелеет воспоминания прошлого, дней, проведенных в Венгрии, когда жизнь была много проще. У него есть искренние слова в защиту своей дочери, пока сама она силится понять, кто же она такая и куда направляется. Эти его искренние слова стоят бесконечно больше, нежели слова тех, кто просто хочет низвергнуть ее за то, что она ведет себя не так, как они того хотят. Людвиг рассказал авторам:

Люди постоянно спрашивают, с кем Наташа более близка, со мной или с матерью, но она независима, как и я. Может, она и не хочет, чтобы я делал все то, что я делаю, но я делаю это, и она это принимает. Поначалу, например, ей не доставляло радости мое общение с прессой, но теперь это ее не трогает — она знает, что я не скажу о ней ничего плохого. И я не хочу вмешиваться в ее личную жизнь.

У моей жены в субботу, 23 сентября, был день рождения, и она пригласила Наташу. Мы все спланировали, чтобы порадовать мою жену. Наташа и я договорились, что она скажет моей жене, будто слишком занята и не сможет приехать, а затем внезапно появится, — неожиданный сюрприз. Она пробыла здесь часа три или около того, и она хотела увидеть все. Наташа задавала кучу вопросов, почему мы сделали то-то и то-то, — например, почему заложили кирпичами траву на заднем дворе. Интересовалась, почему небольшая пекарня, находящаяся в доме на момент ее похищения, стала моей комнатой. Честно говоря, я так и не закончил отделочные работы, я ведь не знал, что она заглянет так скоро. Мне пришлось поспешно навести хоть какой-нибудь порядок, чтобы она выглядела как можно лучше, но, похоже, мне не очень-то удалось прикрыть строительный хлам.

Она заметила свою кошку, которую не видела с тех пор, как та была еще котенком. Это был очень трогательный момент. Эта кошка — вздорное животное, которое слушается только мою жену. Больше она ни на кого не обращает внимания и приходит, только если ее зовет она, и никогда не подойдет ко мне. Но когда появилась Наташа, эта кошка тут же прибежала и стала тереться о ее ноги. Еще Наташа обрадовалась, что у нас есть собака, наш китайский мопс, которого тоже зовут Людвиг.

Его жена Георгина пояснила: «Наташа кормила того котенка из бутылочки, она назвала его Синди. Но когда она исчезла, ее бабушка решила, что котенка нужно переименовать в честь

Наташи, в надежде, что он станет чем-то вроде доброго талисмана и однажды приведет ее домой. Поэтому мы и называли кошку Таши».

Людвиг Кох продолжил свой рассказ:

Нас здесь было только человек пять или шесть, но, как мне кажется, для нее это все равно было довольно много. Наташа ушла в угол сада и какое-то время оставалась там одна. Она погрузилась в размышления, и я понял, что она хочет побыть одна. Она собралась осмотреть комнату, в которой жила здесь, но мы сдали ее в аренду, поэтому она туда попасть не смогла. Еще Наташа попросила взглянуть на игрушечный автомобиль, который я ей купил и который до сих пор у меня, хотя я и раздал остальные ее игрушки, потому что хотел, чтобы им радовались другие дети. Я лишь одолжил их. Я сказал Наташе, что знаю, у кого они, и могу забрать их, когда она вернется. Она лишь посмотрела на свою машинку и сказала: «Вполне достаточно того, что осталось».

Я понимаю, почему она была так грустна: на нее нахлынуло слишком много впечатлений. Только представьте, все эти годы лишь с одним человеком в качестве редкой компании — и потом внезапно столько людей вокруг. Она хотела уединения, и мы отнеслись к этому с пониманием. Ей надо было примириться со всем, поэтому-то я ее ни о чем не спрашивал. Конечно же, я желаю знать, что происходило в том подвале, но хочу, чтобы это произошло, когда настанет ее время. Я не смотрел фотографий подвала — я никогда не видел его, никогда там не был и не хочу слышать о нем. Она может рассказать мне, когда будет готова. В свое время я узнаю, а пока мы говорим о других вещах. Она спросила меня о бабушке — она знала, что та умерла. В свое время она известит ее могилу, но пока она еще не готова. Она любила свою бабушку.

Было так здорово, что она приехала сюда. На протяжении многих лет единственным связующим звеном с дочерью была вещь, которую она вылепила из глины, когда ходила в детский сад, — небольшое украшение, которое я всегда берег; и вдруг она снова оказалась здесь — меня всего переполняли чувства.

Люди только и говорят о том, что она вошла в подвал маленькой девочкой, а вышла уже молодой женщиной, но я не думаю, что это означает, что она полностью изменилась, она слишком сильна для этого. Сейчас мои отношения с ней так же прекрасны и крепки, как были и тогда, что бы ни говорили люди. Да, это правда, что поначалу она не часто виделась со своими родителями, но ей ведь приходилось учиться общаться с окружающими. Это был не ее выбор. Также она слишком рано дала

интервью. Ее бросили в это, и все произошло слишком быстро. Она внезапно оказалась во внешнем мире, и ей пришлось оценивать положение, обстановку и окружающих ее. Теперь она сделала выводы и взяла ситуацию под контроль. Это мнение не только мое, но также и ее... Я знаю, что в свое время она собирается завести детей и иметь нормальные любовные отношения. Я не обсуждал с ней, какой работой она хочет заняться, — все, что я могу с уверенностью сказать, что, каковой бы она ни оказалась, это не будет работа в офисе.

Она должна решить, как она хочет прожить свою жизнь. Я знаю, что у нее множество идей. Она собирается открыть этот фонд, она хочет помогать голодающим, поскольку сама часто голодала, и помогать женщинам и детям, перенесшим насилие, так как сама была жертвой. Произошедшее с ней уникально. Она говорила, что никогда не хотела стать знаменитостью, но из-за обстоятельств, над которыми она была не властна, теперь она знаменитость, и она хочет использовать опыт этих восьми лет взаперти — она хочет, чтобы и от них была польза.

Теперь у нее новая квартира, которую ей предоставили городские власти Вены. Я не знаю, чем она там занимается. Она живет одна, но ей есть с кем общаться.

Также она немного ходит по магазинам, покупает косметику и одежду, но большей частью со своими адвокатами, хотя я думаю, что при случае ходит и со своими сестрами. Я хотел бы, чтобы у нее был выбор побольше, с кем ходить по магазинам, но, как бы я ни любил свою дочь, я все-таки не тот человек, с которым этим можно заниматься. Ей следует делать это с ровесниками.

Однако найти друзей своего возраста ей сложно. Ведь у нее огромный провал там, где обычные подростки отводят место для приятелей, партнеров, закадычных товарищей из школы, колледжа, дискотеки или кафе. Вольфганг Приклопил украл у нее не только детство, он украл у нее и навыки общения, нехватка которых проявляется в высокомерном обращении с окружающими ее людьми — адвокатами, врачами, журналистами.

И еще у нее есть опасения, и вполне оправданные, что люди намереваются сблизиться с ней, чтобы урвать кусок на волне ее популярности. Она боится людей, поддерживающих ее не за то, кто она есть, а за то, кем она была, но не кем она станет. Отсеивание подделок от настоящего не может быть работой ее команды адвокатов. Она должна научиться этому сама — так же, как научилась в своей камере немецкой грамматике. И тот путь, по которому она сейчас идет, — усталый законными контрактами, очерченный телевизионными прожекторами,

направляемый медиа-светилами, — отнюдь не тот, что ведет к человеческим взаимоотношениям, в чем Наташа так отчаянно нуждается.

Но она свободна. Кто-то может сказать, свободна делать все ошибки, которые хочет.

Глава 8

ПОСЛЕДСТВИЯ

Ноябрь 2006-го. В Вене листопад, деревья одеты в золотистый и желтый цвета, становящиеся темнее, по мере того как дни делаются короче. Это первая за много лет осень Наташи Кампуш, которую она встретила свободным человеком. Она отвечает на предложения о книгах — пока где-то между тридцатью и сорока — и о многочисленных сценариях, равно как и телевизионных мини-сериалах, блокбастерах, и на просьбы об интервью, что ежедневно в изобилии поступают в офис ее медийной и юридической команды. Она выйдет из своего плена богатой и знаменитой.

У нее также есть собственная квартира, но проживает там она не одна.

С ней живет дух Вольфганга Приклопиля. Близкие к ней люди, а также те, кто стал общаться с ней после обретения свободы, говорят, что она до сих пор очень много думает о нем.

«Отпечатки этого читаются в душе этой женщины, — сказала о Наташе газете „Курьер“ где-то через два месяца после ее побега с Хейнештрассе Мартина Лейбович-Мюхльбергер, психиатр. — Она из тех, кто отчаянно нуждается в наставлении и кто с потрясающим мастерством не дает вырваться возрастающим страхам на поверхность».

У Конни Бишофбергера и Сюзанны Бобек — журналистов газеты, бравших у нее интервью, — сложилось о ней следующее представление:

Ее крайняя внутренняя сдержанность отражается в языке тела. В интервью она притворно красноречива и использует прошедшее время несовершенного вида и сослагательное наклонение, приправленные иностранными словами. Ее руки постоянно сжаты, глаза закрываются на вспыхивающие картины прошлого. Эти голубые глаза смотрят с такой грустью, но одновременно источают и холодность. Смесь отчаяния, робости и самонадеянности, совершенно обезоруживающая собеседника.

После пятидесяти дней свободы Наташа Кампуш все еще живет в непосредственной близости от Венской главной больницы. Медицинский персонал 7-го уровня, детской и подростковой психиатрии, описывает ее как «принцессу, которая не прочь покомандовать и не говорит „спасибо“ или „пожалуйста“». Порой она как будто даже отражает жестокость, столь долго

проявляющуюся по отношению к ней.

Психологи говорят о «личности-загадке»: от красноречивой и твердой, когда того требуют обстоятельства, до грубой и оскорбительной — и больше по отношению к женщинам, нежели к мужчинам.

Из полнейшей изоляции в бурю мирового общественного внимания — подобное даром не проходит. Тело Наташи восстает против этого, ее постоянно лихорадит от жара.

Уважение и элементарная нормальность — вот в чем Наташа нуждается сейчас более всего. Но вместо этого она погружена в атмосферу любопытства и грубой коммерции. Едва ли не каждый день к ней приходят адвокаты, чтобы заверить запутанные контракты. Все это деньги, много денег. За нее дерется весь мир.

Наташа Кампуш оплакивает Вольфганга Приклопиля. Этот человек был ее единственной связью с людьми в течение восьми важных лет ее жизни; тем, кто ее воспитал, кто был повелителем жизни и смерти. Пресса жаждет вскрыть природу этих взаимоотношений любой ценой, и предлагаемые суммы за это достигают астрономических величин.

«Сможет ли Наташа когда-либо выздороветь? — задается вопросом Лейбович-Мюхльбергер. — Да. Но только в том лишь случае, если она наконец-то научится плакать, если позволит защитителю и обнять себя, а не будет залечивать свои раны наживой денег и другими планами».

Нет никаких сомнений, что она страдала, и шрамы эти — как физические, так и душевные — потребуют длительного лечения. Она ходит медленно, с некоторой неловкостью и недостаточной координацией, почти как старуха, — потому что просто не привыкла ходить на большие расстояния. Высокие каблуки — тоже проблема, но, как говорят, они ей нравятся.

Непосредственно после побега ее кожа была очень белой, внешний вид — весьма болезненным, но сейчас она набрала вес. Отчасти это следствие хорошего питания, но сказывается и действие употребляемых ею лекарств.

Близкие к ней описывают ее весьма самоуверенной, упрямой, очень сильной личностью. Они хорошо понимают, что она имела в виду, когда говорила, что была сильнее Приклопиля.

Другая достойная внимания черта заключается в ее поразительной наблюдательности: она способна замечать мельчайшие подробности и всегда настороже, когда с кем-либо разговаривает. Ей пришлось овладеть этим навыком за годы, проведенные со своим больным тюремщиком, ибо она постоянно спрашивала себя, что на этот раз у него на уме, что за этим

последует, чего же именно он добивается в данный момент. Всегда старалась предугадать настроение неуравновешенной личности, чтобы сделать свое сосуществование с ним более-менее сносным.

На улицах Вены Наташа то самоуверенна, то наоборот. Она понимает, что люди часто узнают ее, и тогда ощущает себя скорее «собакой необычной окраски», нежели «экзотической птицей». Она не переносит толп: долгие годы одиночества с одним лишь Приклопилем в качестве компании превратили для нее скопления людей в неприятное и весьма тревожащее препятствие. На время написания книги она не рискует выходить одна — с ней всегда кто-нибудь да есть.

Она любит музыку и кино, однако один ее выбор, пожалуй, несколько странен. Это «Парфюмер», история о человеке, рожденном без собственного запаха, но одаренном сверхчувствительным обонянием. Он занят составлением идеальных духов, выделенных из тел мертвых женщин. Наташа объяснила: «Это весьма странная идея, делать духи из женщин. Но деяния этого человека в фильме не осуждаются. В конечном счете, как это ни странно, все его любят. Он разыгрывает невинность, и все верят, что он просто ангел». Последняя фраза точно описывает личину нормальности ее похитителя.

Один человек, вхожий в ее узкий круг, на условиях анонимности поведал авторам:

Необходимо постоянно иметь в виду, сколь двойственно ее положение. Порой она может выглядеть и говорить как зрелая, взрослая женщина, тогда как в другое время она представляется десятилетней девочкой. И у меня нет сомнений, что относительно некоторых аспектов ее личности она и есть десятилетняя девочка. Ведь она не прошла через нормальные фазы развития, как все остальные. У нее не было периода полового созревания и, что более важно, у нее не было возможности для взаимодействий с другими людьми. За исключением этого чудовища, державшего ее в заточении.

Поэтому-то она порой и обладает инфантильными представлениями об окружающих ее вещах, о своем будущем развитии в мире прессы и так далее. Теперь, когда она заработала достаточно денег, чтобы обезопасить свое будущее, для нее лучшим было бы удалиться от общественности и посвятить себя излечению и завершению образования. На лечение у нее, несомненно, уйдут годы.

Я лишь надеюсь, что ее адвокаты не потеряют почву под ногами и с успехом справятся со всем этим. Я, однако, считаю, что

это раскручивание Наташи, превращение ее в ходовой товар для Голливуда, чтобы продать приукрашенную версию жизни в доме, путь совершенно неверный. Эта дорога не приведет ее нигуда.

По-моему, ей нужно выздоравливать, заживлять раны и держаться подальше от взоров публики.

Существует реальная опасность, что возможность заработать деньги затмила рассудительность окружающих ее. В задачи ее консультантов должно входить объяснение последствий и тяжести принимаемых ею решений, они не просто должны соглашаться со всем, что она говорит, а порой даже подстрекать ее к определенным вещам.

Наташу нельзя слишком идеализировать, какой бы умной и исключительной она ни была, ибо она все еще хрупкая девушка, подвергшаяся испытанию, которое никто из нас не может осмыслить. И даже у самых опытных психиатров, включая и окружающих ее, нет инструментов для борьбы или определения полного спектра последствий этих восьми с половиной лет ее жизни, что были у нее отняты.

Беспокойство о физическом и душевном благополучии Наташи неподдельно, и оно разделяется ее семьей и психиатрами, опасаящимися, что она ставит материальный успех выше крайне необходимого шага по нахождению своей опоры в мире, который до недавнего времени она знала лишь по радио и телевидению. Она выразительно говорит и строит грандиозные планы — замедляя тем самым, как считает член ее крута, процесс излечения. Часть которого заключается и в обсуждении с врачами подлинной природы ее взаимоотношений с Вольфгангом Приклопилем, что она твердо отказывается делать. Она пообещала, что не раскроет эту тайну.

Данный вопрос секретности или права на частную жизнь, в зависимости от вашей точки зрения, является, безусловно, ключевым относительно того, как будет разворачиваться окончание необычной истории Наташи. Он затрагивает не только прогресс продолжающегося полицейского расследования и развитие самой Наташи, но также и понимание остальным миром истории, ставшей предметом огромного и настойчивого интереса общественности. Основываясь на специфических австрийских законах о неприкосновенности частной жизни, ее адвокаты принуждают газеты и журналы на ее родине не заниматься домыслами, что же происходило на Хейнештрассе, 60, или на прогулках. На ее родине людям запрещено интересоваться подлинной природой ее жертвенности.

Из-за этих законов полиция порой выглядит довольно

комично, принимая положение, которое само по себе поднимает серьезные вопросы о действенности ее расследования. В первую неделю октября 2006 года немецкий журнал «Штерн» опубликовал статью, в которой утверждалось, что Приклопиль был «хорошо известен» в садомазохистской среде австрийской столицы. Казалось бы, это была весьма подходящая нить в любом расследовании. Полицейский детектив в, скажем, Лондоне или Нью-Йорке решил бы, что ее стоит проверить. Разве садомазохизм не подразумевает несовершеннолетних? Фотографии? Других? Вольно или невольно, Наташу Кампуш?

Ответ же венской полиции был просто уморителен: «Это была его частная жизнь, и она не имеет никакого отношения к делу».

Как такое возможно? Если Вольфганг Приклопиль был вхож в мишурный круг садомазоизвращенцев, получающих удовольствие от завлечения к себе детей, как же это можно с легкостью отвергать? Известно, что он был нелюдимом, но также известно, что он одевал множество личин сообразно различным ситуациям. Возможно, у него действительно был узкий круг друзей, которые его немного знали. Вероятно, они все были подобны ему. И тем не менее эта частная жизнь «не имеет никакого отношения к делу»? В любом случае, на какую «частную жизнь» может иметь право похититель ребенка, фанатик контроля, а теперь и покойный Вольфганг Приклопиль? Наверное, на частную загробную жизнь?

Вопреки видимому нежеланию некоторых представителей полиции изучать утверждения «Штерна» о садомазохизме — утверждения, на которых журнал настаивает, — расследование все еще продолжается, хотя и более медленными темпами. Закаленные полицейские, занятые в деле, отказываются принимать тот факт, что она не была жертвой какого-либо рода сексуального растления. Ей же нравится повторять, что все происходившее совершалось по ее свободному волеизъявлению.

Некоторых это возмущает. Одна немецкая семья, чей ребенок был похищен и изнасилован в пятилетнем возрасте, сказала нам: «Возможно, матери и отцы маленьких изнасилованных детей, родители вроде нас, которым сейчас приходится терпеливо и медленно работать над восстановлением своего пошатнувшегося разума, хотели бы услышать из ее уст нечто более осуждающее Приклопилю и его поступки».

Журнал «Штерн» заявил, что он настаивает на своей версии: «Существует все больше и больше указаний на то, что Приклопиль был связан с венской садомазохистской средой и что он вынудил Наташу влиться в нее. И даже за пределами дома». Согласно информации «Штерна», на нее надевали наручники, били и унижали. Возможно, в это были вовлечены и другие. «Кто?

У нее были завязаны глаза. Никто не может сказать, когда и сколь часто подобное совершалось. Из-за травмированности и заточения у Наташи Кампуш нет точного восприятия времени и пространства». Ее адвокаты отвергли эту версию как спекуляционный хлам.

Сама Наташа заявила, что садомазохистские фотографии «притянуты», и она может «наверняка их исключить». Ни «да», ни «нет», но «исключить». Точно так же, как она могла исключить лыжную прогулку со своим похитителем, до того как ее адвокаты были вынуждены признать, что она действительно имела место.

Также она сказала, что верит своей матери «на сто процентов», когда госпожа Сирни опровергла знакомство с Приклопилем. И она отказывается говорить о том, что в действительности происходило между ней и похитителем, заявляя: «Я не спрашиваю у других людей, что происходило с ними за последние восемь лет. Эти люди не могут ничего изменить и вообще не могут мне помочь, так что, быть может, они спрашивают лишь из любопытства».

В начале октября 2006 года полиция отослала прокурору предварительный отчет, ключи от дома похитителя Вольфганга Приклопиля в Штрасхофе были переданы в районный суд, а представитель пресс-службы австрийской полиции Герхард Ланг объявил: «Обыск в доме завершен».

Были найдены следы ДНК, однако пригодных отпечатков пальцев не оказалось. Приклопиль маниакально следил за порядком, все было вычищено. Стоило лишь Наташе закончить еду, как он тщательно все вытирал и мыл — столы, стаканы, тарелки. Полиция все еще изучает цепь взаимоотношений похитителя, его делового партнера, матери Наташи Бригитты Сирни и ее бывшего любовника Гусека, как мы подробно излагали выше.

Какой бы «нормальности» Наташа Кампуш ни надеялась достичь, этого никогда не произойдет, пока она отказывает в правде самой себе и миру. Однако на данный момент она, кажется, удовлетворена вдоханием атмосферы славы.

Среди ее сторонников строились предположения о церемонии вручения международной премии «Женщина года» в Соединенных Штатах в октябре, на получение которой она, как сообщалось, претендовала. Однако она объявила, что никуда не поедет: она предпочитает остаться дома и общаться с семьей и друзьями. И адвокатами. В будущем всю семью — отца, мать и дочь — будет представлять новый консультант по прессе.

Два новых интервью, которые она дала в октябре австрийским газетам, были восприняты после заявлений

«Штерна» как попытка подачи информации в нужном ключе. Ее главный адвокат, Геральд Ганцгер, предупредил, что читателям не стоит искать ответы на загадки в деле Наташи. Он заявил об этом в тоне, не допускающем дальнейшего обсуждения: «В любом случае госпожа Кампуш не будет снова обращаться к прошлому». Он оказался прав — она не обращалась.

На подъездной дорожке к дому 60 по Хейнештрассе, припаркованные столь аккуратно, что это понравилось бы и самому Приклопилю, стоят автомобили, ставшие символами двух величайших событий в его жизни: та же самая модель белого фургона «мерседес», на котором он похитил Наташу (несколько лет назад он продал оригинал и купил новый) и гоночный красный BMW, за рулем которого он был перед совершением самоубийства.

Криста Стефан, пожилая леди, которая видела его в саду вместе с Наташей, буквально проклинает себя за кое-что давно уж позабывшееся, но теперь вспомнившееся, кое-что несделанное, что могло бы сократить срок Наташиного заключения. «Помню, как мой старый отец, — рассказывала она, вспоминая события 1998 года, — смотрел тогда на белый фургон и дивился фольге, которой Приклопиль завесил окна. „Не позвонить ли мне в полицию, — сказал он. — Смотри, что он сделал с машиной. Какой-то он странный“. Но я ответила: „Не глупи...“ — и вот теперь я хожу на могилу отца и твержу: „Папа, ты был прав“. Но кто мог бы подумать, что некто может сохранять подобное в тайне так долго?»

Точно так же, как дом, где выросла Наташа, стал магнитом для туристов, так и Штрасхоф превратился в обязательный пункт посещения — однако вряд ли какой город пожелал бы себе подобной достопримечательности. Мэр Герберт Фартхофер заявляет: «Я слышал, что к нам приезжают. Заходят в рестораны и ненароком спрашивают официантов, не подскажут ли они, где находится дом Приклопиля. Турфирмы говорят о появившемся другом роде путешественников. Пока они не приезжают сюда целыми автобусами, но как знать? Что до жителей нашего города, то мы лишь радуемся тому, что все обошлось. Все говорят: слава богу, что девочка жива. Если бы дело закончилось по-иному, тогда, быть может, и реагировали бы по-другому».

Мэру приходится разбираться и с вопросом, надо ли изменять герб города вследствие смерти его самого печально знаменитого жителя. На нем изображено железнодорожное колесо, символизирующее промышленное прошлое города. Из-за способа, которым Приклопиль покончил с собой, до сих пор продолжается спор, не пришло ли время убрать это колесо совсем.

Несомненно, что разоблачения по делу еще будут следовать и общественный интерес к истории Наташи какое-то время будет сохраняться. Одна лишь Наташа может ответить на все вопросы, но чем это для нее обернется?

«Ей нужно снова побыть ребенком, — утверждает ее отец. — Вся эта ответственность — слишком большой груз для нее. Она мне говорила: „Я не хочу того, что на меня свалилось. Я всего лишь хочу быть молоденькой девушкой“».

Это не вяжется с образом Наташи-контролера, сложившимся в связи с ее отношением к своим адвокатам и медиа-консультантам. И сколько бы Наташа ни говорила, что хочет жить как обыкновенная девушка, ее нынешний мир весьма далек от нормального — он омрачен ужасающим опытом и контролируется прессой. Неудивительно, что она пришла к той точке зрения, что раз она вынуждена жить с подобной реальностью, то может и воспользоваться ею.

«Сейчас она присматривается к мировым контрактам, — подтверждает ее отец. — Она потеряла восемь лет своей жизни и хочет, чтобы и они принесли какую-то пользу. Она также собирается, пользуясь своей славой, помочь другим людям». Он продолжил:

Ей не доставляет радости развитие некоторых обстоятельств. Все произошло слишком быстро. Она только сбежала и сразу дала это интервью. Люди воспользовались ее беспомощностью и втянули в это. Я думаю, что они хотели лишь заработать да прославиться.

Ею просто манипулировали. Я совершенно убежден, что она смирилась с ними, а затем разобралась, кто они такие, и послала их к черту. Сейчас мы регулярно встречаемся всей семьей и все обсуждаем вместе.

Мы старались вместе построить планы Наташи на будущее. В конечном счете Наташа сама примет окончательное решение. Она все-таки надеется, что в свое время заживет нормальной жизнью. Она проживает в своей квартире одна, хотя помощь всегда рядом. Она говорит, что хочет выйти замуж и завести детей, однако трудно понять, как это может произойти. Даже если она и встретит подходящего человека, как он совладеет с возникшим к нему интересом? Люди будут задаваться вопросом, да и она сама наверняка тоже, действительно ли он тот, кто ей нужен, или же просто хочет что-то получить от нее?

Он умолкает, и его взгляд обращается в пустоту — он говорит, что пытается отогнать картины того, что Приклопиль

мог делать с его маленькой девочкой.

На протяжении восьми лет я готовил себя к новости: обнаружили либо ее, либо ее тело. Я мысленно представлял себе это. И поэтому, когда пришла весть, что она нашлась, я лишь переключился на автопилота. Я был совершенно спокоен. Я только и сделал, что сел в свою машину и поехал в полицейский участок. Недавно, когда мы сидели в нашем саду, который она так любила в детстве, она сказала мне: «Когда мне будет шестьдесят, а тебе девяносто и ты будешь ходить с тросточкой, я и тогда буду твоей маленькой девочкой».

Но истина состоит в том, что никто не может вернуть мне мою маленькую девочку. Я скучаю без нее и горжусь той женщиной, какой Наташа стала, но я никогда не получу свою маленькую девочку назад.

Тем временем, несмотря на восстановление отношений с семьей и попытки обрести хоть какую-то нормальную жизнь, она остается под надзором психиатров, хотя и амбулаторно. Квартира, которую ей временно предоставили венские городские власти, располагается рядом с больницей, где она лечилась. Доктор Халлер надеется, что ее отношения с родителями нормализуются: «Это очень важно, ведь, грубо говоря, ее снова похитили. Наташе очень трудно реагировать на поворот на сто восемьдесят градусов от полнейшей изоляции к тысячепроцентному вниманию».

В полиции одно время обсуждалась идея, чтобы в той или иной степени применить к Наташе программу по защите свидетелей, как это делается с дающими показания против мафии, однако они отказались от этого, когда юристы заявили, что в данном случае программа неуместна, поскольку Наташа не преступница. Но она может когда-либо в будущем изменить имя, что обойдется ей всего лишь в сумму, эквивалентную девяти фунтам стерлингов.

Профессор Бергер осознает, что полицейское расследование, в смысле вовлечения в него Наташи, отнюдь не бессрочно. «Ясно, что полицейские допросы подходят к концу. Госпожа Кампуш — жертва, а не преступница. А полиция не привыкла работать с жертвами».

Он и профессор Фридрих предупреждают, что на Наташе могут сказаться какие-либо замедленные эффекты вроде синдрома посттравматического стресса у солдат спустя долгое время после боевых действий. Они предупреждают Наташу, что у нее могут появиться головные боли, тошнота, рвота, бессонница и

приступы паники. Команда по уходу и лечению наблюдает в реакции Наташи Кампуш пока лишь «верхушку драматического айсберга».

Наташа все так же притягивает тех, кто превозносит ее мужество и нестигаемый дух. Поклонники со всего мира засыпают ее посланиями, письмами, цветами и плюшевыми игрушками. На пике своей славы, в дни непосредственно после побега, она получала по сотне посылок, писем и букетов каждые сутки. Чтобы справиться с таким потоком, персоналу больницы помимо своих обычных обязанностей приходилось заниматься и доставкой почты, которая продолжает поступать и поныне, хотя и в меньших объемах. Многие игрушки перенаправили в сиротские приюты и детские больничные палаты. Были и неизбежные предложения руки и сердца, но она не воспринимает их всерьез.

«Наташа читает каждое письмо и ответит каждому», — обещает адвокат Ганцгер.

С одной из девушек у Наташи установилась особенная связь — с Еленой Самохиной из России. Причина этого в том, что в юности Елену также похитили прямо на улице и удерживали в специально построенной тайной комнате под гаражом. Как и Наташа, она провела годы в тесной клетке, хотя и находилась в заключении четыре года, а не восемь, и на момент похищения была много старше. Однако на протяжении этого срока похититель Елены часто насиловал и мучил ее.

Когда Елена увидела фотографии Наташиных ног из-под одеяла, когда ее увозила полиция, ей больше не требовалось подтверждений, что ужасная история правдива. После четырех лет без солнечного света кожа Елены тоже обрела молочно-белый цвет с зеленоватым оттенком.

Елене было семнадцать лет, когда ее и ее четырнадцатилетнюю подругу Катю Мамонтову^[19] похитил бывший военнослужащий Виктор Мохов, заперев их в специально построенном подвале под гаражом. В подземной тюрьме Елена дважды рожала, причем ей помогала лишь ее подруга. Обоих детей Мохов забрал и подбросил в подъезды домов городка Скопин, позже их усыновили.

Когда в мае 2004 года ее наконец-то освободили, она была на восьмом месяце беременности. Ребенок родился мертвым, а девушка заявила миру, что никогда не поверит мужчинам снова. Однако сейчас она замужем за своей новой любовью Димой и поступила в университет, где изучает журналистику. Она даже подумывает о том, чтобы завести с мужем детей. «Я бы хотела двоих или троих», — призналась она.

Она написала из России: «Мое послание Наташе личное,

предназначенное лишь ей одной. Я надеюсь, оно поможет ей в том, что ей предстоит. Возвращаясь к тому времени, у меня и в мыслях не было, что впереди может быть нормальная жизнь. Я считала, что уже никогда не полюблю мужчину и даже не буду им доверять, поэтому это было словно чудо, когда в прошлом году моя семья и друзья поднимали за нас бокалы на нашей свадьбе. Когда же я была заперта в подвале, я оставила любую надежду и перестала мечтать. Это было все, что я могла делать, чтобы выжить».

Мужчина, похитивший Наташу, после ее побега покончил с собой, в то время как похититель Елены, Мохов, был схвачен — получил семнадцать лет тюремного заключения.

Елена, теперь двадцати четырех лет, говорит, что надеется, что ее переписка «поможет Наташе примириться с чудовищностью произошедшего с ней». Близкие к Наташе считают, что так оно и происходит. Команда психиатров надеется, что она сблизится с уникальной подругой. «Поскольку за последние восемь лет Наташа была привязана лишь к своему мучителю, очень важно, что теперь у нее есть положительный женский образ, к которому она могла бы привязаться», — говорит ее бывший главный психиатр Макс Фридрих.

До дела Наташи Кампуш можно было утверждать, что Австрия отождествляется с Моцартом, колокольчиками, «Звуками музыки» и Йоргом Хайдером. Символы, за исключением Хайдера, которыми туристы вполне оставались довольны. Теперь же незабываемым символом всей страны стала Наташа — девушка, отметившая на карте нацию численностью восемь миллионов способом, который никогда бы не пришел им на ум.

Газеты даже проводят социологические опросы. «Зальцбургер нахрихтен» сообщила, что 90 процентов австрийцев были «очень взволнованы» ее первым интервью, а 50 процентов читателей не могли понять, почему она не захотела жить ни с матерью, ни с отцом. Более 80 процентов австрийцев убеждены, что жертва похищения получает лучший из возможных медицинский и психологический уход, за который, по мнению 75 процентов, должно платить государство. Однако 68 процентов полагают, что Наташа уже никогда не сможет вести «нормальную жизнь». Интересно, что более половины — 62 процента — не верят, что Вольфганг Приклопилль спланировал и осуществил свое преступление в одиночку.

«Мода на Наташу», как некоторые газеты окрестили этот феномен, имела и другие последствия. После того как она сбежала и стали известны подробности ее существования, по всей

стране — по крайней мере на несколько дней — невероятно возросло количество родителей, провожающих своих детей в школу. Также резко увеличились продажи мобильных телефонов для детей, их обеспокоенные родители хотели общаться с ними когда угодно. Это, в свою очередь, инициировало следующие споры — о «домашних детях», как после всего произошедшего важно давать им независимость в раннем возрасте для формирования характера.

Появилась даже новая болезнь — синдром Наташи Кампуш. Этот термин придумали медики, чтобы объяснить ту тревогу, что начали испытывать о собственных детях тысячи родителей, услышав шокирующий рассказ Наташи. Болезнь подразумевает и эффектные, часто неистовые вспышки, в особенности у отцов, которым повсюду мерещатся бесы и которые обвиняют соседей и друзей в том, что те «детопохитители». Одним из ее крайних проявлений был случай, когда некий отец поджег своего соседа, поскольку был убежден, что тот похитил его дочь.

Венский психотерапевт Курт Клетцер, которого мы ранее уже цитировали, сказал:

Дело Наташи было достаточно шокирующим, но то, что оно произошло здесь, в Австрии, буквально у порога, травмировало множество людей, которые крайне обеспокоились за своих детей. Так называемый синдром Кампуш — естественное развитие этого. Родители считали само собой разумеющимся, что их дети находятся в безопасности по дороге в школу средь бела дня. Теперь же они сомневаются в своей уверенности, что проявилось в ряде случаев сверхъестественного отношения к своим детям.

В некоторых районах напуганные родители заставили полицию выставить патрули для охраны школ, а, поскольку дети очень часто не приходят домой вовремя, на полицейские участки обрушилась волна звонков от не находящих себе от ужаса места родителей. В упомянутом случае с поджогом пятидесятипятiletний мужчина из австрийского городка Гмунден вбил себе в голову, что его сосед похитил его дочь-подростка. Он связал шестидесятидвухлетнего старика, когда тот отказался вернуть ему дочь, облил бензином и поджег.

Позже полиция выяснила, что семнадцатилетняя девушка отправилась на выходные со своим другом из Доминиканской Республики к нему на родину, не сказав об этом родителям. Она обнаружилась, по-видимому, всего лишь через час после инцидента. Пострадавшего мужчину доставили в ожоговое отделение в больнице Вельса, а затем переправили в соседний

Линц. Он получил ожоги на пятидесяти процентах поверхности тела и на время написания книги пребывал в искусственной коме, его состояние оценивалось как критическое.

Так же как и доброжелателям и недругам Наташи, полиции пришлось столкнуться с новым преступным феноменом: с Кампуш-мошенничеством. Жулики, прикидываясь официальным «Фондом Наташи Кампуш» или чем-то вроде этого, открыли множество сайтов, где указали счета и адреса, на которые следует перечислять деньги. Несколько негодяев надрывались от смеха по дороге в банк, пока полиция не прикрыла эту кибер-аферу.

Однако и сама Наташа держит курс на то, чтобы заработать денег больше, чем она могла бы надеяться когда-либо потратить, если голливудская фабрика подпишет с ней контракт. По сообщениям прессы, за первый договор о фильме ей предлагают более миллиона фунтов.

Нед Норчак, независимый кинокритик, это прокомментировал так: «Люди уже получили свою порцию крови в голливудских фильмах ужасов. Но они желают увидеть в ужастике кое-что другое, новое измерение страха. В истории Наташи для этого есть все, и, более того, она подлинна, что делает ее пугающей вдвойне. Это произошло с ней — это могло произойти с любым из зрителей». По слухам, среди кандидатов на режиссера фильма числится и восходящая звезда, голливудский режиссер фильмов-ужасов Эли Рот, завоевавший признание такими фильмами, как недавний «Хостел». Команда юристов внимательно изучает все предложения.

Так что жизнь захватывающая, богата и нова для Наташи. Но можно ли считать ее нормальной? Дирк Деповер, отец одной из жертв Марка Дютру, являющийся одним из учредителей благотворительной бельгийской организации «Ребенок в фокусе», стремящейся защитить маленьких детей от подобных Приклопилю, утверждает, что нормальной жизни можно добиться только посредством анонимности, — что, несомненно, не подходит Наташе Кампуш.

Раз уж затронуты описания Наташи, то одно из них, сделанное Маргой Свободой из «Кронен цайтунг», отражает достоинства и необычность этой весьма выдающейся девушки, высвечивая ее потребность в контроле наряду со стремлением к нормальности, представляющейся столь неуловимой. Приведенное ниже госпожа Свобода сочинила во время интервью с Наташей.

Когда вся суматоха закончится, дадут ли ей быть самой собой, неузнаваемой? Ей не позволяли уставать очень долго. Восемь

лет обнаженных нервов, когда ей приходилось быть все время начеку, даже во сне. Нельзя просто взять и исключить тюремное заключение. Восемь лет в одиночестве в подвале, а теперь в одиночестве в целом мире.

Порой есть немного обычной повседневной рутины. Адвокат приносит папки. Госпожа Кампуш не любит беспорядок. Слишком много изменений за несколько дней, слишком много жизни вот так, неожиданно. Приходит в гости ее отец. Она хочет видеть кошек. В тот день, когда она ушла из дому, не попрощавшись с матерью, она перестала ласкать кошек.

Наташа устроила образовательный центр на нескольких квадратных метрах подвала. Это займет ученых, в особенности педагогов, на несколько лет вперед. Из Наташиного самообразования все еще можно много чего почерпнуть.

Упорство и невероятная решимость установить пределы — именно эти черты Наташи Кампуш восхитили мир после ее побега. Лишь исключительный ребенок мог добиться этого, не согнувшись, не сломившись.

Больно думать, что у всего мира сложилось впечатление, будто Наташа Кампуш сильная, умная и умелая. Я надеюсь, она также способна быть и человеком, которому не надо прятать свои раны и слабость. В конце концов, она просто способна жить.

Но дела финансовые и юридические более приоритетны, нежели образование. Наташа, например, полна решимости заполучить дом на Хейнештрассе, где она выросла, дабы гарантировать, что «его не превратят в музей, где продаются пепельницы и кофейные чашки».

Она сказала, что, наверное, позволит жить там матери Приклопиля. На время написания книги она с ней так и не встретилась, но надеется, что скоро это произойдет.

То, что Наташа не хочет, чтобы дом попал в третьи руки и стал «Диснейлендом ужасов», понять можно. Но не слух, что она хочет поселиться в нем, даже если госпожа Приклопиль откажется иметь с ней что-либо общее.

Девочка в подвале хочет вернуть свою тюрьму. Быть может, после всего произошедшего с ней это единственное место, где она действительно чувствует себя в безопасности.

Мы надеемся, что благодаря обилию источников, к которым мы обратились, а также благодаря помогавшим нам экспертам, эта книга показала, что отношения между ними были крайне сложны. Это был ключ к ее выживанию. Тем не менее мы надеемся, что нам удалось описать дело Наташи так, чтобы

раскрыть — по крайней мере соответствующим специалистам — все детали этих взаимоотношений. Она не заслуживает быть мишенью кампании по рассылке отвратительных писем с оскорблениями, инициированной тем, что было понято как ее стремление защитить репутацию Приклопиля.

Авторы могут доказать, что защищать чудовище нет необходимости, и неважно, сколько человеческого ей удалось в нем разглядеть, просто потому, что разговоры могут задеть чувства его престарелой матери. Подробный отчет о нраве и желаниях ее тюремщика был бы весьма полезен лишь для медицины. Хранящиеся в компьютерном файле данные, переданные полицейским управлениям по всей Европе, могли бы оказаться весьма действенными, когда в следующий раз объявится другой охотник за детьми, дабы обратить наши худшие кошмары в явь. Чтобы бороться с чудовищами, их необходимо знать.

В том подвале Наташа выросла, но, как показали сами медицинские эксперты, во многих отношениях она так и осталась десятилетней девочкой, вошедшей туда. Переходящее в разряд одержимости стремление контролировать, как пресса подает ее историю, служит признаком страха перед таким же отсутствием контроля, что она испытывала в день своего похищения.

Весь мир и, несомненно, сами авторы надеются, что Наташа Кампуш добьется всего, чего она хочет в жизни, в которой у нее на месте опыта лишь зияющая пропасть. Все надеются, что Наташа заполнит эту пропасть любовью и дружбой.

Ее ум, доброта — она не хочет заводить животных, потому что считает, что все создания должны обладать свободой, которой сама она в годы формирования была лишена, — ее находчивость, забота о других и врожденная порядочность — все это не подлежит сомнению. Наташа Кампуш могла выйти из подвала существом, утратившим человечность, но она вышла едва ли не сверхчеловеком, способным считаться с чувствами матери своего тюремщика, пускай даже его обращение с ней и продолжает иссушать ее душу. То, что мир, несмотря на голод, войны, терроризм и смерть, за исключением его безумцев да вымогателей, писал ей письма с предложениями о помощи, — это свидетельство невероятной эмоциональной силы, порожденной пережитыми испытаниями и ее победой над ним.

История Кампуш отличается от других стремлений сбежать, победить добром зло по двум причинам. Во-первых, невероятно долго она удерживалась Приклопилем, много дольше, чем исламские боевики удерживали взрослых мужчин в Бейруте в 80-х годах, — единственная современная драма с заложниками,

которая по освещению прессой сопоставима с Наташиным заключением. Во-вторых, она была маленькой девочкой, повзрослевшей в неволе. Это ощущение невинности, утраченной в подвале, как ошеломило мир, так и подвигло его к совместной скорби, что подобное случилось, и радости, что все закончилось так, как закончилось.

Пускай порой мы и сомневались в версии Наташи относительно происходившего на Хейнештрассе, 60, но мы никогда не брали под сомнение ее мужество и стойкость, чтобы вынести это. Души помельче были бы разрушены случившимся с ней, психически и физически.

Наследие Наташи миру заставит чудовищ остерегаться того, чего они жаждут. Она является доказательством стойкости человеческого духа, его способности никогда не сдаваться, но преодолевать кажущееся несокрушимым превосходство.

Когда ей было двенадцать, она пообещала себе, что освободится. Теперь она должна твердо придерживаться этого обета, поскольку подлинная свобода, с ее неизменными каждодневными тревогами, стрессами, рутиной и заботами, — для нее еще более серьезными — бросает этой необыкновенной женщине следующий грозный вызов.

notes

Примечания

Музыкальный фильм (1965) по мотивам одноименного мюзикла, действие происходит в Зальцбурге. — Здесь и далее примеч. пер.

Скрытая цитата из оперетты «Фрегат его величества „Пинафор“» А. Салливена по либретто У. Гилберта: «Things are seldom what they seem, / Skim milk masquerades as cream» («Вещи редко являются тем, чем кажутся, — снятое молоко притворяется сливками»).

Популярный немецкий поп-певец.

Известный австрийский певец и композитор.

Поросенок Порки (букв, «жирный») — персонаж из мультфильмов компании «Уорнер бразерс».

Озеро среди величественных гор в Каринтии, излюбленный курорт зажиточных австрийцев.

Сказочный мир из фэнтезийного цикла для детей «Хроники Нарнии» англо-ирландского писателя Клайва Стейплза Льюиса (1898–1963).

Роман американского писателя Уоррена Эдлера, в котором рассказывается о болезненном и жестком разводе некогда счастливой и благополучной пары Роузов.

Имеется в виду Клемент Ричард Эттли (1883–1967), лидер
Лейбористской партии и 62-й премьер-министр Великобритании.

4 мая 1961 г. в Аннистоне (штат Алабама) разъяренной толпой был подожжен автобус активистов антисегрегационного «рейда свободы».

Франц Фукс (1949–2000) — австрийский террорист и ксенофоб, в период 1993–1997 гг., рассылая бомбы по почте и минируя объекты, убил 4 и покалечил около 15 человек; по официальной версии, покончил с собой в тюрьме.

Военная база в штате Кентукки, на территории которой в 1935 г. Министерство финансов США основало хранилище золотого запаса.

Рассказ Мика Харрисона «Крысоловка».

Роман француза Анри Шарьера, автобиографическое повествование осужденного на пожизненную каторгу по подложному обвинению в убийстве.

Анна Фрейд (1895–1982) — дочь Зигмунда Фрейда, психоаналитик.

Владимир Набоков «Лолита», перевод Владимира Набокова.
C'est tout — вот и все (фр.).

Криминальная драма (1949) по одноименному роману Грэма Грина.

Роман (1959) американского писателя Ричарда Кондона (а также одноименные фильмы 1962 и 2004 гг.), в котором китайские и советские спецслужбы обрабатывают плененных в ходе войны в Корее американских солдат и затем используют их в заговорщических целях.

Фамилия указана по российским СМИ, в оригинале стоит Мартынова.